ISSN 1024-5928 (print)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2017. № 3

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2017. № 3

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18 мая 2009 г.

*Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор

Александр Александрович Коваленя – Президиум Национальной академии наук Беларуси

Редакционная коллегия

В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (*заместитель главного редактора*)
П. Г. Никитенко – Национальная академия наук Беларуси *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая *(ведущий редактор журнала*)

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет
В. В. Данилович – Институт истории Национальной академии наук Беларуси
М. П. Костюк – Институт истории Национальной академии наук Беларуси
И. В. Котляров – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси
А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси
А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси
М. В. Мясникович – Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь
Д. И. Широканов – Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Редакционный совет

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси *(Республика Беларусь)*

В. И. Васильев – Академиздатцентр «Наука» Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук *(Российская Федерация)*

П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет Министерства образования Республики Беларусь *(Республика Беларусь)*

Герд Генчель – Ольденбургский университет *(Федеративная Республика Германия)*

А. Е. Дайнеко – Институт мясо-молочной промышленности Научно-практического центра Национальной академии наук Беларуси по продовольствию *(Республика Беларусь)*

А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка Министерства образования Республики Беларусь *(Республика Беларусь)*

В. И. Жук – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси *(Республика Беларусь)*

В. П. Изотко *(Республика Беларусь)*

В. А. Ильин – Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук *(Российская Федерация)*

С. П. Карпов – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова *(Российская Федерация)*

И. Л. Копылов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси *(Республика Беларусь)*

Е. Миронович – Белостокский государственный университет *(Республика Польша)*

И. В. Саверченко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси *(Республика Беларусь)*

А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан *(Республика Казахстан)*

А. В. Смирнов – Институт философии Российской академии наук *(Российская Федерация)*

Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук *(Китайская Народная Республика)*

Адрес редакции:

ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2017. № 3.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Ю. В. Денищик*

Подписано в печать 14.07.2017. Выход в свет 28.07.2017. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 108 экз. Заказ 127.
Цена номера: индивидуальная подписка – 10,34 руб., ведомственная подписка – 25,29 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2017

ISSN 1024-5928 (print)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES. 2017. No. 3

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration No. 394 dd. 18 May 2009

This journal is included in the List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

E d i t o r - i n - C h i e f

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus

E d i t o r i a l B o a r d

V. V. Gnilomedov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus *(Deputy Editor-in-Chief)*
P. G. Nikitenko – National Academy of Sciences of Belarus *(Deputy Editor-in-Chief)*
M. S. Makritskaya *(Lead Editor)*

Ye. M. Babosov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus
G. A. Vasilevich – Belarusian State University
V. V. Danilovich – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus
M. P. Kostsiuk – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus
I. V. Kotlyarov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus
A. A. Lazarevich – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus
A. I. Lokotko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus
A. A. Lukashanets – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus
M. V. Myasnikovich – Chairman, Council of the Republic, National Assembly of the Republic of Belarus
D. I. Shirokanov – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus

E d i t o r i a l C o u n c i l

A. N. Bulyko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus *(Republic of Belarus)*
V. I. Vasilyev – Nauka Academic Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Nauka Scientific and Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Head of the Book Culture Research Centre, Chairman of the Book Publishing Council, International Association of Academies of Sciences (*Russian Federation*)
P. A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University *(Republic of Belarus)*
Gerd Hentschel – Institute of Slavic Studies, Carl von Ossietzky University of Oldenburg *(Federal Republic of Germany)*
A. Ye. Daineko – Institute for Meat and Dairy Industry of the Scientific and Practical Center for Foodstuffs of the National Academy of Sciences of Belarus *(Republic of Belarus)*

A. I. Zhuk – Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University *(Republic of Belarus)*
V. I. Zhuk – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus *(Republic of Belarus)*
V. P. Izotko *(Republic of Belarus)*
V. A. Ilyin – Institute for Social and Economic Development of Territories, Russian Academy of Sciences *(Russian Federation)*
S. P. Karpov – M. V. Lomonosov Moscow State University, Russian Academy of Sciences *(Russian Federation)*
I. L. Kopylov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus *(Republic of Belarus)*
E. Mironowicz – University of Bialystok *(Republic of Poland)*
I. V. Saverchenko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus *(Republic of Belarus)*
A. A. Satybaldin – Institute of Economics, Science Committee, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan *(Republic of Kazakhstan)*
A. V. Smirnov – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences *(Russian Federation)*
Yang Xiong – Institute of Sociology, Shanghai Academy of Social Sciences *(People's Republic of China)*

Address of the Editorial Office:
1, Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum. belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS
Humanitarian Series, 2017, No. 3.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. V. Dzianishchyk*

Signed to print on 14.07.2017. Published on 28.07.2017. Format 60×84$^{1}/_{8}$. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 108 copies. Order 127.
Number price: individual subscription – BYN 10.34, departmental subscription – BYN 25.29.

Publisher and printing execution:
Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press No.02330/455 dated December 30, 2013.
Address : F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2017

ISSN 1024-5928 (print)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Бабосов Е. М. Философская доктрина Франциска Скорины – родоначальника Ренессанса в Беларуси 7
Кожемякина О. Н. Концептуализация уязвимости доверия в условиях глобализации и информатизации 14
Харитонов И. Н. Культурный код белорусского общества: аксиологический анализ 25
Шухно Е. В. Ценности как ключевой компонент организационной культуры 34

ГІСТОРЫЯ

Жлутка А. А. Невядомыя старонкі біяграфіі Францыска Скарыны 40
Унучак А. У. Янка Купала і Якуб Колас у «Нашай Ніве» 51

МОВАЗНАЎСТВА

Булыка А. М. Роля Ф. Скарыны ў развіцці слоўнікавага складу старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы 57

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Мдивани Т. Г. Когнитивные аспекты музыки в белорусском композиторском творчестве 68
Горбунов И. В. Музей как социокультурный институт (1990 –2010 гг.) 77

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Гніламедаў У. В., Мікуліч М. У. Прарок адраджэння (Да 135-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы) 87
Тычына М. А. Якуб Колас: нацыянальная класіка ў беларускай і сусветнай літаратуры (Да 135-годдзя з дня нараджэння Якуба Коласа) 103

ПРАВА

Протасовицкий С. П. Понятие и виды финансового риска 114

ЭКАНОМІКА

Журавлев Ю. А. Развитие экспорта как важный фактор экономического роста 123

ISSN 1024-5928 (print)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Babosov Ye. M. The Philosophical Doctrine of Francisk Skorina, the Father of the Renaissance in Belarus 7
Kozhemiakina O. N. Conceptualizing the Vulnerability of Trust in the Context of Globalization and Informatization 14
Haritonov I. N. The Cultural Code of Belarusian Society: An Axiological Analysis 25
Shukhno Ye. V. Values as a Key Component of Organizational Culture 34

HISTORY

Zhlutka A. A. Unknown Pages of Francisk Skorina's Biography 40
Unuchak A. U. Yanka Kupala and Yakub Kolas in Nasha Niva..... 51

LINGUISTICS

Bulyko A. N. Francisk Skorina's Role in Developing the Vocabulary of the Old Belarusian Literary and Written Language 57

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Mdivani T. G. Cognitive Aspects of Music in Belarusian Musical Composition 68
Gorbunov I. V. Museum as a Socio-cultural Institution (1990–2010) 77

LITERARY SCIENCE

Gnilomedov V. V., Mikulich N. V. The Prophet of Renaissance (To the 135th Anniversary of Yanka Kupala's Birth) 87
Tychino M. A. Yakub Kolas: National Classics in Belarusian and World Literature (To the 135th Anniversary of Yakub Kolas's Birth) 103

LAW

Protasovitsky S. P. Concept and types of financial risk..... 114

ECONOMICS

Zhuravlev Yu. A. The Development of Exports as an Important Factor for Economic Growth 123

ISSN 1024-5928 (print)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 811.161.3’373

Поступила в редакцию 28.03.2017
Received 28.03.2017

Е. М. Бабосов

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

ФИЛОСОФСКАЯ ДОКТРИНА ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ – РОДОНАЧАЛЬНИКА РЕНЕССАНСА В БЕЛАРУСИ

Знаменитый белорусский первопечатник Франциск Скорина занимает выдающееся место в ряду восточнославянских просветителей ренессансного направления. Отмечается, что он обладает яркой россыпью талантов – наряду с книгопечатанием, ставшим главным его жизненным призванием, он добился крупных достижений в медицине, ботанике, астрономии, живописи. Знал несколько языков, встречался с Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэлем, Лютером. В 1517–1519 гг. напечатал 23 иллюстрированные книги Библии на родном языке белорусов, а затем – «Малую подорожную книжицу» и «Апостол».

В творчестве Ф. Скорины на передний план выдвигается взаимосближение религиозно-трансцендентных и светских идеалов и ценностей. Его антропоцентрические убеждения основывались на уверенности в том, что простой человек, из народа, не обладающий ни богатством, ни знатностью, способен собственными усилиями возвеличить себя в духовно-нравственном смысле. Его этическая доктрина нацеливает человека на реальную общественно-полезную деятельность, служение народу и родной Отчизне. В творчестве Ф. Скорины осуществлено органичное единение истины, добра и справедливости. Все это должно составлять жизненное кредо человека, подкрепляться и воплощаться в его добрых делах, в его стремлении к гражданскому и социальному взаимопониманию. Лейтмотивом многогранного гуманистического творчества Ф. Скорины было понимание своего народа как целостной общности, объединенной своим происхождением, родной землей, исторической судьбой, языком, культурой, христианскими традициями, общими государственными границами и законами.

Ключевые слова: первопечатник, антропоцентризм, нравственное самосовершенствование, социальное взаимопонимание, любовь к Отчизне.

Ye. M. Babosov

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE PHILOSOPHICAL DOCTRINE OF FRANCISK SKORINA, THE FATHER OF THE RENAISSANCE IN BELARUS

The famous first Belarusian book printer Francisk Skorina occupies an outstanding place among East Slavic enlighteners of the Renaissance. The article notes that he was brightly and widely talented. Along with book printing which became his main vocation, he achieved significant success in medicine, botany, astronomy, and painting. He spoke several languages and met with Leonardo da Vinci, Michelangelo, Raphael and Luther. Between 1517 and 1519, he printed 23 illustrated books of the Bible in the Belarusians’ native language and “The Small Traveller’s Book” and “The Apostolos” later on.

The mutual convergence between religious and transcendental and secular ideals and values is brought to the fore in Skorina’s works. His anthropocentric convictions were based on his confidence that any simple person, a commoner, who is neither wealthy nor noble, can exalt himself spiritually and morally through his own effort. His ethical doctrine urges us to be focused on real socially beneficial activity and service to the people and Fatherland. Skorina’s works organically unite truth, good and justice. All this ought to constitute the life credo of a person, be reinforced by, and reflected in, his good deeds and his striving for civil and social understanding. The leitmotif of Skorina’s multifaceted humanistic work was the understanding of his people as an integral community united by origin, native land, historical destiny, language, culture, Christian traditions, and common state borders and laws.

Keywords: first book printer, anthropocentrism, moral self-improvement, social understanding, love for Fatherland.

© Бабосов Е. М., 2017

В ряду выдающихся восточнославянских просветителей ренессансного направления особое место занимает белорусский философ-гуманист и первопечатник Франциск Скорина (около 1490–1551). Родился в Полоцке, в купеческой семье. Его отец торговал кожами на территории Великого Княжества Литовского, в Московском княжестве и странах Западной Европы. Получив базовое образование на родине, Франциск в 1504 г. поступил в Краковский университет, а в декабре 1506 г. получил там степень бакалавра. С 1506 по 1512 г. он напряженно работал, стал за это время магистром семи свободных (гуманитарных) наук, а в ноябре 1512 г. ему в университете Падуи (Италия) была присуждена степень доктора медицины. В 1517 г. Ф. Скорина переехал в Прагу, где основал первую в восточнославянских землях типографию. В том же году он издал в Праге «Псалтырь», а всего на протяжении 1517–1519 гг. напечатал 23 иллюстрированные книги первой Библии на родном языке белорусов под общим названием «Библия русская, изложенная доктором Франциском Скориною из славного города Полоцка, Богу ко чти и людям посполитым к доброму научению». В 1520 г. он перевел свою типографию в Вильно – тогдашнюю столицу Великого Княжества Литовского. Там он издал «Малую подорожную книжицу» и «Апостол». Последние годы жизни белорусский первопечатник провел в Праге, работал врачом при королевском дворе.

Франциск Скорина, подобно другим выдающимся представителям эпохи Возрождения, обладал яркой россыпью талантов. Наряду с книгопечатанием, ставшим главным его жизненным призванием, он добился крупных достижений в живописи, ботанике, астрономии, лекарских науках, медицине. В знаменитом университете в Падуе ему присвоили степень доктора «лекорских наук». К тому же он знал несколько языков и активно путешествовал по Европе. В своих поездках он встречался с самыми знаменитыми людьми того времени. Сохранились свидетельства его бесед с Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэлем, М. Лютером.

Белорусский народ почитает Франциска Скорину как одного из величайших исторических деятелей во всей своей истории. В его честь названы высшие государственные награды страны – Орден Франциска Скорины и медаль Франциска Скорины. Его имя присвоено Национальной библиотеке Беларуси, Государственному университету в Гомеле, гимназии № 1 в Минске, гимназии № 1 в Полоцке, Общественному объединению «Общество белорусского языка».

Имя Франциска Скорины носит бывший Староборисовский тракт в Минске, а также улицы в Гомеле, Барановичах, Пинске, Бресте, Березе, Львове. Памятники ему возведены в Минске, Полоцке, Лиде, Вороново, Колодищах, Калининграде, Вильнюсе, Праге. Был выпущен художественный кинофильм «Я, Франциск Скорина», главную роль в котором исполнил известный актер Олег Янковский. Именем Ф. Скорины названа малая планета № 3283, открытая советским астрономом Н. Черных. Язык, на котором Ф. Скорина печатал свои книги, основывался на церковнославянском языке, но с большим количеством белорусских слов, поэтому был больше всего понятен жителям ВКЛ, в состав которого входили белорусские земли.

Столь крупномасштабное почитание гуманистически-просветительской деятельности и творческого наследия Ф. Скорины детерминировано его огромным вкладом в развитие духовной культуры эпохи Возрождения, признанным энциклопедистом и властителем дум которой он являлся. Ф. Скорина вошел в историческую память не только белорусов, но и многих европейских народов как первопечатник, основатель белорусского гуманизма, общеевропейского антропоцентризма и рационализма того времени.

Известный исследователь истории белорусской философской мысли В. М. Конон вполне обоснованно утверждал, что Ф. Скориной была вполне осознанна важная роль белорусского языка не только как носителя культуры, но и как фактора, стабилизирующего целостность народа [4, с. 13]. На его гербе была изображена «Луна Солнечная», символизирующая получение знаний, физическое и духовное здоровье человека.

Философско-мировоззренческая парадигма Ф. Скорины базируется на трех взаимосвязанных основаниях: 1) идея Бога – творца; 2) его поучения человеку, воплощенные в «книге всех книг» – Библии; 3) человек (народ) «посполитый». В творчестве Ф. Скорины на передний план выдвигается стремление к соединению, взаимосближению религиозно-трансцендентных и светских

идеалов и ценностей. Он одновременно молитвенно обращался к Богу и посвящал все свои помыслы служению простым людям – «народу посполитому» (в старобелорусском языке это слово употреблялось в значении «простой», «общенародный»).

Для философских воззрений Ф. Скорины характерна общая для ренессансного мировоззрения тенденция перехода от теоцентрической к антропоцентрической модели мироздания, от религиозной догматики к светской культуре. Но это делается не путем отказа от религии (все представители данного мировоззрения были людьми религиозными), а путем выхода за ее пределы посредством философского синтеза, соединяющего теологические размышления о Боге, едином в Святой Троице, с заботой о духовной и телесной чистоте человека, который должен стремиться «познать мудрость и науку». Его антропоцентрические убеждения основывались на твердой уверенности в том, что простой человек из народа, не обладающий ни богатством, ни знатностью, способен собственными усилиями возвысить себя в духовном смысле. Он провозглашает самоценность человеческой жизни, возвышает земное бытие человека, не отвергая в то же время и веры в потустороннюю жизнь. Его этическая доктрина нацеливает человека преимущественно на реальную общественно-полезную жизнедеятельность, служение «пожитку посполитому», овладение знаниями, нравственное совершенствование, «абы научившися мудрости», люди «добре жили на свете»... «Без мудрости и без добрых обычаев, – утверждал он, – не ест мощно, почастиве жити людям посполите на земли» [5, с. 20]. В комментариях к Еклезиасту он говорит: «О науце всех людей посполите сущих в летех мужество... понеже в розмантых речах люди на свете покладают мысли и кохания свое» [5, с. 28]. Для него высшая ценность –насыщенная знаниями, нравственно совершенная и общественно полезная жизнь человека: «Да совершен будеть человек божий и на всякое дело доброе уготован. И сего ради святые писма установлено суть и нашему навчению, исправлению, духовному и телесному различными обычаи» [5, с. 9].

В пятидесяти предисловиях к библейским текстам и в шестидесяти двух послесловиях к ним Ф. Скорины отчетливо выявляется ренессансная концептуальная направленность его философских воззрений, проявляющаяся в органическом единении теологических сентенций с обобщенно-философскими и нравственно-дидактическими размышлениями. Представляя читателю книгу Иова, он органично соединяет богословские и духовно-нравственные начала. В повествовании о бедах и немощах, подстерегающих человека в его жизни, белорусский гуманист говорит о том, что эта книга есть «зеркало жизни нашей, лекарство душевное», вселяющее в души страждущих надежду воскрешения из мертвых и жизни вечной. Здесь категория возвышенного, традиционная для христианской этики, предстает как восхождение к нравственному совершенству неприметного и скромного в грешном мире человека путем духовных подвигов и свершений. Он акцентирует внимание на том, что божественное могущество «возводит смирение на высокость, и немощность приводит к полному Здравию». Само же «полное Здравие» трактуется как духовное и телесное здоровье человека, достигаемое на путях его религиозно ориентированного духовного самосовершенствования. Этот пример свидетельствует, что в более широком философском синтезе мы имеем в творчестве Ф. Скорины органическое единение истины, добра и справедливости, выступающее в качестве идеала совершенного человека, который в своем саморазвитии становится человеком гармоничным.

В его творениях моральные проповеди органично сопрягаются с призывом свято соблюдать правовые установления. По его словам, «Закон прироженный в том наиболее соблюдаем бывает, что самому либо ест от иных всех, и того не чините иным, чего сам не хощеши от иных имети... Сей закон прироженый ест в серци единого кажного человека» [4, с.72].

Здесь мы подходим к самой существенной особенности философских воззрений Ф. Скорины – к его возрожденческому антропоцентризму. Сущность этой концепции заключается в выдвижении на приоритетные позиции проблемы земного предназначения человека, которое, однако, не снимает с рассмотрения проблему загробной жизни. Данная позиция позволяет сформулировать положение о способности человека достичь идеала гармоничной личности посредством индивидуальных стараний и действий, «соединения молитвенного

обращения к Богу» с «хорошими земными делами». Для духовного спасения, утверждал Ф. Скорина, недостаточно одной только религиозной веры. Опираясь на веру, подлинный христианин, считал он, должен подкреплять и воплощать ее в добрых делах. «Каждый человек, – утверждал он в предисловии к «Первому посланию коринфянам», – должен данный ему талант использовать для умножения общего добра» [4, с. 8]. Он подчеркивал, что каждый человек должен уважать каждого и любить его, ибо «это величайший Божий дар, без которого ничего не совершается» [4, с.81].

В этом же предисловии Ф. Скорина выделяет в качестве важнейшей этической категории понятие «согласия», в котором воплощено стремление людей к гражданскому и социальному взаимопониманию. По его словам, в своем знаменитом послании апостол Павел «пишет о согласии, в котором все хорошее приходит ко всякому городу и к каждой общности, потому что несогласие даже самые могущественные царства разрушает» [4, с. 80]. Вместе с тем белорусский просветитель подчеркивает, что самоотверженное, даже жертвенное служение своему народу и Отечеству – важнейшая обязанность каждого сознательного гражданина. Всячески восхваляя подвиг Юдифи, которая рисковала жизнью во имя интересов своего народа и «победила непобедимого среди людей», Ф. Скорина призывал читать про ее подвиг как образец для восприятия и воплощения в реальность. По его утверждению, «чтобы мы, подобно зеркалу, эту прославленную женщину имели перед глазами. Чтобы в добрых делах и в уважении Отечества не только женщины, но и мужчины брали с нее пример. И всяческих усилий, и ценностей для общего добра, и Отечества своего никогда не жалели» [4, с. 64].

Родное Отечество всегда оставалось для Ф. Скорины источником вдохновения. В своем предисловии к книге «Юдифь» он поэтизирует любовь к Родине как самой природой и Богом данное людям высокое и святое чувство:

Ад нараджэння звяры, што ў
нетрах блукаюць, –
ведаюць ямы свае!
Птушкі, паветра свідруючы, –
гнёзды свае не губляюць!
Рыбы ў морах бурлівых –
чуюць свой вір без памылкі!
Пчолы і іншая жыўнасць –
вуллі бароняць заўжды!
Гэтак і людзі: дзе нарадзіла іх маці,
на шчасце ўскарміўшы, –
Ласку да месца таго
берагуць заўсягды! [4, с. 63–64].

В своих книгах Ф. Скорина первым в Восточной Европе пришел к пониманию своего народа как целостной прирожденной общности, объединенной своим происхождением, землями, исторической судьбой, языком, культурой, христианскими традициями, общими государственными границами и законами.

Осуществленные Ф. Скориной издания проповедовали ренессансно-гуманистические идеи, жизненную активность человека на пользу общества, высоконравственные принципы повседневной жизни, необходимость подготовки и реализации законов, верховенство народа над государством. В своих предисловиях и аннотациях к разделам Библии он подчеркивал необходимость осуществления церковно-религиозной и политической толерантности, что совпадало с чаяниями и стремлениями белорусского народа и своеобразно воплотилось в его самобытной культуре.

Своеобразие культуры как исторически определенного уровня духовного развития общества, творческих сил и способностей человека, воплощенных в многообразных формах и сферах его жизнедеятельности, его идеалах и ценностях, заключается в неразрывной взаимосвязи традиции и новаторства. Основным способом сохранения и передачи культурных традиций нации, их непрестанного развития и обновления является ее культурный код.

Он представляет собой отшлифованную веками исторического развития народа систему уникальных культурных архетипов, образов и ценностей, характеризующих идентичность, менталитет и духовно-нравственные установки данного народа. Именно культурный код, сформированный базовыми ценностями народа, определяет своеобразие национальной психологии, воплощенной в поступках и деятельности людей, в их жизненных позициях и стратегиях поведения.

Культурный код нации проявляет свои особенности в качестве исторически сложившейся и развивающейся системы социокультурных коммуникаций, интегрирующих в динамически эволюционирующую целостность духовно-нравственные, семейно-бытовые, природно-географические, хозяйственно-экономические, геополитические, смысложизненные особенности, принимаемые как общепринятые нормы самоидентификации людей независимо от их этнической принадлежности и передаваемые из поколения в поколения посредством обучения и воспитания, сохранения и воспроизводства исторической памяти народа. Он отличается совокупностью качественных универсальных характеристик, выполняющих человекоформирующую и человековозвышающую роль в становлении стереотипов поведения, жизненных позиций, социальных ожиданий, мировоззренческих и смысложизненных предпочтений и ожиданий индивидов и их социальных групп в свойственных данному народу, в данном случае белорусскому, культурно-цивилизационных границах.

В становление и развитие культурного кода белорусского народа огромный вклад внес Ф. Скорина. Он первым в Восточной Европе пришел к пониманию значимости и роли культурного кода в формировании культуры, языка, традиций, обрядов данного народа.

Это сыграло важную роль в формировании белорусской культуры, в распространении духовно-нравственных позиций, которые, по его убеждению, должны быть направлены на интеллектуальные и нравственные самосовершенствования, «абы научившиеся мудрости» люди «добра жили на свете» и служили «во имя отчизны своей».

В своих взглядах на взаимоотношения человека с государством Ф. Скорина опирался на принципы естественного права, согласно которому основой всех взаимоотношений между людьми признавались Природа, Бог и Обычай. Исходя из этой триады, он подчеркивал значимость двух факторов: «Человеческая природа регулируется двумя первоначалами: Господом Богом, это значит законами природы, и писаными законами. Исполнение природного закона настаивает на том, чтобы делать людям то, что самому приятно получать от них, и того не делать людям, чего сам не желаешь иметь от них. На этом фундаменте, как на ясной заре, составлены все написанные законы» [4, с. 56].

Впервые в восточнославянском регионе белорусский просветитель последовательно изложил фундаментальное предназначение четко сформулированного законодательства, которое призвано регламентировать и регулировать взаимоотношения отдельных людей и целых сословий в обществе. По его утверждению, «созданы права или законы для двух целей. Чтобы злые люди, боясь наказания, сдерживали безответственность свою и не имели силы вредить другим. С другой стороны, чтобы добрые люди, проживая среди злых, могли жить спокойно» [4, с. 58–59].

Каждый закон, по его словам, должен соответствовать традициям народа, быть справедливым и направленным на общую пользу. Он писал: «Земские права у каждого народа имеют свои особенности, ибо одно подходит одним, а другое – другим. Но есть в них и общее, все законы должны быть ценными, справедливыми, необходимыми, существенными, полезными по своему предназначению, соответствующими обычаям страны, времени и месту, красивыми, яркими, прозрачными, написанными не для одного человека, а для добра» [4, с. 58].

Одна из главных тем творчества Ф. Скорины – величие и красота родного языка. Он сам своими переводами библейских книг на белорусский язык внес весьма существенный вклад в становление и развитие родного языка, что вполне вписывалось в общую тенденцию становления национальных языков в эпоху Возрождения. Существование множества языков он считал не Божьим покаранием, а важнейшим достижением цивилизации и культуры. Поэтому

он в предисловии к книге «Иисус Сирахов» подчеркивал: «Потому и я, во имя восхваления Бога, во имя общего блага, распространения мудрости, знаний, разума и науки приложил усилия перевести эту книгу на белорусский язык, что написана она для нашего научения» [4, с. 45]. Белорусский первопечатник-гуманист был убежден в том, что родной язык становится важнейшим источником и носителем национальной консолидации народа. Его творческие усилия в данном направлении выполнили важную конструктивную роль в процессе последующего формирования белорусской нации и национального независимого государства.

Служение высшему благу как важнейшее моральное качество человека-гражданина отнюдь не противопоставляется Ф. Скориной возможности множественности индивидуальных смысложизненных стремлений реальных людей, которые, по его убеждению, должны обладать свободой и плюрализмом ценностных ориентаций. О том, что каждый человек должен обладать правом на свой собственный жизненный выбор, свидетельствует следующий скорининский комментарий к «Екклесиасту»: «Все люди на свете направляют свой разум и сердце на определенные вещи. Одни – на царствие и господство. Другие – на богатства и роскошь. Третьи – на мудрость и науку. Четвертые – на телесное здоровье и красоту. Пятые – на приобретение имущества и многочисленных дорогих вещей. Шестые – на щедрые яства и необузданные прелюбодеяния. Иные – на детей, на дружбу, на военные успехи и многие другие вещи. Таким образом, каждый человек обладает чем-то таким, что более всего остального является для него привлекательным» [4, с. 47]. И все-таки, признавая право каждого человека на свой собственный жизненный выбор, Ф. Скорина неизменно подчеркивал, что самое главное для всех людей – обрести мудрость, высокую нравственность, нести другим людям добро и тем самым активно служить общему благу. Он мечтал о таком устройстве общества, при котором станут господствовать мир, справедливость, христианское милосердие, взаимоуважение всех людей. А чтобы прийти к такому общественному устройству, считал Ф. Скорина, каждый разумный и нравственно развитый человек должен учиться на образцах жизни и деятельности великих учителей древности – выдающегося философа Аристотеля, мудрого еврейского царя Соломона, собирателя и владельца знаменитой Александрийской библиотеки Птолемея [4, с. 44–45].

Подобно этим историческим личностям Ф. Скорина своим преданным служением Богу, истине, мудрости и своему народу стал подлинным Учителем не только для множества своих современников, но и для нескольких поколений белорусов как выдающийся философ-гуманист, первопечатник, оказавший мощное позитивное воздействие на создание белорусского национального языка и национальной книгопечатной литературы. Он занимает почетное место в истории не только белорусской, но и в целом славянской философской и общественной мысли благодаря тому, что не только перевел на тогдашний белорусский язык (церковнославянский язык белорусской редакции) Библию, но и своеобразно осмыслил и прокомментировал ее в религиозно-светских вариантах, сделал ее сюжеты, каноны и поучения более доступными, понятными и привлекательными для всех слоев белорусского народа. Он всячески восхваляет добродетельные нравы. Больше всего, по его утверждению, духовно возвышают человека мудрость, справедливость, вера, любовь, надежда, чистота, служение Богу, долготерпение, милосердие, постоянство, умеренность, почтительность и щедрость по отношению к другим, дружба, послушание своим родителям. Кроме того, он показал всесилие и креативную мощь мудрости и морали, покоящихся на Божественных заповедях, раскрыл созидательную роль разума и науки в развитии человека и общества. Он был убежден и проникновенно убеждал других в важности воспитания личности гражданина, во всем стремился выделить высокую значимость личностного начала, множественности равноправных культур, равноценность всех языков мира, подчеркивал выдающуюся роль образования и воспитания в улучшении человеческой доли.

Духовно-нравственный гуманистический опыт и творческое наследие Франциска Скорины многообразны и всеобъемлющи, они имеют не только этнонациональную, но и общечеловеческую цивилизационно-культурную значимость.

Список использованных источников

1. Бабосов, Е. М. Философская доктрина Ф. Скорины – родоначальника Ренессанса в Беларуси / Е. М. Бабосов // Философские проблемы бытия, познания, веры и культуры. – Минск, 2010. – С. 297–305.

2. Бабосов, Е. М. Культурный код нации: сущность и особенности / Е. М. Бабосов // Наука и инновации. – 2016. – № 3. – С. 48–50.

3. Галенчанка, Г. Я. Францыск Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар / Г. Я. Галенчанка. – Мінск, 1993.

4. Конан, У. М. Беларуская мастацкая культура эпохі Сярэдневякоўя і Рэнесансу / У. М. Конан. – Мінск: БДПУ імя Максіма Танка, 2006. – 176 с.

5. Конан, У. М. Скарына і яго эпоха / У. М. Конан. – Мінск, 1990. – С. 311–359.

6. Конон, В. М. От ренессанса к классицизму / В. М. Конон // Становление эстетической мысли Белоруссии XVI–XVIII вв. – Минск: Наука и техника, 1978.

7. Падокшын, С. А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: Ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / С. А. Падокшын. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 285 с.

8. Скарына, Ф. Выбраныя творы / Ф. Скарына; уклад., прадм., пер. на бел. мову І. В. Саверчанкі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 110 с.

9. Скарына, Ф. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына; уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўнік А. Ф. Коршунава, паказальнікі А. Ф. Коршунава, В. А. Чамярыцкага. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.

References

1. Babosov E. M., “Philosophical Doctrine F. Skorina – the founder of the Renaissance in Belarus”, *Filosofskie problemy bytiia, poznaniia, very i kul'tury* [Philosophical problems of life, knowledge, faith and culture], Minsk, BY, 2010, pp. 297–305.

2. Babosov E. M., “Cultural code of the nation: essence and features”, *Nauka i innovatsii* [Science and Innovation], 2016, no. 3, pp. 48–50.

3. Galenchanka G. Ia., *Frantsysk Skaryna – belaruski i uskhodneslavianski pershadrukar* [Frantsisk Skorina – Belarusian and East Slavic first printer], Minsk, BY, 1993.

4. Konan U. M., *Belaruskaia mastatskaia kul'tura epokhi Siaredneviakouia i Renesansu* [Belarusian artistic culture of the Middle Ages and the Renaissance], BDPU imia Maksima Tanka, Minsk, BY, 2006.

5. Konan U. M., *Skaryna i iago epokha* [Skaryna and his epoch], Navuka I tekhnika, Minsk, BY, 1990.

6. Konon V. M., *Ot Renessansa k klassitsizmu. Stanovlenie esteticheskoi mysli v Belarusi v XVI–XVIII vv.* [From the Renaissance to the classicism. Formation of aesthetic thought in Belarus in the 16th – 18th centuries], Minsk, BY, 1978.

7. Padokshyn S. A., *Filasofskaia dumka epokhi Adradzhennia u Belarusi: Ad Frantsyska Skaryny da Simiaona Polatskaga* [Philosophical thought of the Renaissance in Belarus: from Frantsiska Skoriny to Simeona Polotskogo], Navuka I tekhnika, Minsk, BY, 1990.

8. Skaryna F., *Vybranyia tvory* [Selected works], Belaruskaia navuka, Minsk, BY, 2008.

9. Skaryna F., *Tvory: Pradmovy, skazanni, pasliasloui, akafisty, paskhaliia* [Works: Preface, legends, afterword, hymns, Paschalis], Navuka I tekhnika, Minsk, BY, 1990.

Информация об авторе

Бабосов *Евгений Михайлович* – акад., д-р филос. наук, проф., зав. отделом. ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Isst@socio.bas-net.by.

Information about the author

Babosov *Yevgeniy Mikhailovich,* Academician, D. Sc. (Philos.), Professor, Head of Department, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: Isst@socio.bas-net.by.

Для цитирования

Бабосов, Е. М. Философская доктрина Франциска Скорины – родоначальника Ренессанса в Беларуси / Е. М. Бабосов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 7–13.

For citation

Babosov, Ye. M. The Philosophical Doctrine of Francisk Skorina, the Father of the Renaissance in Belarus / Ye. M. Babosov // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 7–13.

ISSN 1024-5928 (print)
УДК 177:316.42

Поступила в редакцию 20.03.2017
Received 20.03.2017

О. Н. Кожемякина

Черкасский государственный технологический университет, Черкассы, Украина

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ УЯЗВИМОСТИ ДОВЕРИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Осуществлен концептуальный анализ трансформаций доверия в условиях глобализации и информатизации, актуализируется проблематика формулирования новых этических принципов современности в контексте рисковых профилей уязвимости доверия в современном обществе. Предложена концептуализация доверия как рискогенного благоориентированного действия, обусловленного непрозрачностью намерений, изначальной свободой и неконтролируемостью действий Другого (как персонифицированного, так и деперсонифицированного), демонстрируется выражение отношения принятия собственной уязвимости как стратегии действия «несмотря на …», что снижает неопределенность и социальную сложность.

Проанализированы причины проблематизации доверия в современных условиях, исследованы ценностные основания кризиса доверия в контексте анализа трансформационных изменений современности, актуализируется значимость неустойчивости социального порядка, неопределенности и риска в формировании отношений доверия. Осуществлен анализ особенностей функционирования доверия во взаимоотношении процессов глобализации и глокализации. Отмечается, что глокализация может быть трактована в качестве способа восстановления локального климата доверия, усиливая значимость культурного контекста нормативности в среде доверия. Предложено рассмотрение глокализации как в аспекте локальных преимуществ, в том числе за счет сохранения ценностно-нормативной базы этоса поддержки и санкционированной надежности, так и в качестве локальной уязвимости.

Кризис доверия рассматривается как кризис ресурсов доверия, которые содержатся в социокультурном поле нормативно зафиксированных взаимных интересов, затрагивая проблематику идентичности, дихотомии глобального и локального, рационального и иррационального, расширения манипуляционных возможностей информационного общества. Особое внимание уделяется анализу особенностей трансформации социальной реальности в контексте новых возможностей и угроз технологий Big Data в онтологическом, гносеологическом и этическом ракурсах. Показано, что в условиях возрастающих манипуляционных возможностей современного информационного общества необходимо разумное соотношение доверия и недоверия как взаимообусловленных стратегий общественной и индивидуальной самореализации.

Ключевые слова: доверие, уязвимость, культура доверия, риск, глобализация, глокализация, информационное общество, манипуляция, Big Data.

O. N. Kozhemiakina

Cherkassy State Technological University, Cherkassy, Ukraine

CONCEPTUALIZING THE VULNERABILITY OF TRUST IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND INFORMATIZATION

The article presents a conceptual analysis of the transformations of trust in the context of globalization and informatization, pointing out the pressing problem of formulating new contemporary ethical principles in the context of trust vulnerability risk profiles in modern society. Trust is proposed to be conceptualized as a risk-generating benefit-oriented act which is based on the fact that the intentions of the Other (both personified and impersonal) are non-transparent and that the Other has initial freedom and no control over his actions, and which expresses the acceptance of one's own vulnerability as a 'notwithstanding' action strategy, thus reducing uncertainty and social complexity.

The reasons behind the problematization of trust in the contemporary conditions have been analyzed, and the value-related grounds for the crisis of trust have been studied in the context of analyzing modern transformational changes, pointing out that the instability of social order and the uncertainty and risk in the formation of trust-based relations have pressing significance. The specifics of how trust functions in the interrelationship of globalization and glocalization processes have been analyzed. It is noted that glocalization can be construed as a way to restore the local climate of trust, which increases the significance of the cultural context of normativeness in the environment of trust. Glocalization is proposed to be addressed both in the aspect of local advantages, including those arising from the preservation of axiological and normative basis for the ethos of support and sanctioned reliability, and as local vulnerability.

The crisis of trust is viewed as a crisis of trust resources contained in the socio-cultural field of normatively established mutual interests, addressing such issues as identity, the dichotomy between the global and local, the rational and irrational, and increasing manipulation capacities of information society. Particular focus is made on analyzing specific features of the transformation of social reality in the context of new capacities the Big Data technologies have and new threats they pose,

© Кожемякина О. Н., 2017

viewing them from the ontological, epistemological and ethical perspectives. It is shown that, in the conditions of the increasing dexterity of modern information society, a reasonable ratio of trust and distrust is required as a ratio between interdependent strategies of social and individual self-realization.

Keywords: trust, vulnerability, culture of trust, risk, globalization, glocalization, information society, manipulation, Big Data.

Возрастающая динамика изменений социальной реальности, а также многочисленные кризисные явления (экономические, политические, экологические, моральные, экзистенциальные и др.) приводят к существенным преобразованиям в структурах привычного существования человека, укорененных в традиционных жизненных формах. Одним из вызовов человеческому бытию как таковому становится необходимость формирования ориентиров согласованного сосуществования в системе «человек – общество – природа», учитывая противоречивость общемировых тенденций универсализации, информатизации, экономизации, политизации. По меткому выражению Х. Йонаса, представителя коммуникативной практической философии и этики ответственности, «окончательно освобожденный Прометей, которому наука дает невиданные силы, а экономика – неослабевающие стимулы, призывает к этике, которая добровольными узами сдержит его власть» [1, с. 7]. В мире, где теряет силу приоритет ценностей и начинают доминировать интересы, как никогда актуальными становятся вопросы значимости доверия и его особенной, ценностной природы, заметно обостряясь в ситуации тотальной утраты и эрозии доверия.

Динамические и всеобъемлющие процессы информатизации и глобализации как «неумолимой судьбы человечества» в тревожных обстоятельствах «жидкой современности» (согласно терминологии З. Баумана) обусловливают ощутимую трансформацию всех сфер жизни, в том числе и мирового политико-экономического пространства, придавая ему как черты интернационализации и интеграции, так и локализации, провоцируя проблемы глобальной зависимости и манипуляции, взаимопроникновения и вовлеченности. Новые измерения сложности, повсеместно определяя архитектонику современного бытия, вызывают мощный научный интерес к гибким социокультурным детерминантам общественного развития, ведущее место среди которых занимает именно доверие, переживающее кризисные процессы истощения ресурсного потенциала социального упорядочения и ценностно-нормативной регуляции.

Небывалые ранее по масштабности, скорости и глубине динамические изменения современного мира многочисленные исследователи (У. Бек, Э. Гидденс, М. Кастельс, Д. Гелд, Э. Мак-Грю, Р. Робертсон, З. Бауман и др.) достаточно часто описывают в дискуссионном контексте глобальных трансформаций, которые концептуализируются в понятиях пространственно-временного сжатия, усиления сложности социальных организаций, распространения ощущения взаимозависимости и взаимовлияния, вездесущности информационных технологий, расширения сферы мобильности и интеркультурных коммуникаций и т. п.

Указанные факторы осуществляют как объединяющие, так и разъединяющие влияния на мировое сообщество, одновременно универсализируют и локализируют, задают новые параметры понимания идентичности, ответственности, солидарности, признания, перспектив гражданского общества и т.п. В этих условиях возрастает роль доверия как социальной ценности, которая, являясь диалоговой основой социального взаимодействия, пронизывает все сферы человеческого бытия и открывает такие его измерения, как со-существование, со-зависимость, со-деятельность, актуализируя остроту взаимовлияния и потребности в надежном Другом в глобальном контексте.

Активный научный интерес к феномену доверия наблюдается сравнительно недавно, во второй половине XX века, что обусловлено проблематизацией доверия в связи с усложнением современности, процессами социальной дифференциации и фрагментации. Среди наиболее известных авторов, инициирующих комплексные исследования доверия в условиях современности, следует отметить Э. Гидденса, Ф. Фукуяму, А. Селигмена, П. Штомпку, Н. Лумана, Д. Гамбетту, Р. Хардина, М. Гартмана, Б. Барбера, Т. Ямагиши, Е. Усланера и др. В современном научном дискурсе кризис доверия в условиях глобализированной современности связывают со структурными изменениями в самом социуме (в том числе с переходом от производства материальных благ к производству и использованию информации), обозначая кризис доверия своеобразной «болезнью

общества» в качестве институционального диагноза современности как общей утраты уверенности в завтрашнем дне и разрушения чувства онтологической безопасности. В то же время, несмотря на наличие значительного количества трудов по проблематике доверия, недостаточно исследованы ценностные причины кризисного состояния доверия в условиях взаимообусловленности процессов глобализации, глокализации и информатизации.

Поэтому целью данного исследования является концептуальный анализ трансформационных изменений в функционировании доверия под воздействием противоречивых процессов глобализации и информатизации, обращается внимание на проявления уязвимости доверия как ценностного основания социального взаимодействия в условиях нестабильности социального порядка, неопределенности и риска.

Смысловая экспликация как содержательного, так и функционального потенциала доверия довольно многообразна. Значительное большинство исследователей проблематики доверия отмечают чрезвычайную продуктивность доверия в развитии общества, в частности, в определении конкурентоспособности страны (Ф. Фукуяма [2]). В то же время подчеркивается методологическая сложность анализа доверия, учитывая разнообразие его проявлений и так называемую «вездесущность», универсальность, социальную «фоновость», что и провоцирует появление ряда метафорических определений доверия как «социального клея» (П. Дасгупта [3]), «смазки общественного механизма» (К. Эрроу [4]), «ставки на возможные будущие действия других» (П. Штомпка [5]) и др. Наблюдается также усиление дискуссионности по поводу определения природы доверия, его факторов и роли в современном обществе, особенно учитывая устойчивую динамику падения уровня институционального доверия. Постепенно в научных дискуссиях о значимости доверия происходит переход от восторга и наделения его универсальными свойствами как фактора социального порядка и необходимого условия нормального, «здорового» функционирования общества к осознанию необходимости учета всех возможных последствий доверия, осознанию уязвимости, установления степени доверия, специфики формирования культуры доверия с элементами культуры критичности, предусматривающей возможность институциализации активного (либерального) недоверия.

Проблематизация доверия в аспекте обоснованной и необоснованной демонстрации уязвимости и осознания зависимости требует рассмотрения амбивалентности трактовок доверия, с одной стороны, как минимизации риска, а с другой – как производства риска. Исследовательская стратегия концептуализации доверия как социокультурного явления современности берет начало в теориях социального капитала и теорий обмена Дж. Коулмена [6], Р. Патнема [7], Ф. Фукуямы [2], теории «социального становления» и культуры доверия П. Штомпки [5], концепции доверия как реакции на усложнение современности Э. Гидденса [8] и А. Селигмена [9], трактовки доверия как редукции социальной сложности Н. Лумана [10], концепции инкапсулированного доверия Р. Хардина [11], теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [12].

В контексте обозначенных вопросов следует отметить особую, ценностно-императивную природу доверия, потенциал которой раскрывается в распространенности ресурсов общепризнанного благоориентированного действия (с императивными ориентирами заботы, ответственности, личностного признания, незлоупотребления доверием и т. п.). Обобщая существующие трактовки доверия, в качестве ключевых можно выделить следующие его особенности:

– специфическое двойственное отношение – *отношение-оценка*, характеризующее отличительное позитивно-селективное восприятие надежности субъектов взаимодействия, и *отношение-связь*, отражающее стимульное формирование результативных отношений ответственного взаимодействия с другими, получая определенные полномочия относительно предметов доверия;

– проявление готовности принятия собственной *уязвимости* и признания приемлемой возможности рассчитывать на добрую волю другого;

– специфический набор *социальных ожиданий* стратегического и моралистического типа – надежности и безопасности взаимодействий, профессиональной компетентности, добрых намерений, выполнения надлежащим образом добровольно взятых обязательств;

– наличие так называемых *доверие-моделирующих добродетелей*: честности, ответственности, порядочности, признания, профессионализма, взаимности, заботы и т.п.;

– *темпоральность* доверия обусловлена ориентацией на будущие результаты с учетом опыта предыдущих взаимодействий (актуализируя, в частности, вопрос репутационного капитала) и совершенного выбора;

– предположительная *прогнозируемость* результатов доверия в условиях сложной предсказуемости социальных отношений вследствие принципиальной непрозрачности намерений и действий Другого (как персонифицированного, так и деперсонифицированного) определяет, с одной стороны, *редукцию социальной сложности* и экономию транзакционных издержек, с другой стороны, определяет трактовки доверия как *рискогенного действия*.

С учетом задач данного исследования необходимо подчеркнуть неоднозначность проявлений доверия в реалиях современного общества, когда необоснованная демонстрация уязвимости может привести к эскалации угроз и усилению социальной сложности, что актуализирует институционализацию способов снижения уязвимости, а также формирование стратегий недоверия как защитных и контролирующих. Как и доверие, недоверие является необходимой частью социальной практики, представляя не валентно противоположную категорию (в качестве отрицательной общественной ценности в противовес доверию как положительной), а демонстрируя логику взаимодополнения, амбивалентности, выполняя специфические, необходимые в реальном современном обществе функции. Доверие выполняет функции поддержания и развития ценностно-нормативных основ общества, эффективного взаимодействия, легитимации, социальной интеграции и мобилизации усилий, недоверие же отражает преимущественно защитную и ограничительную функции, реализуя идеи сохранения, обособления, социального контроля, социальной критики и освобождения от иллюзий.

В целом социокультурное пространство доверия, горизонты которого расширяются от межличностного до системного, представляет собой ценностно обусловленную структуру кооперативных взаимодействий, порождающих и определяющих нормативные представления их субъектов, осуществляющих процедуры оценки надежности и безопасности исходя из взаимного авансированного восприятия. Одним из направлений экспликационной динамики концептуализации уязвимости доверия является его трактовка как особого вида зависимости, открытости, ранимости в аспекте онтологической потребности в Другом, который понимает и принимает эту уязвимость.

Доверие как благоориентированное рисковое действие, вследствие непрозрачности намерений, изначальной свободы и неконтролируемости действий Другого (как персонифицированного, так и деперсонифицированного), является по сути выражением отношения принятия собственной уязвимости, демонстрируя выбор стратегии действия «несмотря на …», отражая перфекционистское восприятие Другого в его лучших (ожидаемых) проявлениях, в то же время стимулируя эти проявления. Традиционная трактовка доверия в терминах технической компетентности, социальной (ролевой) принадлежности и позитивного мышления кажется нам недостаточной, поскольку сфера отношений доверия предполагает гораздо более сложный спектр субъективных и объективных условий, учитывая также их культурно-средовые составляющие.

Примечательно также то, что феномен доверия выступает как синтез объективных и субъективных факторов: объективные базируются на адекватном фильтрационном восприятии субъектов доверия как достойных, отражая наличие ресурсов доверия, оснований доверять; субъективные основываются на специфическом отношении к субъектам доверия как наделении их необходимыми (желаемыми) свойствами. Оправданное доверие, таким образом, представляет собой сбалансированное сочетание субъективных и объективных факторов, оптимальное согласование восприятия и отношения субъектов доверия.

В этой связи уместным является применение методологического потенциала коммуникативной философии для анализа конструктивных и деструктивных эффектов функционирования доверия в процессах социального взаимодействия. Концептуальные различия коммуникативного и стратегического действия, введенные Ю. Хабермасом, являются модерновым вариантом воплощения ценностно- и целе-рациональности (предложенной М. Вебером), что позволяет рассмотреть коммуникативные основания доверия. Коммуникативная рациональность является аналогом ценностной рациональности, обозначая субъект-субъектную ориентацию на взаимопонимание и взаимное равноправное согласования интересов и планов путем аргументированного дискурса [12].

Стратегическая рациональность в своей основе имеет целерациональность индивидуальных планов и действий, определяя субъект-объектные отношения, где Другой является объектом господства или властвования. В условиях реальной коммуникативной общности, в отличие от идеальной, нередки ситуации подмены коммуникативной рациональности стратегической, что способствует распространению манипуляционных действий в виде идеологических и социально-технологических конструктов, что, соответственно, усугубляет уязвимость доверия. Доверие как коммуникативно-рациональное действие базируется на интенциях достижения согласия, где ключевым является субъект-субъектный принцип взаимопризнания, а не телеологический субъект-объектный.

На проблематизации доверия именно в условиях современности настаивает А. Селигмен, указывая в качестве причин усиления противоречивости доверия присущие современности социальное расслоение и ролевую сложность. В отличие от уверенности, сфера доверия принципиально уязвима, поскольку предполагает наличие таких отношений, когда воля Другого перестает быть обусловленной, когда взаимодействия не связаны с символическими ориентациями и идеологическими факторами [9, с. 82]. Такое понимание доверия фиксирует скорее его нерациональный, сложно прогнозируемый и некалькулируемый характер, что и предопределяет рискованность и уязвимость доверия в качестве его отличительных признаков. Причем генерализированный обмен предполагает взаимодействие, нормативно организованное в соответствии со взаимными ожиданиями удаленного вознаграждения, которое является деперсонифицированным и приобретается не непосредственно, а в отдаленной перспективе в аналогичных типовых отношениях сетей социальных взаимосвязей в категориях преимущественно коллективного блага.

Позиция четкого разграничения сферы доверия и сферы уверенности, фиксируя степень уязвимости в соотношении рациональных и нерациональных факторов доверия, прослеживается в концепциях Н. Лумана, П. Штомпка, Т. Ямагиши, П. Дасгупты и др. Одним из первых к этой проблематике обращается Н. Луман, который в контексте объяснительных принципов редукции социальной сложности в процессе взаимообусловленности ожиданий предлагает четкие критерии различения доверия и уверенности, основанные соответственно на концептах риска и опасности: сфера доверия – это межличностные отношения и ситуация риска в случае неоправдания доверия вследствие выбора неподходящих альтернатив; сфера уверенности – это функциональные системы (политика, экономика) и социальные отношения, принципиально неконтролируемые со стороны индивида, что обусловливает отсутствие альтернатив и ситуацию опасности в случае разрушения уверенности в эффективности и действенности институтов [10]. В целом в концепциях, основанных на идеях различия доверия и уверенности, разграничиваются специфические ожидания (П. Дасгупта, Т. Ямагиши): доверие более ситуативно и обозначает ожидание мотивов и намерений, связанных преимущественно с категориями нравственного порядка; уверенность отражает ролевые ожидания, ориентированные на безопасность и компетентность как техническую возможность выполнения взятых обязательств надлежащим образом. Итак, ситуация доверия, как на индивидуальном, так и коллективном уровнях, выступает как рискогенное действие сложнопрогнозируемого и принципиально неопределенного характера, что подчеркивает роль иррациональных факторов в процессах социального согласования ожиданий, интересов, потребностей.

Так, П. Штомпка, учитывая коррелят доверия с риском, определяет доверие как ставку относительно будущих неопределенных действий других людей [5, с. 80], степень риска которой зависит от ряда факторов: размера последствий, ожидаемой продолжительности отношений, возможности отмены решения, достоверности и величины потерь, страховой возможности или других средств предотвращения убытков, а также ценности предметов доверия [5, с. 90–92]. В целом доверие обозначает тот спектр отношений, в которых большое значение имеет недостаточное знание о партнерах взаимодействия, неуверенность относительно их дальнейших действий и мотивов, неконтролируемость результатов этих взаимодействий, но решение доверять все же принимается, демонстрируя стратегию «несмотря на…».

Снижению рисковости в отношениях доверия способствует становление культуры доверия, базирующейся на стабильности, привычности, постоянстве, ощущении устроенности в мире, позволяя предсказать реакцию субъектов социальных взаимодействий. Культура доверия являет-

ся социальной моделью активной поддержки проявления и оправдания доверия, что может трактоваться как сознательный коллективный выбор принципов ответственности, солидарности, уважения различий, признания достоинства.

Одним из противоречивых контекстов функционирования доверия в условиях глобализации является глобально-локальное соотношение нормативности: культура доверия обеспечивается прежде всего локальными нормами, глобальные же сферы взаимодействия регулируются размытыми нормами и декларируемыми ценностями, нивелируя возможности контроля, предсказуемости, мониторинга качества и надлежащего исполнения обязательств. Таким образом, доверие как рискогенное действие в глобальном масштабе подвергается рискам нового типа, в то же время как никогда актуализируя необходимость доверия в условиях глобальной взаимозависимости и разнообразных угроз техногенного мира. По мнению П. Штомпки, глобализация реорганизирует основы доверия, разнонаправленно влияя на локальном и глобальном уровнях: способствует эрозии доверия на локальном уровне и создает новые механизмы возвращения доверия на глобальном [5, с. 425].

В целом тревожные симптомы современности, обозначенные в терминах тотальной изменчивости мира, сложной прогнозируемости, неконтролируемости и непредсказуемости последствий, вызывают общую обеспокоенность будущим, провоцируя кризис экзистенциального доверия и обостряя противоречивость идеалистических представлений о глобализации как модернизационном процессе, направленном на утверждение мирового порядка, справедливости, сбалансированности. Именно неконтролируемость последствий глобализации на фоне разрушения фундаментальных ценностей вызывает становление так называемого «нового мирового беспорядка» (по определению Кена Джовитта [13]), побочные последствия которого могут выйти далеко за пределы человеческих замыслов, усиливая уязвимость глобального масштаба в качестве появления новых профилей рисков.

Судьба национальных государств, национальных и региональных экономик также остается неопределенной и зависит от транснациональных рычагов. Разрушение традиционных моделей социально-экономической и политической организации общества параллельно с пересмотром территориальных принципов мирового взаимодействия провоцирует конфликты и существенные изменения во всех сферах общества, существенно трансформируя ценностно-нормативные ориентиры в выстраивании отношений доверия. Кроме того, включение в сферу знакомых и относительно надежных взаимоотношений людей с другими взглядами, ценностями, интересами (в результате расширения контактов в сфере бизнеса, туризма, активизации миграционных процессов, активности в социальных сетях и др.) подрывает существующие механизмы контроля и обеспечения поддержания надежности в функционировании доверия.

Современный мир сопровождается обострением так называемого «профиля рисков», обусловленного угрозами технического прогресса, политическими конфликтами с угрозой эскалации до глобальных масштабов, учащением экономических кризисов, усложняющимися экологическими проблемами и т.п., провоцируя общее ощущение тревожности и неуверенности в завтрашнем дне. Примерами глобализации рисков, значительно видоизменяющими институциональные и личностные измерения доверия, являются также неравномерные тенденции в мировом разделении труда, нарушение природного равновесия, инвестиционные катаклизмы, террористические акты, усиление манипуляционных возможностей современной информационной среды, эскалация различного рода катастроф. Именно в соотношении рисков и опасностей в условиях усиления возможностей социального преобразования выстраивает структуралистскую теорию доверия Э. Гидденс, определяя доверие как «уверенность в надежности человека или системы по отношению к некоторому множеству ожидаемых результатов или событий», а опыт безопасности понимая как равновесие между доверием и допустимым риском [8, с. 150]. Трансформации уязвимости доверия в современном мире способствуют размывание границ очевидностей привычного жизненного мира, появление практик отношений удаленного типа, расширение пространства взаимораскрытия и т. п.

Концептуализированное в терминах индикативности социального порядка, стабильности и упорядоченности, доверие подвергается разрушительным воздействиям в условиях слабой контролируемости, нестабильности, социального расслоения и глобального неравенства. Исследуя проблемы эмпирически подтвержденной «коррозии» доверия в контексте глобализации,

П. Штомпка рассматривает вопросы влияния глобализации на доступность и четкость показателей надежности партнеров взаимодействия (их репутации, интересов, рекомендаций, признания, обещаний и др.), подчеркивая сложность расчета достоверности и сдерживания доверия в условиях глобализации в контексте возможности формирования культуры доверия в мировом масштабе [5, с. 413]. В целом ученый приходит к выводу, что глобализация подрывает доверие, ослабляя факторы, способствующие созданию открытых и надежных отношений, именно вследствие невозможности осуществления «культурного натиска» в условиях роста манипуляционных возможностей информационной среды, расширения сферы анонимных других, жизненной нестабильности. В то же время, понимание доверия как стратегии «несмотря на…» позволяет увидеть некоторые тенденции появления институциональных форм поддержки доверия и снижения его уязвимости в глобальном масштабе за счет формирования действенных структур в международных организациях, репутационных сетей глобального гражданского общества, распространения ценностей этики ответственности и взаимопомощи.

На ценностно-культурных основаниях доверия настаивает и Ф. Фукуяма, отмечая, что факторами сохранения и поддержания доверия являются именно закрепленные в культуре (в навыках и правилах) нормативные взаимообязующие императивы общего блага, поддержки, солидарности, ответственности, уважения, честности, которые являются традиционными общественными ценностями. По образному выражению Ф. Фукуямы, «наиболее успешные формы, в которые отливается современность, не совсем современные, т. е. они основаны не только на общем распространении либеральных экономических и политических принципов в обществе» [2, с. 571]. Однородность мира в процессе глобализации и информатизации сопровождается процессами культурной дифференциации, выигрышно дополняя трансформации современности появлением альтернативных путей успешного развития.

Таким образом, исследование трансформаций доверия в условиях глобализации требует расширенного анализа взаимовлияний глобализации и глокализации. Данный подход позволит рассмотреть проблемы амбивалентности идентичности (планетарной и национальной, религиозной и атеистической, традиционной и современной) в условиях разнообразия культур и жизненных миров, баланса универсального и уникального, изменений в горизонтах взаимодействий системы и среды, возрастающей мобильности, экономической поляризации и т.п.

Неоднозначность, многоаспектность, амбивалентность глобализации провоцирует появление разнородных, иногда противоречивых и разнонаправленных тенденций. В терминологии М. Маклюэна мгновенная связь и передача информации в любой точке мира способствует росту вездесущего управляющего воздействия коммуникационных систем, что ведет к формированию новых форм глобального сознания, детерриторизации, нивелирования пространства [14]. Одной из ярких проблем является неравномерность качественного развития процессов информационной, экономической, культурной и политической глобализации, что сопровождается, в том числе, непредсказуемыми и неожиданными последствиями.

В качестве вызова глобализации, реакции на глобализацию, а также как параллельного с глобализацией процесса может быть рассмотрен концепт глокализации. По мнению Р. Робертсона, одного из теоретиков теории глокализации, даже признание общности пространства не означает общности его восприятия [15, p. 8]. Глокализация трактуется как форма защитной реакции на унификацию и противодействие «стиранию различий», редукция сложностей глобализации, маргинализация или вынужденная изоляция. В контексте данного исследования глокализация может быть рассмотрена как в качестве локальных преимуществ, в том числе за счет сохранения ценностно-нормативной базы этоса поддержки и санкционированной надежности, так и в качестве локальной уязвимости вследствие неравномерности развития, доступа к ресурсам и т. п.

Оптимистический потенциал глокализации базируется на восприятии нынешних социальных изменений как шанса для стран и народов, лишенных возможностей существенного влияния в мире. Несколько пессимистический ракурс понимания роли локальности в глобализационных процессах как уязвимости предлагает З. Бауман, для которого локальность выступает знаком социальной обездоленности, отчуждения, пространственной сегрегации. Следствием глобализации стала глобальная стратификация в соответствии с формулами «глобальное богатство –

локальная бедность», «локальный порядок – глобальный хаос». В отличие от глобализации, в которой размываются границы и происходит трансформация пространства, локализацию сопровождают процессы закрепления пространства, но с неопределенными перспективами. Согласно З. Бауману, эти два процесса вызывают резкую дифференциацию условий жизни целых стран, регионов, отдельных сегментов населения; то, что для одних выступает глобализацией – в аспекте свободы, мобильности, формирования ценностей, для других оборачивается локализацией – неожиданным и жестоким ударом судьбы, ограничением, неудобством проявить себя на побочных ролях мироустройства [16].

В контексте трансформаций времени глобализация базируется на сжатии времени с ориентирами на будущее, глокализация во временной проекции является единством прошлого, настоящего и будущего, сохраняя перспективность традиции и обеспечивая сущностную основу развития будущего. Таким образом, глокализация как побочный эффект глобализации усиливает значимость пространственной, исторической и культурной конкретности, что воплощается в концептах пространства как определенной территории; религиозной, конфессиональной, этнической идентичности; национальных интересов; государственной самореализации; локального социального опыта места, что способствует восстановлению доверия за счет сохранения ценностно-нормативного уровня санкционированной надежности и безопасности взаимодействий.

Одним из актуальных аспектов анализа проблематики уязвимости доверия в контексте глокализации являются значительно усложнившиеся миграционные процессы, учитывая обострение проблем трудовой, религиозной, политической, экологической миграции, что способствует появлению новых форм ксенофобии и ограничительных стратегий. Представленная глобализацией широкая возможность свободно преодолевать пространство способствует появлению нового рода типологических образов миграции, конкретизированных З. Бауманом в образах туриста и бродяги. Одни свободно ездят по миру, получая от путешествий немалые удовольствия, другие смотрят, как мир проплывает мимо, путешествуя нелегально и опасаясь арестов и депортации, а так называемая насильственная локализация предохраняет селективность последствий глобализации.

Локализация в этом смысле сопровождается жестокой поляризацией мира, возведением новых стен (как символических в виде ограничительных законов, так и реальных). Исследование сущностных основ глокализации в аспекте дихотомии глобального и локального указывает не только на пространственную локацию, но и на социокультурный контекст и контент, обостряя проблемы меж- и внутрикультурного понимания, свободы и доступности привилегий, расширения – сужения границ идентичности, смещения горизонтов Своего и Иного (который в зависимости от контекста понимается как другой, дальний, вражеский, третий, посторонний и т.п.).

Включение в сферу персонифицированных и деперсонифицированных контактов Иного – иных смыслов, практик, норм, ценностей вследствие расширения уязвимости порождает кризис доверия, понимаемого как резкое снижение чувства экзистенциальной безопасности в связи с истощением ресурсов онтологической уверенности. Интеграция в горизонтах международного сообщества (в том числе средствами безграничного доступа к общему информационному пространству) сопровождается взаимопроникновением растущего числа культур, провоцируя как желание подтвердить солидарную общность с другими культурами, так и резкий всплеск демонстрации различий (культурных, региональных, национальных, этнических, языковых, исторических и т. п.), противодействуя искажению самобытного и особенного.

Как отмечает П. Штомпка, в современных условиях, когда «даже идентичность возникает предметом собственного выбора из множества вариантов, а роли, которые выполняются в обществе, имеют размытые контуры и подвергаются обсуждению, очень трудно определить, кто кем является и как может себя вести» [5, с. 419]. Уязвимость доверия усиливается вследствие расширения сферы взаимодействия с неопределенным Другим, а также увеличения способов манипуляционного воздействия благодаря возможностям техносферы. Появление в среде обычных контактов бытия-в-интернете виртуального Другого, который явно или опосредованно представлен во множестве идентичностей, текстов, сообщений и комментариев, существенно изменяет установку восприятия очевидностей жизненного мира как таких, благодаря которым известно, чего

следует ожидать от большинства взаимодействий. Современное информационное общество способствует появлению новых форм доверия, ярким проявлением которых является медиадоверие, отражая сложный спектр опосредованных СМИ социальных отношений в восприятии, принятии, передаче информации.

Одним из мощных информационно-технологических новшеств постсовременности является появление технологий Big Data (больших данных), отражающих переход от количественного накопления информации к качеству разрешения задач [17, с. 7]. Рассматриваемые как совокупность технологических решений, платформ и т. д., позволяющих хранить и обрабатывать огромные массивы структурированных и неструктурированных данных, Big Data характеризуются вариабельностью, объемом, интенсивным ростом. Демонстрируя постепенный переход от проблем хранения и исчисления информации к ее аналитической обработке, современные технологии позволяют обнаруживать тенденции и закономерности на основе данных, представленных не в выборке, а в максимально технически доступном объеме.

Аналитика данных осуществляется с целью разрешения целого ряда проблем, позволяя, в том числе, получать значительные конкурентные преимущества за счет увеличения точности, достоверности, конкретности, предсказуемости и т.п. Социальный сектор Big Data представляет возможность выявлять предпочтения и интересы, осуществляя сложную аналитику в аспекте прогнозирования, влияния, формирования новых социальных групп, что стимулирует появление новых форм гражданской активности, в том числе за счет новых способов формирования социального капитала.

Иллюстрируя переход от поиска причинности к поиску корреляции как нового способа понимания мира, проблематика использования больших данных затрагивает глубинные основы общества, внося существенные изменения в классическое понимание гуманизма и прогресса. Возможности, открывающиеся в результате аналитической работы с Big Data, существенно изменяют качество современной жизни, внедряя инновационные технологии в разнообразные сферы жизни – от спорта и маркетинга до политики и здравоохранения.

Таким образом, следует различать по крайней мере три особых ракурса функционирования Big Data в современном обществе: *онтологический* (в аспекте становления и формирования новой реальности, связанной с тотальным проникновением информационных технологий, фиксируя принципиально иное технологическое и коммуникативное воздействие как на отдельного человека, так и общество в целом), *гносеологический* (обращающий внимание на появление новых способов получения знаний в результате анализа огромного количества разнообразных данных, в том числе обнажая проблему достоверности как доверия источнику и качеству информации), и *этический* (выявляющий необходимость формирования новых принципов и норм информационной этики, актуализируя ценностные основания принципов доверия и ответственности).

В контексте данного исследования особенно важной является проблема как безопасности и конфиденциальности данных, так и перспектив злоупотреблений, например, в процессах формирования и контроля репутации, рейтингов, прогнозов, компроматов и т. д. Значительно усложняется ситуация медиадоверия как фокусированного отношения к источнику и качеству информации в условиях распространенной практики «симуляции реальности» в виде фейков, мистификаций, провокаций и т. п.

С одной стороны, новые технологические возможности дают значительные преимущества в организации жизненного пространства, в том числе в обеспечении безопасности, контроля состояния здоровья, точности прогнозов и т.п. Изменяются также способы социального участия, сетевой гражданской активности, генерируя новые сферы сетевых проявлений структур гражданского общества. В то же время использование широкого спектра персональных данных, которые оставляют за собой своеобразный «цифровой след», открывает и новые просторы для манипуляции, а «фантастический уровень прозрачности всей нашей жизни» [17, с. 8] и «трансформаций интимности» [8, с. 257] значительно обостряет проблематику формулирования новых этических принципов современного общества. Изменяются конфигурации когнитивных ориентаций, что влечет за собой изменения в классическом понимании достоверности, очевидности, знания, ценности, морали.

В условиях бытия-в-интернете появляются новые технологии стимулирования (манипуляции и актуализации) доверия, как персонального, так и составляющего основу общественного мнения. Усовершенствованные возможности локального воздействия на восприятие и формирование реальности, в том числе персонализированной рекламы и актуальных рекомендаций, изменяют способы эмоционального и рационального влияния на принятие решений, учитывая сферу личных и групповых интересов. Использование личной информации для изучения увлечений, круга общения, потребностей дает возможность войти в круг доверия человека, общаясь на доступном ему языке с учетом ожиданий, предпочтений и запросов. Скрытые механизмы воздействия с целью продвижения определенных интересов базируются на понимании уязвимых мест объектов воздействия, выборе наиболее удачной и эффективной тактики влияния, положительном и отрицательном подкреплении необходимой реакции. Иллюзия внутреннего контроля над ситуацией собственного выбора (политического, потребительского, идеологического и т. п.) становится частью всеобщей «игры без правил», что усиливается вследствие коммерциализации информационного пространства.

Таким образом, уязвимость доверия в информационном обществе обусловлена как усовершенствованием манипуляционных технологий, так и витальной открытостью человека, трансформацией интимности, информационной тревожностью и перенасыщенностью, обостряя проблематику формирования новых этических принципов в перспективах расширения горизонтов реализации ценностно-коммуникативного действия.

Современность, понимаемая как период производства рисков и многочисленных кризисов доверия, усиливает уязвимость доверия на всех уровнях функционирования общества, выступая своеобразным вызовом для стимуляции проявления жизнеспособности национального государства в поисках путей общественной и индивидуальной самореализации в противоречивых условиях глобализации. Глобализационный аспект пространства доверия актуализирует институциональные измерения доверия (перспектив модернизации, демократизации и т.п.), глокализационная динамика усиливает значимость культурного контекста среды доверия, локальных практик поддержки и укрепления доверия. Глокализация, сохраняя значимость локально-культурного, возвращает человека в сферу знакомых смыслов, действенных правил и более или менее определенных гарантий, осуществляемых этосом локальной социальной системы.

В целом уязвимость доверия, признаваемая и принимаемая в качестве альтернативного отношения взаимозависимости, снижается средствами ценностно-нормативного обеспечения доверия, в роли которых выступают репутационный капитал, экспертные системы, либеральное недоверие, культурные координаты социального контроля и практик принуждения к выполнению обязательств, воплощаемых, в частности, в действенных структурах гражданского общества. Ценностный потенциал доверия как коммуникативной стратегии с широким потенциалом эффективного взаимодействия, ориентированного на взаиморазвитие и взаимосовершенствование, становится ключевым императивом этики глобального сообщества, способствуя ресурсной трактовке доверия как суммы запасов социальной прочности.

Список использованных источников

1. Jonas, H. Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation / H. Jonas. – Wiesbaden: Insel Verlag, 1987. – 423 s.

2. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. Д. Павловой [и др.]. – М.: АСТ : Ермак, 2004. – 730 с.

3. Dasgupta, P. Trust as commodity / P. Dasgupta // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations (electronic edition) / Ed. by D. Gambetta. – Oxford: University of Oxford, 2000. – Ch. 4. – P. 49–72.

4. Arrow, K. J. Gifts and Exchanges / K. J. Arrow. – Philosophy and Public Affairs. – 1974. – Vol. 1, № 4. – P. 343–362.

5. Штомпка, П. Доверие – основа общества / П. Штомпка; пер. с польск. Н. В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. – 440 с.

6. Coleman, J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital / J. S. Coleman // The American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. 95−120.

7. Putnam, R. Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society / R. Putnam. – N. Y. : Oxford Press. – 2002. – 522 p.

8. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича; вступ. ст. Т. А. Дмитриевой. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.

9. Селигмен, А. Проблема доверия / А. Селигмен; пер. с англ. И. Мюрберг, Л. Соболевой. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 256 с.

10. Luhmann, N. Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität / N. Luhmann. – Stuttgart: Lucius & Lucius, 2000. – 140 s.

11. Hardin, R. Trust (Key Concepts) / R. Hardin. – Cambridge: Polity Press, 2006. – 216 p.

12. Habermas, J. The Theory of Communicative Action. Volume 1: Reason and the Rationalization of Society / J. Habermas; translated by Thomas A. McCarthy. – Boston: Beacon Press, 1984. – 562 p.

13. Jowitt, K. New World Disorder. The Leninist Extinction / K. Jowitt. – Berkeley: University of California, 1993. – 345 p.

14. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 464 с.

15. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – London: Sage publications, 1992. – 211 p.

16. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман; пер. с англ. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.

17. Майер-Шенбергер, В. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / В. Майер-Шенбергер, К. Кукьер; пер. с англ. И. Гайдюк. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 240 с.

References

1. Jonas H., *Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*, Insel Verlag,Wiesbaden, DE, 1987.

2. Fukuiama F., *Doverie: sotsyal'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniiu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity], AST: Ermak, Moscow, RU, 2004.

3. Dasgupta P., "Trust as commodity", *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*, University of Oxford, Oxford, GB, 2000, ch. 4, pp. 49–72.

4. Arrow K. J., "Gifts and Exchanges", *Philosophy and Public Affairs*, 1974, vol. 1, no. 4, pp. 343–362.

5. Shtompka P., *Trust is the foundation of society*, Logos, Moscow, RU, 2012.

6. Coleman J. S., "Social Capital in the Creation of Human Capital", *The American Journal of Sociology*, 1988, vol. 94, pp. 95−120.

7. Putnam R., *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*, Oxford Press, N. Y., US, 2002.

8. Giddens A., *Posledstviia sovremennosti* [The consequences of modernity], Praksis, Moscow, RU, 2011.

9. Seligmen A., *Problema doveriia* [The Problem of trust], Ideja-Press, Moscow, RU, 2001.

10. Luhmann N., Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität, Lucius & Lucius, Stuttgart, DE, 2000.

11. Hardin R., *Trust (Key Concepts)*, Polity Press, Cambridge, GB, 2006.

12. Habermas J., *The Theory of Communicative Action. Volume 1: Reason and the Rationalization of Society*, Beacon Press, Boston, US, 1984.

13. Jowitt Ken, *New World Disorder. The Leninist Extinction*, University of California, Berkeley, US, 1993.

14. Makliuen G. M., *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniia cheloveka* [Understanding media: the extensions of Man], Canon Press, Moscow, RU, 2003.

15. Robertson R., *Globalization: Social Theory and Global Culture*, Sage publications, London, GB, 1992.

16. Bauman Z., *Globalizatsiia. Posledstviia dlia cheloveka i obshchestva* [Globalization. The Human Concequences], Ves' mir, Moscow,RU, 2004.

17. Maier-Shenberger V., *Bol'shie dannye. Revoliutsiia, kotoraia izmenit to, kak my zhivem, rabotaem i myslim* [Big Data. A revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think], Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RU, 2014.

Информация об авторе

Кожемякина *Оксана Николаевна* – канд. филос. наук, доцент. Черкасский государственный технологический университет (бул. Шевченко, 460, 18006, Черкассы, Украина). E-mail: oksniko@mail.ru.

Information about the author

Kozhemiakina *Oksana Nikolayevna,* Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Cherkassy State Technological University (460 Shevchenko Blvd, Cherkassy 18006, Ukraine). E-mail: oksniko@mail.ru.

Для цитирования

Кожемякина, О. Н. Концептуализация уязвимости доверия в условиях глобализации и информатизации / О. Н. Кожемякина // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 14–24.

For citation

Kozhemiakina, O. N. Conceptualizing the Vulnerability of Trust in the Context of Globalization and Informatization / O. N. Kozhemiakina // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 14–24.

ISSN 1024-5928 (print)
УДК 316.7

Поступила в редакцию 21.03.2017
Received 21.03.2017

И. Н. Харитонов

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

КУЛЬТУРНЫЙ КОД БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анализируется феномен культурного кода, а также его формы – политического культурного кода. Выделяются два аспекта понимания культурного кода: дескриптивный (описательный) и программный, в котором также отмечаются отдельные направления: нормативно-ценностное, символьно-семиотическое. На основании данной дифференциации предложена схема структуры политического культурного кода с двумя компонентами: дескриптивным и программным. Выбранным направлением, освещаемым в статье и представляющим больший социокультурный интерес, является нормативно-ценностный, аксиологический анализ политического культурного кода, ядром которого в таком ракурсе выступают политические ценности. Предлагается типология политических ценностей. Указывается, что если следовать концепции С. Хантингтона, имеет место и цивилизационная общность в политическом культурном коде в ряде аспектов.

Отмечено, что путем социологического исследования можно раскрыть относительно перманентные и преобладающие среди населения политические ценности. На основе анализа данных эмпирических репрезентативных социологических опросов в качестве таких ценностей-особенностей, составляющих политический культурный код современного белорусского общества, предложены ценность демократии, значимость идеологических взглядов левой направленности (коммунистических, социалистических, социал-демократических), патерналистская роль государства, относительно низкий интерес к забастовкам и протестам, предпочтение общности политических взглядов, правовое государство, равенство всех перед законом.

Ключевые слова: культурный код, политический культурный код, политические ценности, белорусское общество.

I. N. Haritonov

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE CULTURAL CODE OF BELARUSIAN SOCIETY: AN AXIOLOGICAL ANALYSIS

The article analyzes the phenomenon of cultural code and its form, a political culture code. Two aspects of understanding the cultural code are distinguished: a descriptive aspect and a programmatic aspect. Separate areas are noted in the latter: a normative and axiological area and a symbolic and semiotic one. Based on this differentiation, a structural scheme of the political culture code is proposed to include two components: a descriptive component and a programmatic component. The selected area which this article addresses and which is of high sociocultural interest is normative and axiological analysis of the political culture code, with political values being its core from this perspective. The typology of political values is proposed. It is indicated that, following Samuel Huntington's concept, the political culture code includes some common civilizational features in a number of aspects.

It is noted that a sociological survey can help reveal those political values which are relatively permanent and dominant among the general public. Based on the analysis of data from empirical representative polls, the following specific values are proposed as the ones comprising the political culture code of modern Belarusian society: the value of democracy, the significance of left-wing ideologies (communism, socialism, social democracy), the paternalistic role of the state, low interest in strikes and protests, preference to common political views, Rechtsstaat ('legal state'), equality before the law.

Keywords: cultural code, political culture code, political values, Belarusian society.

Культурный код – одно из относительно новых, популярных и малоизученных понятий в современной социальной науке, обладающее неоднозначным к себе отношением как к научной категории. Несмотря на существующий некоторый скепсис к научной ценности данной категории (в связи со сложностью выделения конкретных и уникальных культурных констант и детерминант), нельзя отрицать ее эвристическую и метафорическую значимость и отказываться от попыток представления культурных особенностей в сфере политики в виде такого кода, в том числе и в отношении белорусского общества.

Культурный код как социокультурный феномен можно рассматривать в нескольких аспектах. С одной стороны, *дескриптивной* – как систему устойчивых во времени, доминирующих характеристик и черт, которыми может быть описано то или иное национальное (этническое) общество и даже цивилизация. Такое описание – традиционный метод этнографических, антропологических и социологических исследований, когда посредством наблюдения, описания и опроса составля-

© Харитонов И. Н., 2017

ется «портрет» определенной этнокультурной общности. С другой стороны, *программной* – культурным кодом являются те шаблоны и нормы, которые воспроизводят определенные характеристики общества (социальные, политические, экономические, чисто культурные и др.) и делают их существование необходимым, иначе говоря, он понимается как *система ценностей, норм, законов и традиций*. Г. Хофстеде, один из представителей такого подхода, рассматривал культуру как «коллективное программирование» [7, с. 5]. Соответственно, культурный код и может выступать этой самой «программой». В программном подходе к культурному коду можно выделять нормативно-ценностное направление, когда культурный код понимается либо как культурные (и не только) нормы, либо как ценности, являющиеся феноменом иного характера, но либо как их совокупность, а также символьно-семиотическое направление.

Семиотический подход к культуре рассматривает этот феномен через призму языка и системы символов и знаков. Культурным кодом в данном случае выступает особая семантическая и знаковая сетка, категоризирующая определенным образом пространство и связанная с языковыми практиками и системой символов, некоторым тезаурусом и глоссарием, и даже поэзией. Культурный код предстает как семиотическое средство описания и определения социокультурной действительности. В семиотическом подходе к культурному коду целесообразно отдельно выделить лингвистическое (связанное с Ф. де Соссюром) и психологическое (среди наиболее подходящих концепций – концепция архетипов К. Г. Юнга) направления.

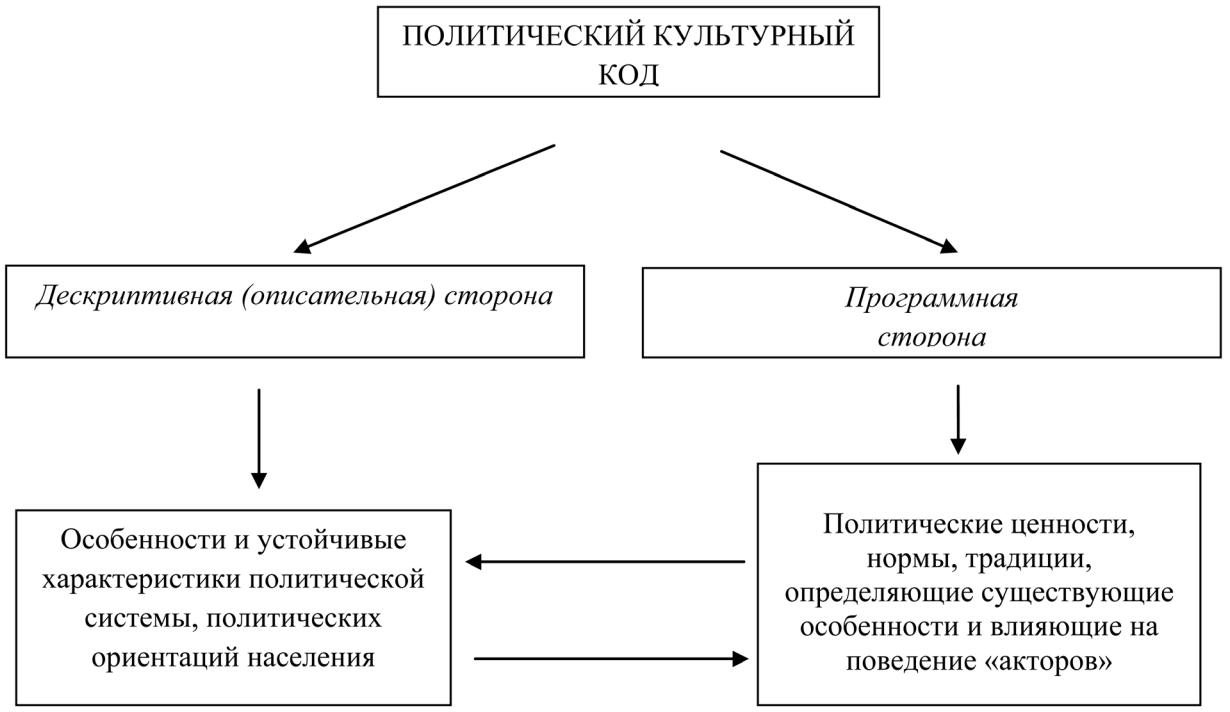
Семиотическое направление позволяет рассматривать культурный код как над-индивидуальное и над-социальное явление, как некую самостоятельно существующую реальность, развивающуюся по собственным законам, например, законам языка. В рамках нашей статьи именно нормативно-ценностное направление представляет интерес как в большей степени социально ориентированное, в большей степени сопряженное с социальной жизнью общества.

Под культурным кодом часто понимается система, или сложноорганизованная структура, охватывающая различные сферы жизни общества и, соответственно, могущая быть представленной в виде системы субкодов, отдельных кодов. В качестве таких субкодов можно выделить «политический», «экономический», «культурный» (искусство, творчество); код семейных отношений, «межгрупповой», «межличностно-психологический» (в том числе и социально-ролевой), «религиозный»; культурный код, связанный с социальной сферой и др. Следует отметить, что такое выделение носит достаточно условный характер.

Политический культурный код в силу своей прямой связи с государственно-властным управлением обществом крайне важен, он влияет на другие сферы жизни (экономическую, социальную, собственно культурную и др.) и включает в себя как перманентные и широко представленные особенности существующей политической системы и политического мировоззрения населения, так и собственно «программные» предпосылки – ценности, которые в той или иной мере предопределяют особенное содержание политической сферы. Вместе с тем это разделение на особенности и ценности не является взаимоисключающим, т. е. если какая-то черта (особенность, характеристика) политической жизни выступает значимой и ценной, то она становится и ценностью, нормой, воспроизводясь в силу своей значимости в последующей социальной практике.

В такой черте-ценности объединяются и описательный, и программный аспекты культурного кода. Но при этом не всегда какая-то особенность существующего политического расклада обязательно является культурной ценностью общества и, наоборот, не всякая политическая ценность, значимая для населения, может находить свое воплощение в реальной повседневной политической жизни. Схематически данные стороны политического культурного кода можно представить следующим образом (рисунок).

Иными словами, политический культурный код характеризует политическую культуру, которая, как правило, определяется в качестве системы ценностей, ориентаций и установок в отношении политической системы и ее составляющих (институтов государственного управления, политического режима), различных субъектов политики, шаблонов политического поведения. Но вместе с тем политическая культура – это более общее понятие, позволяющее рассматривать феномен культурной предзаданности и специфичности в политической сфере



Структура политического культурного кода

Political Culture Code Structure

во всей его множественности, поливариантности, нелинейности, в то время как понятие культурного кода подразумевает конкретную расшифровку, раскодировку в виде схемы и конкретных особенностей.

В современном мировом сообществе практически невозможно найти этническую/национальную группу с абсолютно уникальным культурным кодом. Очевидно, что народы, страны имеют много общего, поскольку находятся в общих *цивилизационных «парадигмах»*, сообществах, которые можно рассматривать как большие ареалы, объединяющие в себе на основании общности определенных, наиболее важных характеристик культурного кода (в том числе и его политического субкода) различные страны, нации и этносы в силу исторических причин: общности генотипа, культурного происхождения, опыта совместного проживания, религии и других оснований. Подобное определение цивилизации рассматривается С. Хантингтоном в его книге «Столкновение цивилизаций», где автор говорит о цивилизации как о конгломерате стран, обладающих общими определяющими объективными признаками (культура, язык, история, религия, субъективная самоидентификация и т. д.), как о «культурной общности наивысшего ранга, как о самом широком уровне культурной идентичности людей» [8, с. 33–48]. По его мнению, основным определяющим признаком наиболее часто является общность религии. А.Тойнби в своей теории локальных цивилизаций также считал церковь (религиозный институт) той предпосылкой, благодаря которой формируются цивилизации 3-го поколения [4].

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой религия не играет в современном белорусском обществе столь большой культурообразующей роли, как, например, в исламских странах, и что роль религии в Беларуси частично выполняется политическими (геополитическими), идеологическими установками, традициями и ценностями, философскими идеями. Не случайно Р. Инглхарт и К. Вельцель, по результатам 7-й волны исследований (2011–2014 гг.) в рамках международной программы по изучению и межстрановому сравнению ценностей World Values Survey (Всемирный обзор ценностей), разместили Беларусь на культурной карте мира в числе стран с «секулярно-рационалистскими ценностями», которые подразумевают меньший акцент на

религии, традиционных семейных ценностях и власти [10]. При этом, конечно же, христианская (православная) цивилизационная самоидентификация (в понимании С. Хантингтона) имеет место в белорусском обществе и осознается подавляющим большинством населения (78% опрошенных отнесли себя к православию)[1].

С историко-культурной точки зрения, традиционно Беларусь причисляют к православной цивилизации, которую часто противопоставляют Западному («антлантическому», католико-протестантскому) миру. А.Тойнби среди сохранившихся в XX веке цивилизаций также выделял и христианскую православную, куда включались и белорусские земли [4]. С. Хантингтон придерживался такого же мнения. Р. Инглхарт и К. Вельцель также относят Беларусь к православной цивилизации. Помимо православной цивилизации в отечественных и российских трудах отдельно рассматриваются славянская, восточнославянская (Ч. Кирвель, О. Романов и др.) или «русская» (от понятия «Русь») цивилизации. Отмечается также советская (С. Г. Кара-Мурза, А. Лазаревич и др.) и, соответственно, постсоветская цивилизация. Таким образом, современная Беларусь входит в ареал уже как минимум четырех цивилизаций: «православной», «славянской», «восточнославянской (русской)», «советской (коммунистической)–постсоветской», что говорит о ее полицивилизационной социокультурной сущности.

Вместе с тем очевидно, что существуют различия между странами православной цивилизации в целом и среди бывших советских восточнославянских республик в частности. Это же касается и современного состояния политического культурного кода Беларуси в сопоставлении с особенностями родственных по цивилизационному ареалу стран (России и Украины), что особенно интересно в связи с нахождением Беларуси в цивилизационном «пограничье», которое характеризуется одновременным влиянием Запада и Востока [1] – западноевропейской и «русской» восточнославянской цивилизации. В частности, цивилизационный фактор католицизма играет значительную роль в белорусском историческом и культурном наследии, общественной жизни (на данный момент 15% населения страны – католики).

Описательная сторона политического культурного кода может быть раскрыта репрезентативными социологическими опросами общественного мнения и через анализ полученных в ходе них результатов. Важным моментом, позволяющим относить тот или иной факт общественного мнения к культурному коду, является выраженная массовая представленность и/или устойчивость выявленных характеристик во времени. Программная сторона политического культурного кода связана с практико-ориентированными нормативными суждениями и ценностями, а также социальными практиками, поведением.

Согласно многочисленным культурологическим исследованиям, временная устойчивость культурных признаков, с одной стороны, может быть весьма продолжительной, с другой – в определенный момент отдельные культурные особенности могут меняться. Но в таком случае, судя по всему, такое изменение носит масштабный характер, имеет широкий социальный охват. В качестве примера таких изменений культурных признаков можно привести моду. Она изменчива, но является именно социальным по масштабу явлением, охватывающим, как минимум, одну отдельную социальную группу, субгруппу (в случае субкультуры). Для оценки продолжительности существования культурных особенностей можно применять понятия краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективы. Под краткосрочной перспективой понимаются один-два года, под среднесрочной – период до пяти или чуть более лет, под долгосрочной – от пяти или пяти-восьми лет и более, например, средняя продолжительность жизни человека. Устойчивые культурные признаки должны сохраняться, на наш взгляд, по большей части в долгосрочной перспективе. Согласно такой оценке, политический культурный код, таким образом, отражает особенности политической культуры общества, сохраняющиеся как минимум пять-восемь лет.

Политические ценности, которые можно рассматривать как в качестве устойчивых черт, так и в качестве предпосылок, предопределяющих поведение социальных «акторов» (действующих субъектов, термин Т. Парсонса), являются, по нашему мнению, центральным элементом полити-

[1] Данные репрезентативного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в середине 2016 года.

ческого культурного кода. В российской и отечественной гуманитарной науке политические ценности рассматриваются как важная составная часть общей системы ценностей, отражающая когнитивно-ценностное отношение групп и индивидов к процессам, субъектам, объектам и явлениям в сфере политики. Особенностью политических ценностей является их необязательно аргументируемая высокая значимость для конкретных групп и индивидов, проявляющаяся в том, что они стремятся отстаивать и соблюдать данные ценности, а также подразумеваемая нормативная оценка в категориях «нужно, надо». Высокая значимость политических ценностей объясняет возможную сильную реакцию в защиту или поддержку данных ценностей со стороны их носителей, поэтому их учет так важен в политическом процессе.

Особенности политических ценностей жителей Беларуси достаточно хорошо изучены отечественными и зарубежными исследователями. В целом отмечается, что данные политические ценности занимают «далеко не лидирующие места в системе приоритетов граждан. Они значительно уступают по рейтингу таким ценностям, как «семья», «друзья», «карьера», «работа», «досуг», «здоровье», «религия». Об этом свидетельствуют данные социологических исследований, проводимых сотрудниками Центра социологических и политических исследований БГУ [5]. Известный социолог-компаративист Р. Инглхарт отмечал, что постсоветские страны (к ним относится и Беларусь) в целом ориентированы на материалистические ценности. В то же время, несмотря на это, интерес к политике остается довольно высоким.

Если классифицировать политические ценности по конкретным областям и сферам политической жизни, то можно привести следующую их структуру:

1) ценности политико-государственного устройства – выражают отношение к политическому строю, к тому, каким должен быть политический режим;

2) политико-идеологические ценности – отражают отношение к основным идеологическим политическим установкам;

3) ценности в отношении политического участия – отражают значимость участия в выборах, референдумах, политической деятельности;

4) ценности в области взаимоотношений субъектов политической сферы – ценностные ожидания касательно взаимоотношений между, например, законодательной и исполнительной ветвями власти, президентом и правительством и т. д.;

5) ценности в отношении личностных и профессиональных качеств субъектов политической сферы;

6) ценности в области геополитического взаимодействия;

7) ценности в отношении собственности – вопрос собственности считается в политической науке (в частности, в марксизме) одним из ключевых моментов политического устройства, соответственно, данные ценности, а также другие ценности в отношении экономического уклада являются важными для представлений о политическом культурном коде.

Эмпирические данные социологического опроса Института социологии НАН Беларуси (как, впрочем, опросы и других организаций) позволяют говорить о том, что население Беларуси причисляет себя к блоку демократических стран, ценящих свой суверенитет и располагающих им. Более 70% населения Беларуси соглашаются с утверждением, что Беларусь состоялась как независимое и суверенное государство. Только 10% опрошенных считают, что Беларусь – совсем недемократическая страна [11]. 67,9% респондентов оценивают важность демократии высокими баллами (от 7 до 10 по 10-балльной шкале) [12]. Более того, сформирован социальный запрос на дальнейшее развитие демократического строя. По данным опроса общественного мнения, 61,8% респондентов посчитали, что Беларусь нуждается в такой власти, которая бы развивала демократию, защищала права человека[2].

Если ранее – в 90-е гг. прошлого столетия – большинство населения, на наш взгляд, было заинтересовано в крепкой власти, способной навести порядок, даже в ущерб правам и свободам человека, то сейчас население больше склоняется к развитию демократии, большему учету прав человека. Это свидетельство того, что население, с одной стороны, не рассматривает текущую

[2] Данные репрезентативного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в середине 2016 года.

социально-экономическую ситуацию как критическую и требующую чрезвычайных мер и полномочий государства, а с другой – удовлетворено существующей стабильностью политической системы. Таким образом, можно говорить об устойчивой ценностной ориентации населения Беларуси на демократию.

По результатам социологических исследований, проведенных сотрудниками Центра социологических и политических исследований БГУ, выяснилось, что две трети граждан (75,3%) уверены в том, что «хотя у демократии есть свои проблемы и недостатки, но она лучше, чем любая другая форма правления», и что примерно такое же число людей в Беларуси хотели бы видеть в своей стране демократическую политическую систему [5].

Население Беларуси также высказывает предпочтение тому, чтобы страна была правовым государством (68,6% полагают, что каждый человек должен соблюдать действующие законы, нравятся они ему или нет), а ведущим критерием социальной справедливости у него выступает равенство всех перед законом (37,0% респондентов – относительное большинство – под социальной справедливостью понимают именно такое равенство)[3].

В отношении ценностных политико-идеологических ориентаций также выстраивается определенная устойчивая картина. Согласно данным опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре 2013 г., в области идеологии среди населения распространены социал-демократические взгляды (29% опрошенных), социалистические – 24% опрошенных, либерально-демократические – 24%, что свидетельствует о преобладании среди жителей Беларуси «левых» взглядов. Вместе с тем пятая часть опрошенных указала, что не разделяет принципы никаких политических течений, а 18% затруднились ответить на этот вопрос [2]. Однако следует отметить, что предпочтение левых взглядов не означает стремление к «уравнительной» системе советского типа. Население согласно с утверждением, что доходы должны быть различными (чем больше человек трудится, тем больше он должен получать), в большей степени (так полагают 58,6% опрошенных), чем с тем, что государство не должно допускать большой разницы в доходах граждан (21,8%)[4].

В своей геополитической ориентации белорусы последние 20 лет преимущественно показывают стремление к интегративным процессам с Россией. В 1996 г. это было подтверждено итогами республиканского референдума (вопрос о поддержке интеграции с Россией). Репрезентативный опрос, проведенный Белорусской аналитической мастерской (BAW) в апреле 2016 г., «показал, что при выборе интеграции с Россией или с Евросоюзом 70,2% белорусов отдают предпочтение восточной соседке и только 15,4% – ЕС. В январе сторонников сближения с Российской Федерацией было заметно меньше – 57,2%, а выбирающих европейский вектор примерно столько же – 16,8%» [3]. За вступление Беларуси в состав России в качестве одного из субъектов высказались лишь 2,1% опрошенных [3].

Показателен и уровень доверия к бизнесу как свидетельство отхода от советских политических ценностей в отношении предпринимательства и частного капитала и как показатель более демократических и рыночных установок населения в отношении бизнеса. Высокий уровень благосклонности населения к предоставлению благоприятных условий для бизнеса можно расценивать и как пожелание оптимизации контрольно-властного политического и экономического курса в отношении субъектов частной собственности (54,9% опрошенных полагают, что государство должно предоставить бизнесу больше свободы, и только 15,2% считают, что государство должно жестко контролировать бизнес)[5]. Таким образом, частная собственность и частное предпринимательство пользуются доверием населения, а значит, оно не против создания более благоприятных политических условий для существования частного бизнеса.

Важным аспектом оценки политической сферы жизни является тот факт, что большинство населения достаточно низко оценивают роль своего участия в политической жизни в разрешении жизненных проблем. Им низко оценивается эффективность таких форм политического участия, как участие в деятельности политических партий, участие в выборах и референдумах, участие

[3] Данные репрезентативного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в середине 2016 года.

[4] Данные репрезентативного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в середине 2016 года.

в деятельности общественных организаций. Оценивают свое участие в выборах и референдумах как эффективное только 12,2% респондентов (23,6% – как малоэффективное и 27,0% – как неэффективное). Участие в деятельности политических партий эффективно вообще только для 5,6% опрошенных, участие в деятельности общественных организаций (профсоюзов, ассоциаций предпринимателей и т. д.) – для 6,8%[6].

Еще меньшее количество респондентов заинтересовано в участии в протестных мероприятиях, что также можно рассматривать как особенность политико-культурного кода белорусов и свидетельство их политической лояльности. Согласно данным опроса Института социологии НАН Беларуси, только 4,1% респондентов полагают эффективным участие в забастовках (12,7% – малоэффективным, неэффективным – 40,8%), при этом затруднились ответить 41,6%. Практически такие же показатели при оценке эффективности участия в митингах, демонстрациях. Оно эффективно для 4,6%, малоэффективно – для 12,3%, не эффективно – для 40,3%. При этом полагаем, что для белорусов в целом характерно недоверие к резким и революционным путям реформирования общества. Так, согласно данным Центра социологических и политических исследований БГУ (2008 г.), 63,6 % граждан Беларуси полагают, что «общество должно преобразовываться, идти к демократии путем постепенных реформ, избегая революционных, радикальных нововведений» [9]. В 2016 г., по данным опроса Института социологии НАН Беларуси, уже меньшее количество респондентов опасается форсированных перемен, но тем не менее оно преобладает над теми, кто хочет форсированности (35,5% респондентов посчитали, что развитие Беларуси должно происходить плавно и постепенно; 31,0% – что перемены в нашей стране нужно осуществлять как можно скорее и любыми средствами). Однако нужно понимать, что такой высокий процент желающих реформ как можно скорее и любыми средствами может объясняться не предпочтением в целом, а назревшей ситуацией.

Заинтересованность белорусов в протестном движении, митингах, забастовках и демонстрациях заметно ниже, чем в России и Украине. Согласно данным Центра Левады, в России 10% опрошенных (октябрь 2016 г.), скорее всего, приняли бы участие в массовых выступлениях протеста с политическими требованиями, 8% респондентов-россиян полагают, что «забастовка – единственный способ добиться удовлетворения своих требований», т. е. высказывают убеждение в их эффективности [6]. Низкая заинтересованность белорусов в протестной активности может объясняться как их глубинными культурными особенностями, так и особым историческим опытом, побуждавшим белорусов к ограниченному выражению протеста.

Традиционно считается, что для жителей Беларуси характерен патернализм, или ведущая роль государства в экономической, культурной, социально-политической и общественной жизни. Уже упомянутый выше опрос Института социологии отчасти подтверждает это, хотя и не в абсолютной степени. Так, 54,6% считают, что улучшение их жизни полностью или скорее зависит от государственной власти, хотя существенна доля и тех, кто не верит в силы государства или полагается только на свои: 31,9% считают, что улучшение в их жизни не зависит или скорее не зависит от государственной власти. Вместе с тем чувствуется некоторый неудовлетворенный запрос о поддержке со стороны государства (2,7% опрошенных считают, что государство во всех ситуациях помогает справляться с жизненными проблемами, 11,4% – помогает в большинстве случаев, 39,9% – помогает в некоторых ситуациях; для 27,0% государство вообще не помогает в жизненных проблемах).

В обществе имеет место недоверие к представителям иных политических взглядов, что, возможно, свидетельствует о кризисе оппозиции на современной политической арене Беларуси. Она не пользуется, с одной стороны, доверием населения, что, возможно, связано с негативным восприятием неконструктивной деятельности отдельных оппозиционных групп, а с другой – существуют определенные предпосылки, не благоприятствующие полноценной деятельности оппозиционных политических сил. Так, в середине 2016 г. на вопрос, в какой степени Вы доверяете людям других политических взглядов, только 1,8% ответили, что полностью доверяют,

[5] Данные репрезентативного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в середине 2016 года.
[6] Данные репрезентативного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в середине 2016 года.

21,2% – скорее доверяют, 32,7% – скорее не доверяют, 17,8% – совсем не доверяют. Кроме того, такие показатели также могут свидетельствовать о том, что белорусское общество предпочитает единство и однородность в политических взглядах.

Согласно марксистскому учению, важным аспектом политических взглядов и ценностей является отношение к частной собственности, в частности, на землю и на средства производства, на капитал. Поэтому было бы целесообразным рассмотреть отношение белорусов к этим вопросам. По отношению к праву собственности на средства производства мнения белорусов разделились фактически пополам. Так, 41,6% полагают, что крупные промышленные предприятия должны принадлежать только государству, 47,1% считают, что они должны принадлежать и государству, и частному капиталу или только частному капиталу. Однако полное устранение государства от владения крупными промпредприятиями поддерживает очень малое количество людей – 3,5%. Более лояльное отношение к собственности на сельскохозяйственные земли. Считают, что они должны находиться только в государственной собственности – 34,5%, и в государственной, и в частной – 50,1% респондентов[7].

Несмотря на то что политические взгляды и ценностные ориентации населения со временем могут меняться, на современном этапе белорусам, в большинстве своем, близки политические ценности демократии, государственного суверенитета Беларуси, социал-демократические и социалистические взгляды и ориентации, ориентация на рыночную экономику (с сохранением широкого участия в ней государства). Для них характерно скорее недоверие к революционному пути общественного развития и протестным формам политической активности (тем не менее в случаях, когда ситуация этого требует очевидным образом, поддержка решительных реформ может быть очень высока), а также, на наш взгляд, патерналистское отношение к государству и власти. Также обращает на себя внимание тот факт, что большой процент белорусов затрудняются с определением своих политических взглядов, что может объясняться как желанием не выражать их открыто, так и реальной незаинтересованностью в политических вопросах. Большинство жителей Беларуси – вот уже два десятилетия сторонники пророссийской геополитической позиции, интеграционных процессов с Россией (с сохранением суверенитета Беларуси).

Список использованных источников

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам / І. Абдзіраловіч // Беларуская палічка. Беларуская электронная бібліятэка [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://bsu.by/Cache/Page/289223.pdf. – Дата доступу: 13.03.2017.

2. Барановский, Н. А. Социодинамика и перспективы развития политической системы современного белорусского общества / Н. А. Барановский // Социологический альманах. – 2015. – Вып. 6. – С. 61–64.

3. Всплеск пророссийских настроений в Беларуси: спасибо телеканалам? // DW. Дойче Велле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dw.com/ru/%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B-%D0%B4%D0%BD%D1%8F/s-9119. – Дата доступа: 06.03.2017.

4. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – М.: Айрис-Пресс, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/toynbi_arnold/postigenie_istorii.html. – Дата доступа: 13.03.2017.

5. Иванюто, О. В. Политические ценности граждан Беларуси / О. В. Иванюто, В. В. Правдивец, Д. Г. Ротман ; Ін-т беларускай гісторыі і культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://inbelhist.org/politicheskie-cennosti-grazhdan-belarusi/. – Дата доступа: 13.03.2017.

6. Протестный потенциал // Левада-Центр / Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.levada.ru/2016/11/11/protestnyj-potentsial-5/. – Дата доступа: 13.03.2017.

7. Тамбовцев, В. Л. Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях / В. Л. Тамбовцев [Электронный ресурс]. – М.: Ин-т экономики РАН, 2016. – С. 5. – Режим доступа: https://inecon.org/docs/Tambovtsev_paper_2016.pdf. – Дата доступа: 03.03.2017.

8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 33–48.

9. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д. Г. Ротман [и др.]; под ред. Д. М. Булынко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана [Электронный ресурс]. – Минск : БГУ, 2009. – С. 128.

10. Findings and Insights / World Values Survey [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org/. – Date of access: 13.03.2017.

[7] Данные репрезентативного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в середине 2016 года.

11. How democratically is this country being governed today / Findings and Insights / World Values Survey [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org/. – Date of access: 13.03.2017.

12. Importance of democracy / Findings and Insights / World Values Survey [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org. – Date of access: 13.03.2017.

References

1. Abdziralovich I.,"Eternal through", *Belaruskaia palichka. Belaruskaia elektronnaia bibliiateka* [Belarusian shelf. Belarus Electronic Library], Available at:http://bsu.by/Cache/Page/289223.pdf, (Accessed13.03.2017).

2. Baranovskii N. A., "Sociodynamics and prospects of development of the political system of the modern Belarusian society", *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological Almanac], 2015, vol. 6, pp. 61–64.

3. "A surge of pro-Russian sentiment in Belarus: thanks to TV channels?",DW. Doiche Velle, Available at: http://www.dw.com/ru/%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B-%D0%B4%D0%BD%D1%8F/s-9119, (Accessed06.03.2017).

4. Toinbi A., Postizhenie istorii [Comprehension of history], Airis-Press, Moscow, RU, 2002, Available at: http://royallib.com/book/toynbi_arnold/postigenie_istorii.html, (Accessed13.03.2017).

5. Ivaniuto O. V., Pravdivets V. V., Rotman D. G., "Political values of Belarusian citizens", Available at: http://inbelhist.org/politicheskie-cennosti-grazhdan-belarusi/, (Accessed13.03.2017).

6. "Protest potential", *Levada-Tsentr* [Levada Center], Available at: http://www.levada.ru/2016/11/11/protestnyj-potentsial-5/, (Accessed13.03.2017).

7. Tambovtsev V. L., "The myth of the "cultural code" in economic research", In-t ekonomiki RAN, Moscow, RU, 2016, Available at: https://inecon.org/docs/Tambovtsev_paper_2016.pdf, (Accessed 03.03.2017).

8. Khantington S., "The clash of civilizations?", *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], 1994, no. 1, pp. 33–48.

9. Rotman D. G., Danilov A. N., Bulynko D. M., Khal'man L., Khagenaas Zh., Moors G., Vodneva A. K., Sidorenko S. F., Anan'ev V. L., Filinskaia L. V., Zhakevich V. D., Savich N. A., Soglaeva L. A., Ivaniuto O. V., Pravdivets V. V., Morozova S. A., Danilova E. A., Levitskaia I. V., *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: Belarus' v proekte «Issledovanie evropeiskikh tsennostei»* [Value-based world of modern man: Belarus in the project "Study of European values"], in Bulynko D. M., Danilov A. N., Rotman D. G. (ed.), BGU, Minsk, BY, 2009, Available at: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/1639/1/Rotman.pdf, (Accessed 03.03.2017).

10. "Findings and Insights / World Values Survey", Available at: http://www.worldvaluessurvey.org/, (Accessed 13.03.2017).

11. "How democratically is this country being governed today / Findings and Insights / World Values Survey", Available at: http://www.worldvaluessurvey.org/, (Accessed 13.03.2017).

12. "Importance of democracy / Findings and Insights / World Values Survey", Available at: http://www.worldvaluessurvey.org/, (Accessed 13.03.2017).

Информация об авторе

Харитонов *Игорь Николаевич* – мл. науч. сотрудник. ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: igor-igor@tut.by.

Information about the author

Haritonov *Igor Nikolayevich*, Junior Scientific Researcher, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: igor-igor@tut.by.

Для цитирования

Харитонов, И. Н. Культурный код белорусского общества : аксиологический анализ / И. Н. Харитонов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 25–33.

For citation

Haritonov, I. N. The Cultural Code of Belarusian Society: An Axiological Analysis / I. N. Haritonov // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 25–33.

ISSN 1024-5928 (print)
УДК 316.354

Поступила в редакцию 10.01.2017
Received 10.01.2017

Е. В. Шухно

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

ЦЕННОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются теоретико-методологические аспекты исследования структуры организационной культуры и системы ее ценностей. Организационная культура понимается как система ценностей, норм, правил, традиций, которые существуют (доминируют) в организации и определяют организационное поведение ее членов и организационный стиль. Рассматривается трехуровневая концепция организационной культуры американского исследователя Э. Шейна, включающая поверхностный, подповерхностный и глубинный уровни. Ценности организационной культуры представляют собой подповерхностный уровень организационной культуры и являются одним из основных структурных компонентов организационной культуры, а также в значительной мере определяют саму организационную культуру. Среди ценностей организационной культуры выделяются терминальные и инструментальные ценности. Терминальные ценности, или ценности-цели, представляют собой убеждения в том, что некая конечная цель существования организации стоит того, чтобы к ней стремиться, тогда как инструментальные ценности, или ценности-средства, это – убеждения, что некий образ действий или свойство личности является предпочтительным в данной организации и ее деятельности. Миссия организации является основной ценностью-целью организации, формулировкой стратегической долгосрочной цели существования конкретной организации, содержащей общее обоснование назначения организации. Представлено соотношение фундаментальных, провозглашаемых и разделяемых ценностей организационной культуры.

Ключевые слова: организационная культура, структура организационной культуры, ценности организационной культуры, терминальные и инструментальные ценности.

Ye. V. Shukhno

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

VALUES AS A KEY COMPONENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE

The article addresses theoretical and methodological aspects of researching the structure of organizational culture and the system of its values. Organizational culture is understood as a system of values, norms, rules and traditions that exist (dominate) in the organization and determine the organizational behaviour of its members and the organizational style. The article explores Edgar Schein's concept of organizational culture which includes three levels: surface (artifacts), subsurface (espoused values) and deep (assumptions). Values in organizational culture constitute the subsurface level, are a key structural component of organizational culture and largely determine the organizational culture itself. Values in organizational culture include terminal and instrumental values; terminal values, or goal values, are beliefs that a certain ultimate goal of the organization's existence is worth achieving, while instrumental values, or tool values, are beliefs that a certain mode of action or personal feature is preferable for this organization and its activities. The organization's mission is the main goal value of the organization. It formulates the strategic long-term goal of the organization's existence and gives general justification for the organization's purpose. The interrelationship between fundamental, declared and shared values of organizational culture is presented.

Keywords: organizational culture, structure of organizational culture, values in organizational culture, terminal and instrumental values.

Организационная культура – сложное социальное явление, формирующееся и развивающееся в социальной организации под влиянием различных факторов. Интерес к организационной культуре обусловлен пониманием ее влияния на успешность и эффективность деятельности организаций, что подтверждено исследованиями, проведенными в начале 1980-х гг. (Дил, Кеннеди, Питерс, Уотерман), которые показали, что процветающие компании отличаются высоким уровнем организационной культуры, которая формируется в результате продуманных усилий, направленных на развитие духа организации [1, с. 29].

Организационную культуру можно определить как систему ценностей, норм, правил, традиций, которые существуют (доминируют) в организации и определяют организационное поведение ее членов и организационный стиль. Одним из важнейших аспектов изучения организационной культуры организации является рассмотрение ее структуры и ее ценностной составляющей.

© Шухно Е. В., 2017

Ценности составляют основу организационной культуры и в значительной мере определяют другие ее компоненты, влияя на организационное поведение членов организации и, таким образом, на эффективность организационной деятельности в целом.

На основании эмпирического выявления ценностей организационной культуры, разделяемых членами организации, возможны их последующая корректировка и изменение в соответствии с целями организационного развития, миссией и фундаментальными ценностями конкретной организации, сближение разделяемых ценностей с официальными (декларируемыми), что в результате ведет к повышению эффективности деятельности организации.

Один из признанных специалистов в области организационной культуры, американский исследователь Эдгар Шейн, рассматривал структуру организационной культуры на трех уровнях: поверхностном, подповерхностном и глубинном. *«Поверхностный (или символический) уровень* включает такие видимые внешние факты, как применяемая технология и архитектура, использование пространства и времени, наблюдаемое поведение, язык, лозунги, или все то, что можно ощущать и воспринимать. *Подповерхностный уровень* включает ценности и верования, разделяемые членами организации в соответствии с тем, насколько эти ценности отражаются в символах и языке. *Глубинный уровень* включает скрытые, принимаемые на веру базовые предположения, направляющие поведение людей и помогающие им воспринимать атрибуты, характеризующие организационную культуру» [2, с. 576]. Таким образом, поверхностный уровень структуры организационной культуры – это совокупность наблюдаемых проявлений организационной культуры, тогда как глубинный уровень составляет самую сущность организационной культуры, при этом подповерхностный уровень выступает медиатором поверхностного и глубинного уровней и обеспечивает их взаимосвязь.

Представляется возможным выделить два уровня социального влияния организационной культуры: первичный и вторичный. Первичным уровнем социального влияния организационной культуры является ее воздействие в рамках внутриорганизационной среды, при котором затрагиваются преимущественно члены организации и внутренние аспекты ее существования. Вторичным уровнем социального влияния можно считать эффекты организационной культуры, имеющие место преимущественно вне самой организации, проявляющиеся в социальном окружении организации и ее членов и, таким образом, непосредственно или опосредованно (через воздействие на персонал и внутриорганизационную сферу, которые впоследствии выступают агентами в более широком социальном пространстве, нежели внутриорганизационное) влияющие на сам социум в целом.

Ценности организационной культуры являются базисом, на котором выстраиваются нормы и поведенческие модели членов конкретной организации. От ценностей во многом зависят сплоченность членов организации, единство взглядов и действий руководства и сотрудников и, соответственно, эффективность организационной деятельности. Таким образом, ценности являются одним из основных структурных компонентов организационной культуры и в значительной мере определяют саму организационную культуру.

Российская исследовательница О. Е. Стеклова отмечает, что «ценности обеспечивают сохранение целостности социальной системы (организации) в силу того, что в ценностях выражается особая значимость определенных материальных и духовных благ для существования и развития системы» [3, с. 15]. Ценности организационной культуры выполняют важную функцию поддержания целостности организации: ценности обеспечивают как пространственное единство членов и структурных подразделений организации, так и временную преемственность между «организационными поколениями» (т. е. между новыми и старыми членами организации) в различные периоды существования организации. Таким образом, ценности организационной культуры способствуют выполнению ее двух основных функций: интеграции и адаптации членов организации.

В трехуровневой структуре организационной культуры, предложенной Э. Шейном, ценности представлены на подповерхностном уровне и являются так называемыми «провозглашаемыми ценностями». Тем не менее представляется возможным рассмотрение существования ценностей (или скорее их проекции – влияния, проявления) не только на этом уровне, но и на поверхностном и глубинном уровнях.

О ценностях на поверхностном уровне организационной культуры возможно говорить лишь в том смысле, что из инкорпорированного состояния (ментального духовного бытия в сознании руководителей и работников) они переходят в формализованное состояние, объективируются (воплощаются в материальном бытии) посредством выражения как на физических носителях («описание принятых ценностей» – в виде различных корпоративных кодексов, уставов), так и в организационном стиле (в том числе в устройстве организационного пространства) и, что более значимо, в организационном поведении сотрудников – поведенческих моделях самих носителей организационной культуры. Следовательно, из глубинных уровней культуры организации ценности переходят в уровень поверхностный, доступный непосредственному наблюдению и восприятию, тем самым получая в некоторых смыслах автономное существование: ценности, существующие в человеческом сознании (индивидуальном и коллективном), регулирующие их практики и воспроизводящиеся в них, формализуясь на поверхностном уровне, как бы «застывают». При этом зачастую декларируемые (официально провозглашаемые) ценности и реально разделяемые работниками ценности могут существенно отличаться. Однако именно из этого уровня официально заявляемые ценности (и, соответственно, объективированные в различных организационных (корпоративных) уставах, кодексах, правилах) могут продвинуться дальше и превратиться в ценности, разделяемые сотрудниками. В этом заключается определенная двойственность этого уровня организационной культуры: с одной стороны, здесь могут инкорпорироваться объективированные ценности, с другой – на этом же уровне могут объективироваться инкорпорированные ценности. В первом случае сотрудники начинают мыслить и/или действовать в соответствии с формализованными ценностями, в другом случае уже усвоенные и разделяемые ценности (своего рода негласные правила, ставшие традиционными) находят свое формализованное (письменное) выражение.

Поверхностный уровень несет на себе отпечаток глубинного (ценностного) уровня. Особенно заметно проявление (влияние) ценностей организационной культуры на поверхностном уровне в том случае, если в организации существует высокоразвитая организационная культура или, по крайней мере, если ее формализации уделяется значительное внимание. В рассматриваемом случае «все феномены, которые могут быть увидены, услышаны или прочувствованы», а именно: архитектура, продукты деятельности, стиль, одежда, манера общения, эмоциональная атмосфера, организационные мифы и истории, ритуалы и церемонии – все это несет на себе некоторое влияние принятых в организации ценностей. Однако даже в случае организации с неразвитой (неартикулированной) культурой на поверхностном уровне можно проследить то или иное влияние организационных ценностей.

Рассматривая *подповерхностный уровень* (провозглашаемые ценности), Э. Шейн отмечает, что «сохранение верности определенным ценностям приводит к их трансформации в самоочевидные представления, подкрепляемые набором вербализованных убеждений, норм и правил поведения. Соответствующие взгляды и моральные/этические правила остаются осознанными и четко сформулированными, они выполняют нормативную или моральную функцию, регулируя поведение членов группы в тех или иных ключевых ситуациях и приучая новых ее участников к тем или иным моделям поведения. Набор ценностей, который находит реальное воплощение в идеологии или организационной философии, может служить ориентиром или моделью поведения в сложных или неопределенных ситуациях. Ценности этого уровня сознания во многом предопределяют поведение, наблюдаемое на уровне артефактов» [4, с 38–39]. Этим и определяется, согласно Э. Шейну, влияние подповерхностного (ценностного) уровня на поверхностный уровень (артефактов), в частности, на определенную обусловленность поведения сотрудников (организационного поведения) ценностями организации.

Следует отдельно остановиться на том, что Э. Шейн называет фундаментальными и провозглашаемыми ценностями. *Фундаментальные ценности* – это ценности, сформировавшиеся из предшествующего опыта, находящие воплощение в идеологии/философии организации и реально определяющие практики, модели поведения индивидов. В то же время *провозглашаемые ценности* – декларируемые, но не обязательно реализуемые и воспроизводимые на практике и в свою очередь не обязательно определяющие модели поведения индивидов [4, с. 38]. Стоит отметить, что фун-

даментальные ценности могут быть также и провозглашаемыми, что обеспечивает единство ценностных оснований организационной культуры и наибольшую эффективность организационной деятельности.

Что же касается *глубинного уровня* – базовых представлений, то, согласно Э. Шейну, они являются для членов группы предельно очевидными и не требующими каких-либо доказательств [4, с. 40]. Предельно широкое рассмотрение базовых представлений позволяет отнести к ним ряд абсолютных ценностей, поскольку ряд общечеловеческих абсолютных ценностей, таких как жизнь, семья, труд, в большинстве случаев также представляет собой своеобразное базовое представление. Практически всегда подобные ценности не оцениваются критически, а, наоборот, принимаются как данность.

Иначе говоря, такие ценности не вызывают у людей каких бы то ни было сомнений, возражений, и в силу их абсолютизации и общечеловеческого масштаба принятия зачастую невозможным становится не только их изменение, но и корректировка этих ценностей. В любом случае ценность – это то, что в представлении индивидов ценно для них, для группы, для организации, для общества, или иначе: ценность – это представление о значимости, важности чего бы то ни было. Подобная рамка рассуждений позволяет с определенным допущением отождествлять глубинный уровень организационной культуры, выделенный Э. Шейном, с наиболее укорененными ценностями организации.

Одним из важных вопросов рассмотрения ценностей организационной культуры организации является анализ соотношения терминальных и инструментальных ценностей. Американский психолог М. Рокич определяет ценность как «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения либо конечная цель существования» [5, с. 48]. Исследователь выделяет два класса ценностей: терминальные и инструментальные; *терминальные ценности* (ценности-цели) – это убеждения, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; *инструментальные ценности* (ценности-средства) – убеждения, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. По сравнению с терминальными, инструментальные ценности являются менее устойчивыми и имеют более низкий статус [6, с. 20–21].

В контексте организационной культуры ценности-цели отражают стратегические цели существования организации, тогда как ценности-средства представляют собой важные для данной организации качества персонала и характеристики внутренней среды, которые позволяют достигнуть ценности-цели. Ценности-цели закладываются при создании организации, они определяют назначение, роль организации. При этом ценности-цели являются достаточно устойчивыми и подвергаются изменению весьма редко, например, в случае переориентации деятельности организации, смены ее профиля или в силу значительного изменения внешней среды. О. Е. Стеклова отмечает, что «ценности-цели выражаются в миссии организации и являются важнейшим элементом организационной культуры. Они формируются, как правило, на начальном этапе образования организации под непосредственным влиянием руководителя (непосредственно руководителем, с учетом его способностей, уровня компетентности, стиля руководства и даже его характера)» [3, с. 15]. На этапе первоначального формирования таких ценностей преимущественную роль играет внутренний организационный фактор, тогда как при формулировании ценностей-средств значим внешний фактор – окружение организации, которое в определенной мере диктует выбор наиболее приемлемых способов реализации целей.

В структуре ценностей организационной культуры центральное положение занимает *миссия организации*, которая понимается как основная ценность-цель организации, как формулировка стратегической долгосрочной цели существования конкретной организации, содержащая общее обоснование того, зачем создана организация. Но при этом миссия может содержать также и основные ценности-средства достижения ключевой цели организации. Миссия организации может выполнять двойственную роль и как ориентира стратегического существования организации, и как связующего элемента стратегической перспективы и ее тактической реа-

лизации. Таким образом, миссия – это ключевая смыслообразующая экзистенциальная идея организации.

Ценности-средства в свою очередь являются более гибкими и изменяются не только при изменении ценностей-целей, но и в процессе поиска наиболее оптимальных путей достижения актуальных терминальных целей развития организации. Следовательно, в различные временные периоды для успешного достижения терминальных ценностей развития организации могут наилучшим образом подходить различные инструментальные ценности. Ценности-цели «способствуют формированию единства внутри организации и созданию корпоративного духа. Доведенные до сознания сотрудников ценности-цели ориентируют их в неопределенной ситуации, создают возможность для более эффективного управления организацией, так как они обеспечивают непротиворечивость набора целей, обогащают деятельность работника» [3, с. 15].

Ценности-средства (ценности, позволяющие достигать цели организации, например, качества персонала, принципы работы организации) могут как целенаправленно внедряться в организацию, так и складываться (формироваться) стихийно – на основе опыта трудового коллектива или случайно, по стечению обстоятельств. Если ценности-цели декларируются руководством организации, являются жизненно необходимыми для существования организации, т. е. именно на их достижение направлена деятельность организации, то ценности-средства зависят от всех членов организации. Содержание ценностей-средств, а также принятие и непринятие их членами организации может существенным образом влиять на достижение целей организации. Соответственно, ценности-цели должны быть согласованы с ценностями-средствами. К числу ценностей-средств следует отнести принципы, которые существуют в организации и помогают члену данной организации ориентироваться в выборе форм поведения в процессе деятельности, тем самым позволяя действовать более успешно при достижении целей организации. Ценности-средства поддерживают имидж организации, заявленный миссией организации [3, с. 16]. О. Е. Стеклова рассматривает такие ценности-средства организационной культуры, как безопасность, благополучие, власть, взаимозаменяемость, гармония, гибкость, дисциплина, законность, изменение, инициатива, карьера, качество, клиент, коллектив, малые усилия [3, с. 17–18].

Зачастую именно ценности-цели являются фундаментальными ценностями организации, так как практически любой сотрудник принимает и признает то, для чего существует организация, не оспаривает и не противится цели существования и цели деятельности организации. Сложнее дело обстоит с ценностями-средствами, так как видение путей достижения целей организации может варьироваться у разных сотрудников, здесь сложнее выделение неких общезначимых и общеприемлемых ценностей. При формировании ценностей-средств решение руководства уже не играет ключевую роль, так как здесь проявляет свое влияние и индивидуальное понимание их сотрудниками, и трудовой опыт коллектива, и, как уже отмечалось, внешняя среда. Ценности-средства, сформулированные исключительно руководством, даже если оно исходит не только из личного опыта, но и из учета факторов внешней среды, могут не найти реальной поддержки, признания среди сотрудников, в этом случае такие ценности будут лишь формально декларируемыми, но не «разделяемыми», они не будут работать, не будут способствовать наиболее успешному достижению целей, а в худшем случае будут оспариваться или искажаться работниками, что может привести к уменьшению эффективности функционирования организации. Таким образом, при формулировании ценностей-средств руководство должно органично учитывать три фактора: свое собственное видение ценностей организационной культуры, влияние внешней среды и восприятие, отношение к ценностям-средствам трудового коллектива. Только при достаточном учете и отражении этих факторов возможно формулирование ценностей-средств, которые будут приняты коллективом и адекватны внешней среде. При таком подходе работники будут действительно разделять провозглашаемые руководством организации ценности.

Необходимо отметить, что организационная культура несет в себе, как основу, черты национальной культуры той страны (или региона), в которой существует организация. Влияние национальной культуры на культуру организации может проявляться в присущих каждой нации особенностях поведения, особом менталитете, традициях, обусловленных историческим развитием,

особенностями климата, географического положения, пространства [3, с. 35]. Параметры, относящиеся к национальным особенностям, связанные с менталитетом, историческим развитием и местоположением страны, наименее всего поддаются изменениям.

Таким образом, структура организационной культуры включает поверхностный, подповерхностный и глубинный уровни. Ценности составляют основу организационной культуры и во многом определяют другие ее элементы, при этом ценности обусловливают организационное поведение членов организации и, таким образом, оказывают влияние на эффективность организационной деятельности в целом. При этом терминальные ценности организационной культуры отражают стратегические цели существования организации, тогда как инструментальные ценности представляют собой важные для данной организации качества персонала и характеристики внутренней среды, позволяющие достигнуть терминальных ценностей. Ключевую терминальную ценность существования конкретной организации выражает ее миссия. Наибольшая эффективность деятельности организации достигается при совпадении официально декларируемых ценностей с реально разделяемыми работниками ценностями.

Список использованных источников

1. Грошев, И. В. Организационная культура / И. В. Грошев, П. В. Емельянов, В. М. Юрьев. – М.: Юнити-Дана, 2004. – 288 с.

2. Кравченко, А. И. Социология управления / А. И. Кравченко, И. О. Тюрина. – М.: Академ. проект, Деловая книга, 2008. – 983 с.

3. Семенов, Ю. Г. Организационная культура / Ю. Г. Семенов. – М.: Логос, 2006. – 255 с.

4. Стеклова, О. Е. Организационная культура: учеб. пособие / О. Е. Стеклова. – Ульяновск: УлГТУ, 2007. – 127 с.

5. Ценностные ориентации белорусского студенчества: сравнительный социологический анализ (1998–2009 гг.) / П. И. Бригадин [и др.]; под ред. П. И. Бригадина, И. В. Левицкой. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 207 с.

6. Шейн, Э. Организационная культура и лидерство / Э. Шейн. – СПб.: Питер, 2002. – 335 с.

7. Debats, D. L. The structure of human values: a principal components analysis of the Rokeach Value Survey (RVS) / D. L. Debats // Meaning in life: psychometric, clinical a. phenomenological aspects / D. L. Debats. – Enschede, 1996. – P. 47–58.

References

1. Groshev I. V., *Organizatsionnaia kul'tura* [Organizational culture], Yuniti-Dana, Moscow, RU, 2004.

2. Kravchenko A. I., *Sotsiologiia upravleniia* [Sociology of management], Akademicheskii proekt, Delovaia kniga,Moscow, RU, 2008.

3. Semenov Y. G., *Organizatsionnaia kul'tura* [Organizational culture], Logos, Moscow, RU, 2006.

4. Steklova O. Y., *Organizatsionnaia kul'tura: uchebnoe posobie* [Organizational culture: tutorial], UlGTU, Ulyanovsk, RU, 2007.

5. *Tsennostnye orientatsii belorusskogo studenchestva: sravnitel'nyi sotsiologicheskii analiz (1998–2009 gg.)* [Value orientations of Belarusian students: comparative sociological analysis (1998–2009)], GIUST BGU, Minsk, BY, 2010.

6. Schein E., Organizatsionnaia kul'tura i liderstvo [Organizational culture and leadership], Piter, St. Petersburg, RU, 2002.

7. Debats D. L., Bartelds B. F., "The structure of human values: A principal component analysis of the Rokeach Value Survey", in D. L. Debats (ed.), *Meaning in life: Psychometric, clinical and phenomenological aspects*, 1996, pp. 41–83.

Информация об авторе

Шухно *Евгений Валерьевич* – аспирант, магистр социол. наук. ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: eshuhno@mail.ru.

Information about the author

Shukhno *Yevgeniy Valeryevich*, Postgraduate, MA (Sociol.), Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: eshuhno@mail.ru.

Для цитирования

Шухно, Е. В. Ценности как ключевой компонент организационной культуры / Е. В. Шухно // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 34–39.

For citation

Shukhno, Ye. V. Values as a Key Component of Organizational Culture / Ye. V. Shukhno // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 34–39.

ISSN 1024-5928 (print)

ГІСТОРЫЯ

HISTORY

УДК [929 (476)Скарына+655.11 (476) (092)Скарына]:930.2«14/15»

Паступіў у рэдакцыю 16.05.2017
Received 16.05.2017

А. А. Жлутка

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

НЕВЯДОМЫЯ СТАРОНКІ БІЯГРАФІІ ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ

На основании письменных источников XV–XVI вв. освещается биография белорусского и восточнославянского первопечатника Франциска Скорины. Автором исследованы также малоизвестные и главные периоды жизненного пути первопечатника и просветителя. Рассматриваются гипотезы о дате его рождения и смерти, о месте начального образования. Излагаются документальные сведения о его семье и родственниках, жене и сыновьях. В научный оборот вводятся новые сведения, почерпнутые из документальных и архивных материалов. На их основе приводятся новые аргументы в пользу получения Скориной ступени доктора свободных искусств и основательного медицинского образования в Копенгагенском университете. Выдвигается также предположение о его участии в датской делегации на V Латеранский собор в Риме летом 1512 г. за три месяца до докторских экзаменов по медицине в Праге. Автор также считает возможным отождествить безымянного медика, написавшего медицинское сочинение о средствах против «потной чумы», которое было послано герцогом Альбрехтом Прусским королевскому канцлеру Криштофу Шидловецкому со Скориной. Сообщается также о выявлении двух новых документов в архивах Чехии, касающихся сына первопечатника – Симеона.

Ключевые слова: история, источниковедение, письменные источники, письменность, архивные материалы, Франциск Скорина, книгопечатание, Библия.

A. A. Zhlutka

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

UNKNOWN PAGES OF FRANCISK SKORINA'S BIOGRAPHY

The biography of Francisk Skorina, the first Belarusian and East Slavic book printer, is addressed on the basis of documentary sources of the 15th and 16th centuries. The author also explores both blank spots and major periods in the life of the first book printer and enlightener. Hypotheses are considered regarding the dates of his birth and death and the place of his primary education. Documentary information is presented about his family and relatives, his wife and sons. The scientific community is supplied with new information obtained from documentary and archive materials. On their basis, new arguments are presented in favour of Skorina's obtaining his degree of Doctor of Liberal Arts and solid medical education at Copenhagen University. It is also suggested that he participated in the Danish delegation to the Fifth Council of the Lateran in Rome in the summer of 1512 three months before his doctoral examinations in medicine in Prague. The author also deems it possible to identify Skorina as the one who wrote the anonymous medical essay on how to cure the sweating sickness that was sent by Albert, Duke of Prussia, to the Great Chancellor of the Crown Krzysztof Szydłowiecki. Besides, two new documents in the archives of the Czech Republic are reported as related to the first printer's son, Simeon.

Keywords: history, source criticism, narrative sources, writing system, archive materials, Francisk Skorina, book printing, Bible.

Сёлета спаўняецца 500-гадовы юбілей выхаду ў свет першай беларускай друкаванай кнігі – перакладу Бібліі, здзейсненага славутым беларускім і ўсходнеславянскім першадрукаром Францыскам Скарынам.

Нягледзячы на вялікую працу, праробленую некалькімі пакаленнямі даследчыкаў, у біяграфіі Скарыны ўсё яшчэ існуюць істотныя прагалы. Дагэтуль не ўстаноўлены дакладныя даты яго нараджэння і смерці. Невядома, дзе канкрэтна ён здабываў веды, неабходныя для паступлення ў Кракаўскі ўніверсітэт і для бліскучай абароны ступені доктара медыцыны ў Падуі. Пакуль

© Жлутка А. А., 2017

не знойдзены звесткі пра пяцігадовы прамежак жыцця Скарыны пасля падуанскай абароны ў 1512 г. да пачатку друкавання кніг Бібліі ў Празе ў 1517 г. Няпэўным застаецца час пасля апошняй згадкі пра яго як каралеўскага садоўніка ў 1539 г. і да 1552 г., калі ягоны сын Сымон атрымаў ад Фердынанда I ліст на маёмасць, пакінутую пасля смерці Францыска Скарыны. Праліць хоць нейкае святло на гэтыя лакуны ў жыццяпісе першадрукара могуць пакуль што толькі ўскосныя пісьмовыя сведчанні.

Прыблізнай датаю нараджэння Францыска прынята лічыць 1490 г., адштурхоўваючыся ад часу яго паступлення ў Кракаўскі ўніверсітэт у 1504 г. Гэта крайні тэрмін, паколькі ва ўніверсітэт маглі паступаць не раней, як з 14 гадоў. Але выдатная абазначанасць у кірылічным пісьменстве і ў богаслужэбнай літаратуры ўсходняга абраду, а таксама добрыя веды лацінскай мовы, што дазволіла паспяхова паступіць у Кракаўскі ўніверсітэт, але патрабавала б болей часу, схіляюць да дапушчэння пра больш сталы ўзрост юнака ў час паступлення – каля 17–18 гадоў. Магчыма, недалёкі ад праўды быў знакаміты беларускі мастацтвазнавец Мікола Шчакаціхін, калі прапанаваў іншую дату – 6 сакавіка 1486 г., патлумачыўшы друкарскую эмблему Скарыны «Сонца маладзіковае» як указанне на дзень нараджэння ў момант сонечнага зацьмення ў Полацку [1]. Нягледзячы на ўсю няпэўнасць трактавання эмблемы як указання на момант з'яўлення дзіцяці на свет, 1485–1486 гг. падаюцца больш адпаведным часам нараджэння Францыска.

Няшмат вядома таксама пра сям'ю Скарынаў. У інструкцыі Маскоўскага князя Івана III паслу Івану Беклямешаву да караля Польшчы і вялікага князя ВКЛ Казіміра IV Ягелончыка з 18 мая 1492 г. згадваецца полацкі купец Лук'ян Скарына [2, с. 45]. Сынам Лукі названы Францішак у запісе пры паступленні ў Кракаўскі ўніверсітэт (1504 г.) [2, с. 57.]. У актах абароны ступені доктара медыцыны ў Падуі перад імем бацькі стаіць займеннік quondam – «калісьці», «раней», які ў такіх выпадках у лацінскіх крыніцах азначаў памерлых [2, с. 63–72]. Гэта дазваляе меркаваць, што ў 1512 г. бацькі, Лукі Скарыны, ужо не было ў жывых. Дагэтуль не знойдзены дакументальныя сведчанні пра маці Францішка. У дэкрэце караля і вялікага князя Жыгімонта I са снежня 1518 г. згадваецца брат Іван як сведка на судзе Андрэя са Львова супраць віленскага грамадзяніна Дашкі [2, с. 46]. Як вынікае з запісаў прэтэнзій крэдытораў на маёмасць Івана ў Познані, ён памёр перад ліпенем 1529 г. Як і бацька, ён займаўся гандлем, пераважна гандлем скурамі. У судовых справах па маёмасці Івана ў Познані, а таксама ў справах па нерухомасці ў Полацку фігуруе імя яго сына Рамана. У Познані Раман з'явіўся асабіста два разы: увосень 1529 г., калі як законны спадкаемец разлічваўся з крэдыторамі свайго бацькі Івана, і ўвесну 1532 г., калі вызваляў з познанскай вязніцы свайго роднага дзядзьку Францішка. У познанскай судовай справе 1532 г. адзначана, што Раман прыбыў на суд з Гданьска, а ў справе па маёмасці ў Полацку ў 1535 г. сказана, што ён «в Немъцах служить» [2, с. 112–115, 123, 128–132]. Магчыма, і ў другім выпадку меўся на ўвазе Гданьск, які доўгі час быў пад уладаю немцаў, альбо нейкі іншы горад Заходняй ці нават Цэнтральнай Еўропы, улічваючы шматзначнасць у той час тэрміна «немцы». У кожным выпадку не выключана, што ў архівах Гданьска могуць захоўвацца нейкія матэрыялы пра Рамана, а магчыма, і пра ягонага бацьку і дзядзьку. Апрача сына, Іван меў яшчэ дзвюх не названых па імені дачок, бо ў полацкай справе 1535 г. пра яго маёмасць згадваюцца два ягоныя зяці Еська Стэпановіч і Міхна Аўсянікаў. Еська Стэпановіч, апрача полацкай уласнасці цесця, прэтэндаваў таксама і на частку яго познанскай маёмасці раней у справе 1529 г. [2, с. 49–50]. Ён жа прадстаўлены і ў актах полацкай рэвізіі 1552 г. У гэтых актах фігуруе таксама ігумен Пятніцкага манастыра Васка Скарына, а таксама Еська Скарына, які браў удзел як полацкі райца ў пасольстве ў Рыгу ў 1553 г. [2, с. 51–53]. Невядома, ці яны былі родзічамі Францыска Скарыны.

Імя Скарыны Францыск ускосна ўказвае на яго канфесійную прыналежнасць, а таксама на месца, дзе ён мог здабыць веды з лацінскай мовы, неабходныя для паступлення ва ўніверсітэт. Святы Францішак Асізкі, якому ён абавязаны сваім імем, як вядома, быў заснавальнікам і патронам Ордэна братоў меншых, ці францысканцаў, што пачалі прапаведваць неўзабаве пасля свайго заснавання таксама на тэрыторыі Польшчы і Вялікага Княства Літоўскага яшчэ ў XIII ст. Рэфармаванае іх адгалінаванне – францысканцаў-абсервантаў – было заснавана Бернардзінам з Сіены (1380–1444 гг.), які заклікаў сваіх паслядоўнікаў займацца прапаведваннем і навучаннем. Летам 1453 г. на запрашэнне караля Казіміра IV Ягелончыка і кракаўскага біскупа Збігнева

Алесніцкага ў Кракаў на чале са знакамітым прапаведнікам Янам Капістранам прыбылі некалькі манахаў з гэтай супольнасці. За восем месяцаў побыту Капістрана да абсервантаў было прынята 130 новых членаў, пераважна з ліку выкладчыкаў і студэнтаў Кракаўскага ўніверсітэта [3, p. 466; 4, s. 10]. Адразу ж пачалося будаўніцтва кляштара, прысвечанага Бернардзіну з Сіены. Ад назвы кляштара францысканцы-абсерванты ў Польшчы і Вялікім Княстве Літоўскім сталі называцца бернардзінцамі, у адрозненне ад нерэфармаваных канвентуальных францысканцаў. Супольнасць імкліва развівалася, узніклі кляштары на тэрыторыі Польшчы і Украіны, а ў 1468 г. быў заснаваны кляштар у Вільні. Пазней, у 1498 г. у Полацку таксама быў заснаваны бернардзінскі кляштар, прысвечаны Найсвяцейшай Панне Марыі з касцёлам св. Францішка. Адміністрацыйна віленскі і полацкі кляштары ўваходзілі ў склад Польскага вікарыяту (з 1517 г. – Польскай правінцыі) францысканцаў-абсервантаў з цэнтрам у Кракаве.

Бернардзінцы вылучаліся тым, што прызнавалі правамоцнымі ўсе праваслаўныя таемствы, апрача веравызнання, і не патрабавалі перахрышчэння [4, s. 143]. Шмат у чым іх дзейнасць была скіравана на паяднанне дзвюх галін хрысціянства: праваслаўя і каталіцтва. Выказвалася нават меркаванне, што менавіта бернардзінцы паспрыялі выданню ў 1491 г. у Кракаве *Актоіха* Швайтполем Фіёлем. Прынамсі, да гэтага выдання меў непасрэднае дачыненне сіндык кракаўскага канвента бернардзінцаў Ян Турзан [5, s. 171]. Тое, што Скарына атрымаў хроснае імя ад патрона бернардзінцаў і пазней дзейнічаў у гэткім жа самым экуменіцкім кірунку, выдаючы Святое Пісьмо і богаслужэбныя кнігі для праваслаўных вернікаў, дадаткова сведчыць пра яго сувязі з полацкімі бернардзінцамі і навучанне ў іх. Вельмі верагодна, што з іх дапамогаю ён стаў таксама студэнтам Кракаўскага ўніверсітэта. Яго апекуном і натхняльнікам на гэтым шляху мог быць Лявон з Ланьцута (горад знаходзіўся на ўсходзе ад Кракава, уваходзіў у склад Рускага ваяводства, цэнтрам якога быў Львоў). Лявон быў манахам у Кракаве, дзе дакументальна засведчаны ў 1484 г. і дзе ў 1525 г. памёр. Ён стаў першым гвардыянам полацкага кляштара і кіраваў ім каля 15 гадоў (1498–1512?) [4, s. 179]. Потым нейкі час (да 8 снежня 1512 г.) [4, s. 182] быў кусташам Віленскага канвента. Па справах полацкага кляштара ён павінен быў мець пастаянныя стасункі з Кракавам. Таксама ў сталіцу вікарыяту Лявон з Ланьцута быў абавязаны з'яўляцца падчас капітулаў, якія адбываліся штогод і найчасцей у Кракаве ды прымяркоўваліся альбо да свята Спаслання Духа Святога, альбо да свята Багародзіцы 8 верасня і трывалі два тыдні ці нават болей [4, s. 80–81]. Стала прабываць у Кракаве ён павінен быў прынамсі ў 1512–1514 гг., калі з'яўляўся кіраўніком Польскага вікарыяту бернардзінцаў, а таксама ў 1517–1520 гг., калі займаў пасаду правінцыяла Польскай правінцыі [4, s. 61]. Сувязі полацкіх бернардзінцаў з Кракавам, а кракаўскіх – з Ягелонскім універсітэтам і маглі паспрыяць паступленню туды Францыска Скарыны. Магчыма, пошукі ў бернардзінскіх архівах змаглі б праліць святло на гэты перыяд у яго біяграфіі.

Францыск Скарына паступіў у Кракаўскі ўніверсітэт у 1504 г. у час рэктарства Яна Аміцына, пра што сведчыць запіс у матрыкулах за зімні семестр. У ліку 120 упісаных у матрыкулярную кнігу значацца «Францыск, [сын] Лукі з Плоцка (Полацка), [уступная плата] 2 грошы» і яшчэ тры асобы з Беларусі: «Венцэслаў, [сын] Венцэслава са Слуцка Віленскай [дыяцэзіі], 4 грошы»; «Юрый, [сын] Якуба з Валкавыска, 2 грошы»; «Мікалай, [сын] Андрэя з Ашмянаў, 7 грошаў» [6, p. 90–91]. Уступны грашовы ўнёсак вагаўся ад 1 да 8 грошаў. Зыходзячы з сумы, унесенай Скарынам, можна меркаваць, што падчас навучання ён жыў у бурсе для бедных. У кнізе прамоцый філасофскага факультэта, на якім вучыўся Францыск Скарына, пад датаю 14 снежня 1506 г. у час дэканства магістра Леанарда з Добшыцаў змешчаны запіс пра наданне ступені бакалаўра: «узведзеныя на ступень бакалаўра і размеркаваныя ў наступным парадку паводле месца:... Фран (цыск) з Полацка, літвін...» У гэты ж дзень разам са Скарынам атрымалі ступень бакалаўра яшчэ пятнаццаць шкаляроў, два з якіх – Тамаш з Падляшша і Якуб з Эльбінга – у 1504 г. разам з ім паступалі ва ўніверсітэт і былі ўнесеныя ў матрыкулы [7, p. 144].

Дакладна невядома, дзе знаходзіўся Скарына з канца 1506 да восені 1512 г., калі ягонае імя будзе ўпісана ў акты надання акадэмічных ступеняў Падуанскага ўніверсітэта. У Падую ў 1512 г. ён прыбывае ўжо з тытулам доктара вольных навук [8, p. 243–346] і набывае ў падуанскім універсітэце яшчэ адну вучоную ступень – доктара медыцыны. За час паміж дзвюма гэтымі датамі Францыск Скарына мусіў стаць не толькі доктарам вольных навук, але яшчэ атрымаць выдатную

медыцынскую адукацыю. Апрача таго, у апошнім падуанскім дакуменце ад 9 лістапада 1512 г. пра наданне знакаў ступені доктара медыцыны ён названы сакратаром дацкага караля–secretarius regis Datiae. Да апошняга часу вяліся спрэчкі наконт тэрміна Datia, які ў старажытных пісьмовых крыніцах ужываўся ў адносінах да колішняй рымскай правінцыі Дакіі (сёння тэрыторыя Румыніі), але ў часы Скарыны гэтая назва азначала ўжо іншую краіну – Данію, дарэчы дакладна гэтак жа rex Datiae называе сябе сам тагачасны кароль Даніі Ёган-Ганс у дакументах, выдадзеных ад яго імя. Беларускія скарыназнаўцы Георгій Галенчанка [9, с. 94; 10, с. 19–20], Віктар Дарашкевіч [2, с. 10], Вітаўт Тумаш [11, с. 18] ужо даўно ўказвалі, што пад гэтым тэрмінам хаваецца менавіта дацкае каралеўства. Нядаўна гэтае пытанне яшчэ раз грунтоўна прааналізавала Вольга Шутава, прыйшоўшы да такога ж меркавання [12, p. 27]. Найбольш верагодна, што менавіта ў Даніі Францыск Скарына атрымаў ступень доктара вольных навук і выдатныя веды ў медыцыне. На той час у Капенгагене ўжо дзейнічаў адкрыты ў 1479 г. Хрыстыернам I першы дацкі ўніверсітэт з чатырма факультэтамі, адным з якіх быў медыцынскі.

Якім чынам Скарына, сакратар дацкага караля, апынуўся ў Італіі? Вядома, што выпускнікі медыцынскага факультэта з Капенгагенскага ўніверсітэта для доктарскай абароны выбіралі звычайна альбо Падую, альбо Манпелье. Апрача таго, каралеўскія сакратары даволі часта выконвалі адказныя дыпламатычныя даручэнні. Таму, на нашу думку, ён прыбыў у Італію ў складзе нейкай дыпламатычнай місіі. Здаецца, гэта пацвярджае новавыяўленае нядаўна пісьмовае сведчанне. Гэта адзін з запісаў у дзённіку папскага цырымоніймайстра Парыса Грасі. Арыгінал часткі дзённіка за 1512 г., дзе змешчаны гэты запіс, паводле нашых звестак, не захаваўся, а вядомы з шэрага копій за гэты год і таксама за іншы час, якія захоўваюцца ў Ватыканскім сакрэтным архіве (10 рукапісаў), у Ватыканскім архіве Аддзела літургічных цэлебрацый найвышэйшага пантыфіка (14 рук.), Апостальскай бібліятэцы ў Ватыкане (38 рук.) [13, гл.: 14 рук. за 1512 г. з Ватыканскіх архіваў і бібліятэкі], у бібліятэках Рыма: Ангеліцы (1 рук.), Валічэліяне (1 рук.), Казанатэнскай (6 рук.), Камунальнай бібліятэцы архігімназіі ў Балоньі (4 рук.), Баварскай дзяржаўнай бібліятэцы ў Мюнхене (3 рук.), Нацыянальнай бібліятэцы Францыі ў Парыжы (2 рук.). З самай ранняй копіяй у Казанатэнскай бібліятэцы г. Рыма пашчасціла папрацаваць і нам. Запіс датуецца 6 жніўня 1512 г., г. зн. за тры месяцы да надання Скарыне ступені доктара медыцыны ў Падуі.

Парыс Грасі распавядае пра прыём папам Юліем II у той дзень трох дацкіх пасланнікаў, якія ўсе былі дактарамі і простымі канонікамі: адзін з іх прысяглы сакратар караля, двое іншыя – каралеўскія прыдворныя [14, f. 35v]. Вядома, што ўвесну таго ж года ў Рыме, у Латэранскай базіліцы, распачаўся V Латэранскі сабор. Гаворка пра сабор ішла і 6 жніўня, таксама ва ўзнёслай прамове, з якой звярнуўся да папы ад імя караля Ганса ягоны, не названы па імені, сакратар. Сярод іншага, выказаўшы паслушэнства папу з боку караля Даніі і Шатландыі ды іх жаданне далучыцца да сабору, ён паведаміў, што: «нават уладар русінаў і цар татараў і готаў, якія ніколі раней не апускаліся да прызнання ніводнага сабору, прыкладзе намаганні, каб цяпер яны (г. зн. русіны, татары і готы. – *А. Ж.*) далучыліся да сабору, што будзе прызначаны папам, альбо пагадзіліся з ужо прызначаным, просячы дапусціць іх да ўхвалення дэкрэтаў і пераўладкавання Горада, Свету і Касцёла» [14, f. 35v].

Гаворка ў гэтым пасажы ідзе, безумоўна, пра вялікага князя Масковіі Васіля III. Маскоўскія вялікія князі і дацкія каралі ад XV ст. імкнуліся да палітычных альянсаў, складаючы дамовы «аб хаўрусе і сяброўстве», з аднаго боку, супраць Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы, з другога – супраць Швецыі і Ганзейскага саюзу. У лістападзе 1493 г. падобную дамову ўклалі маскоўскі князь Іван III і дацкі кароль Ёган-Ганс. Апрача ваеннага хаўрусу, накіраванага ў першую чаргу супраць шведскага ўладара Стэня Стура і Вялікага Княства Літоўскага, яна прадугледжвала свабодны праезд паслоў, узаемную выдачу перабежчыкаў (нявольнікаў і нявольніц, даўжнікоў, злодзеяў, рабаўнікоў), бесперашкодны гандаль маскоўскіх купцоў у Даніі і дацкіх у Масковіі [15, с. 1, № 2]. Тое, што дамова выконвалася, паказваюць дакументы з пазнейшага часу. Прыкладна праз год у сувязі з блізкім абраннем яго на пасаду караля Швецыі Ганс просіць Івана III на год ці на два ўстрымацца ад варожых дзеянняў супраць Швецыі [15, с. 2 (спасылка)] . У 1501 г. маскоўскія паслы вялі перагаворы ў Даніі наконт урэгулявання памежных непаразуменняў, абмену палоннымі, прыслання ў Масковію дацкіх майстроў, а таксама пытанне магчымага шлюбу сына маскоўскага ўладара Васіля з дацкай прынцэсай Альжбетай [15, с. 2, № 3]. У 1506 г. Васіль, ужо як вялікі князь

Васіль III, выказвае жаданне ўкласці новую міждзяржаўную дамову і выпраўляе дзеля гэтага да Ганса свайго пасла Істому [15, с. 3, № 4]. Кароль пагаджаецца аднавіць дамову і паведамляе Васілю III пра здраду і паўстанне ў Швецыі, а таксама просіць яго дапамагчы [15, с. 4, № 5]. Дамова была абноўленая ў тым жа 1506 г. [15, с. 4, № 6]. У дакументах з 1508, 1509, 1510, 1513 гг. называецца імя дацкага пасланніка, выпраўленага каралём Гансам, а потым яго наступнікам на дацкім троне Хрысціернам II у Масковію: магістра Давіда ван Корана [16, s. 1118, nr. 9322; s. 1128, nr. 9408; s. 1141, nr. 9515; s. 1180, nr. 9892]. У наступным 1514 г. у Данію з даверным лістом выпраўляюцца паслы Васіля III: баярскі сын Іван Мікулін Забалоцкі і дзяк Васіль Аляксандраў [15, с. 6, № 12].

Нягледзячы на дамовы з Масковіяй, Ёган-Ганс паралельна наладжваў дыпламатычныя стасункі таксама з Польшчаю і Вялікім Княствам Літоўскім. У 1505 г. была ўкладзена дамова «Пра дружбу і хаўрус найяснейшага пана Ёгана, караля Данii, Швецыі і Нарвегіі, з найяснейшым Жыгімонтам, каралём Польшчы, і паміж падданымі і ўладаннямі абедзвюх дзяржаў» [17, s. 94, nr. 10501-2]. У 1506 г. з даверным лістом выправіўся да караля Польшчы і вялікага літоўскага князя Аляксандра той жа самы магістр Давід [18, s. 4, nr. 4]. У 1507 г. з Польшчы вяртаецца іншы дацкі пасланнік Вернэр Каннік [16, p. 1114, nr. 9285]. Апрача таго, рабіліся спробы завязаць матрыманіяльныя адносіны: так, пры выбары нявесты для дацкага каралевіча Хрысціерна ў 1508 г. абмяркоўвалася кандыдатура дачкі польскага караля [18, s. 19–20, nr. 30]. Праз год у Данію выправіўся дарадца і пасол Жыгімонта Ян Кокрыц: паміж абедзвюма дзяржавамі была ўкладзена дамова «пра сяброўства, любоў і хаўрус», засведчаная некалькімі дакументамі з абодвух бакоў, адбыўся абмен пасламі [18, s. 25, nr. 36; 19, s. 61, nr. 14; 20, p. 355–357]. Дамова будзе абноўленая ў 1516 г. пры наступніку Ганса Хрысціерне II [21, p. 38, nr. 42; p 57, nr. 62; 73–74, nr. 88, 89]. Вельмі верагодна, што з адным з такіх пасольстваў у Данію і мог патрапіць Скарына ў прамежку паміж 1506 і 1510 гг. Звычайна лічыцца, што Скарына мог прыбыць у Данію ў 1509 г. падчас укладання хаўруснай дамовы. Але нічога не перашкаджае нам дапусціць, што ён мог апынуцца там і раней, нават адразу пасля атрымання ступені бакалаўра ў Кракаве. Тым больш, што ў Капенгагенскім універсітэце на пачатку яго дзейнасці адчуваўся недахоп як студэнтаў, так і выкладчыкаў, і для прыцягнення іх у Капенгагенскую альма-матар адмыслова выязджалі за мяжу прадстаўнікі караля і ўніверсітэта [22, p. 9–10, 23–24].

У згаданым запісе Парыса Грасі адзначаецца пра імкненне Масковіі да паразумення з Апостальскім Пасадам і пра далучэнне да V Латэранскага сабору. У атачэнні Васіля III, сына Івана III і грачанкі Соф'і Палеалог, якую, дарэчы, лічаць каталічкай усходняга абраду, безумоўна, абмяркоўвалася і пытанне рэлігійнай уніі. Прыхільнікамі ўніі пры двары Васіля III, апрача ягонай маці, былі прыдворны лекар Мікола Булеў, захавальнік маскоўскага скарбу і дзяржаўнай пячаці грэк Юры Траханіёт, а таксама яго ўплывовы бацька Дзмітрый Траханіёт ды іншыя. Замежныя паслы, напрыклад, пасол Нямецкага ордэна Шонберг і пасол імператара Францэска дэ Колё паведамлялі ў той час, што Масковія гатова прыняць унію. Пра гэта пісаў да папы Юлія II і кароль Шатландыі Якаб IV: «прыбылі нядаўна да караля Данii паслы імператара Русі, якія прасілі саюзу і сяброўства, і ён з вялікай надзеяй на гэты саюз ды на тое, што імператар звернецца да святога вучэння Рымскага Касцёла, зычліва прыняў яго просьбы і рыхтаваўся паслаць сваіх паслоў на Русь, якія б душу імператара ўзнялі ад забабоннай бязбожнасці, паказалі на марнасць веравызнання гэтага люду, ды ўвялі яму ў вушы сапраўдную Хрыстовую веру» [23, p. 85, nr. 45]. У запісе Парыса Грасі мы бачым, што дацкі кароль, выступаючы пасрэднікам перад папам, не пакідаў сваіх спроб схіліць маскоўскага ўладара да паяднання дзвюх галін хрысціянства. Але, відаць, справа ўніі была занядбана пасля амаль адначаснай смерці ў 1513 г. караля Ганса і папы Юлія II.

Пакуль не выяўлены дакументы аб пайменным складзе дацкай дыпламатычнай місіі на V Латэранскі сабор, скліканы папам Юліем у 1512 г., мы не можам з упэўненасцю сцвярджаць, што сакратаром, прадстаўленым у тэксце Грасі, быў Скарына. Але храналагічная блізкасць дзвюх згадак пра каралеўскага сакратара, змест прамовы перад папам, які закранаў пытанні, якія маглі быць у кампетэнцыі Скарыны, і ўказанне на яе красамоўнасць (ці не таму, што яе прамаўляў доктар вольных навук) дазваляе лічыць гэта вельмі верагодным. Дадатковым аргументам на карысць такога дапушчэння можа з'яўляцца прысутнасць, нягледзячы на цяжкую хваробу ног, біскупа Падуі і прэзідэнта ўніверсітэта, віцэ-канцлера папскай канцылярыі, пляменніка папы Юлія II, і ўдзельніка V Латэранскага сабору кардынала-прэзбітэра Сікста Гара дэла Равэрэ ў Падуі на

іспытах, якія трымаў Францыск Скарына. Магчыма, ён быў галоўным апекуном, які наладзіў і падтрымаў абарону Скарынам дысертацыі доктара медыцыны. На першы погляд, можа бянтэжыць тое, што сакратар і двое іншых пасланнікаў названы ў дзённіку Грасі канонікамі, але трэба зазначыць, што свецкімі канонікамі маглі быць магістры і дактары, у тым ліку і вольных навук. Для ўтрымання выкладчыкаў, апрача платы ад студэнтаў, маглі прызначацца кананікаты, г.зн. удзел у прыбытках, якія атрымліваў нейкі касцёл. Прычым такія кананікаты маглі прызначацца не толькі па месцы знаходжання навучальнай установы, але таксама і на радзіме прафесараў [24, с. 79–80].

Узнікае пытанне: навошта патрэбен быў Скарына дацкаму каралю ў якасці сакратара, бо вядома, што ў яго было шмат сваіх, айчынных? Пра гэта можа сведчыць, напрыклад, ліст Ёгана да папы Юлія II ад 11 лютага 1507 г., дзе ён просіць перадаць Шлягзвіскую прэпазітуру ды іншыя касцёльныя бенефіцыі свайму сакратару Гайну ды іншым сваім сакратарам [18, p. 16, nr. 24]. Сакратароў ён выкарыстоўваў у тым ліку і для дыпламатычных місій. Так, у тым жа годзе ён выдае даверны ліст свайму сакратару Ціху, сыну Вінцэнта, да караля Шатландыі Якаба IV [25, p. 248–249, nr. 43]. І ў тым жа 1507 г. Ёган просіць Людовіка XII, караля Францыі, рэкамендаваць згаданага Ціху, свайго сакратара, накіраванага ў Парыжскі ўніверсітэт, якому-небудзь вучонаму сябру каралеўскага парламента, каб ён вывучыў звычаі парламента і французскую мову [18, p. 19, nr. 29]. У 1510 г. згадваецца імя сакратара магістра Эрыка Валькэндорпа, якога Ганс просіць у папы Юлія прызначыць Нідроскім біскупам [18, p. 36, nr. 49]. У дакуменце ад 1510 г. фігуруе ў якасці сакратара, пасланага ў Масковію, ужо вядомы нам магістр Давід [16, p. 1144, nr. 9543]. Два каралеўскія сакратары Андэрс Глоб і Ёган Вульф згадваюцца ў двух дакументах, выдадзеных дацкім каралём 5 красавіка 1512 г. перад самым пачаткам V Латэранскага сабору [18, p. 49, nr. 74; 8, p. 1171, nr. 9805]. Ёган Вульф накіраваўся у Вечны Горад дзеля атрымання дыспенсацыі з дапамогаю Сенгаленскага кардынала, для каралеўскага канцлера на займанне двух касцёльных бенефіцый. Паводле некаторых меркаванняў, Ёган Вульф меўся узначальваць таксама дацкую місію на Латэранскі сабор. Як бачым, у дацкага караля не бракавала айчынных сакратароў. Тым не менш, адносіны з Масковіяй, Польшчаю і Вялікім Княствам Літоўскім патрабавалі мець пры сабе людзей, якія валодалі б «рускай» моваю і кірылічным пісьмом. Яшчэ больш такія асобы былі неабходныя для пасольстваў у пытаннях паяднання дзвюх галін хрысціянства і кансалідацыі еўрапейскіх краін перад турэцкай пагрозаю, якая тады была актуальнай і вымагала прыцягнення да антытурэцкай кааліцыі Масковіі, Вялікага Княства і Польшчы. Пра тое, што ў караля Ганса была патрэба ў такіх знаўцах, сведчыць яго недатаваны ліст, найверагодней ад 1506 г., да Васіля III з просьбаю прыслаць да яго палоненага фіна Сівара, які ведае «рускую» мову і пісьмо ды можа служыць перакладчыкам [26, s. 97, nr. 150].

Патрапіць у Данію Скарына мог, як ужо адзначалася, альбо ў 1509 г., калі туды выправілася пасольства караля Польшчы і вялікага князя ВКЛ Жыгімонта I, альбо раней пасля атрымання ступені бакалаўра ў Кракаве. На той час у Капенгагене ўжо дзейнічаў адкрыты ў 1479 г. Хрыстыернам I першы дацкі ўніверсітэт з чатырма факультэтамі, сярод якіх быў і медыцынскі. Менавіта тут Францыск Скарына мог здабыць ступень доктара вольных мастацтваў і выдатныя веды ў медыцыне, якія ён прадэманстраваў на абароне ў Падуі.

Вольга Шутава і Анатоль Цітоў, на аснове аналізу выдавецкіх сімвалаў Скарыны і дацкага першадрукара Говарта ван Гемена, указалі на іх відавочную сувязь і адначасовае знаходжанне ў Капенгагене і тым самым прывялі яшчэ адзін довад на карысць сакратарства Францыска Скарыны менавіта ў дацкага караля [27, с. 72–74; 28, с. 40].

Пытанне пра тое, ці Скарына быў у складзе дацкай дыпламатычнай місіі на V Латэранскі сабор і ці менавіта ён звяртаўся з прамоваю да папы Юлія II 6 жніўня 1512 г., нягледзячы на шэраг ускосных довадаў, усё ж застаецца адкрытым да выяўлення прамых дакументальных сведчанняў. Далейшыя пошукі, на наш погляд, трэба было б праводзіць у Ватыканскім сакрэтным архіве сярод дакументаў папы Юлія II і дацкіх лабістаў-кардыналаў (напрыклад, таго ж Сенгаленскага), у дацкіх архівах сярод матэрыялаў караля Ёгана-Ганса і Капенгагенскага ўніверсітэта за 1506–1517 гг., сярод дыпламатычных дакументаў караля Жыгімонта і князя Васіля III, а таксама ў архіўных зборах Венецыянскай рэспублікі. Бо не выключана, што імя Скарыны можа таксама фігураваць у складзе пасольстваў у Масковію, Польшчу і Вялікае Княства Літоўскае, Венецыю.

З 5 да 9 лістапада 1512 г. Францыск Скарына, як сведчаць запісы ў «Актах пра наданне акадэмічных ступеняў» Падуанскага ўніверсітэта, трымаў іспыты на атрыманне ступені доктара медыцыны. 5 лістапада на сходзе «Святой калегіі» пад старшынствам віцэпрыёра ў касцёле св. Урбана яму была дадзеная «ласка», як беднаму трымаць іспыты бясплатна «з любові да Бога», за што аднагалосна прагаласавалі ўсе сябры Калегіі. На другі дзень адбыўся пробны іспыт, на якім дактарант бліскуча адказаў на ўсе прапанаваныя яму пытанні і выдатна адхіліў ўсе довады супраць, а таму «з агульнай згоды быў дапушчаны да асабістага іспыту ў медыцыне». Асабісты іспыт ён трымаў 9 лістапада ў прысутнасці 14 вучоных і «праявіў сябе настолькі пахвальна і вельмі годна падчас гэтага свайго строгага экзамена, цытуючы на памяць зададзеныя яму пытанні і выдатна адхіляючы довады супраць, што атрымаў аднадушнае ўхваленне ўсіх без выключэння прысутных вучоных, і было прызнана, што ён мае дастатковыя веды ў медыцыне». Пасля гэтага Францыск Скарына быў урачыста абвешчаны доктарам медыцыны, а прамотар доктар вольных навук і медыцыны Барталамей Барызон уручыў яму адпаведныя знакі медыцынскай ступені. У той жа дзень таксама быў унесены пратакольны запіс пра гэтую падзею ў кнігу «Diversorum...» Падуанскай біскупскай курыі. Якраз у ім Скарына названы сакратаром караля Даніі [29, p. 226–228; 8, p. 243–346].

На ўсіх мерапрыемствах, звязаных з атрыманнем доктарскай ступені ад медыцыны ў Падуі, прысутнічалі і бралі ўдзел у дыскусіях 32 асобы: дактары і магістры, студэнты, прадстаўнікі духавенства. Сярод прысутных, прынамсі, тры чалавекі маглі мець дачыненне да кнігадрукавання: Барталамей Санвіта (які быў звязаны з венецыянскім друкам), Антоніа дэ Санчына і Хрыстафор а Ліньямінэ [30, p. 24–26].

Пасля 9 лістапада 1512 г. і да 6 жніўня 1517 г. след Скарыны зноў губляецца. Невядома, ці заставаўся ён яшчэ на пасадзе каралеўскага сакратара. У кожным разе перад абаронай у Падуі альбо пасля гэтага ён павінен быў ці ў складзе дыпламатычнай місіі, ці самастойна пабываць у Венецыі. З пэўнасцю можна сцвярджаць толькі, што ў гэты час ён займаўся падрыхтоўкай да кнігадрукавання ў Празе. Дзеля гэтага ён павінен быў заручыцца падтрымкаю айчынных дабрадзеяў, а таксама вырашыць пытанні з тэхнічным забеспячэннем друкарскай дзейнасці ў Празе.

6 жніўня 1517 г. у Празе «Францишек, Скоринин сын с Полоцька, в лекарских науках доктор, повелел ... Псалтырю тиснути». Выдаўшы за два гады апрача «*Псалтыра*» яшчэ 22 кнігі Старога Запавету, Скарына пасля 15 снежня 1519 г.павінен быў вярнуцца на радзіму і ў 1522 г. выдае ў Вільні «*Малую падарожную кніжку*», а затым у 1525 г. – «*Апостала*». Пасля гэтага ягоная выдавецкая дзейнасць была спынена з невядомых прычын. У 1526 г. Скарына прысутнічае ў якасці сведкі ў Вільні пры акце фундацыі касцёла і школы ў вёсцы Весічы Гарадзенскага павета [2, с. 83], а на пачатку 1529 г. фігуруе ў судовым дэкрэце Польскага караля і вялікага князя ВКЛ Жыгімонта наконт маёмасці сваёй жонкі Маргарыты. Жонка Маргарыта, удава Юрыя Адверніка, і не названыя па імені дзеці ўпершыню згадваюцца ў гэтым дэкрэце [2, с. 91].

У тым жа 1529 г. ён ад імя свайго і Маргарыты ўдзельнічаў у Познані ў працэсе пра падзел маёмасці памерлага брата Івана і атрымаў частку маёмасці [2, с. 110–112]. Апрача яго ў падзеле маёмасці як прэтэндэнты бралі ўдзел зяць Івана Еська Стэпановіч, віленскі грамадзянін Яцка Фальковіч, купец і познанскі райца Кляўс Габэрлянд, а таксама жонка Якуба Корбы, у падвале пад домам якога захоўваліся скуры, якімі гандляваў Іван Скарына. Пры даследаванні матэрыялаў архіва Прускай культурнай спадчыны ў Берліне намі былі выяўлены дакументы, што сведчаць пра сувязі двух фігурантаў справы пра падзел маёмасці: Кляўса Габэрлянда і Якуба Корбы з прускім герцагам Альбрэхтам Гагенцолернам. 1 жніўня 1529 г. датуецца ліст герцага да Кляўса Габэрлянда наконт нейкіх рымскіх спраў [31, f. 42v]. У лісце да караля Польшчы і вялікага князя ВКЛ Жыгімонта ад 2 мая 1527 г. герцаг прасіў караля дапамагчы матэрыяльна абрабаванаму купцу Якубу Корбу [32, p. 218–219]. 1 красавіка 1539 г. райцы Познанскай рады звярнуліся да Альбрэхта з просьбаю дапамагчы дзецям-сіротам нябожчыка Якуба Корбы, якіх праследуюць крэдыторы за даўгі бацькі [33, nr. 31]. Пасля разгляду справы пра падзел маёмасці ў Познані, у канцы 1529 альбо ў першай траціне 1530 г., Францыск Скарына, як вынікае з чатырох лістоў Альбрэхта, быў у яго на службе, адкуль ужо ў маі выправіўся назад у Вільню, звёзшы з сабою лекара і друкара герцага. Спачатку Альбрэхт піша да Віленскага ваяводы і канцлера ВКЛ Альбэрта Гаштольда і да Віленскай рады з просьбаю дапамагчы Скарыне і абараніць яго ў нейкіх сямейных і матэрыяльных справах,

а таксама дае яму ахоўны падарожны ліст [2, с. 95 і наступныя]. Але ў апошнім лісце да Гаштольда герцаг рэзка мяняе тон і просіць паўплываць на Скарыну, каб той вярнуў яму вывезеных падданых [2, с. 102]. Яўген Неміроўскі мяркуе, што гэтымі двума асобамі былі вывезены Альбрэхтам з Кракава юдэі лекар Майсей і яго брат Аляксандр, які займаўся друкарскай справаю. У 1530-х гг. браты зноў аб'явіліся ў Кракаве [34, с. 206].

Як вынікае з аналізу карэспандэнцыі герцага Альбрэхта, апрача Гаштольда ён меў сувязі з асобамі, якія пэўным чынам прычыніліся да лёсу першадрукара: віленскім біскупам Янам, у якога ён служыў сакратаром і які быў стрыечным братам герцага, слуцкім князем Георгіем, які фундаваў касцёл у Весічах, дзе сведкаю быў Скарына [35, 12 oct., 22 nov.], іншымі дастойнікамі ВКЛ і Польшчы. З перапіскі, якую актыўна вёў Альбрэхт з каралеўскім канцлерам Крыштафам Шыдлавецкім, мы даведваемся пра прынесеную з Англіі ў Прусію «потную гарачку», якая за кароткі час забрала тут каля 30 тысяч жыццяў. У верасні 1529 г. захварэў сам герцаг, а таксама яго цяжарная жонка Даратэя, дачка дацкага караля. Толькі ў канцы кастрычніка абаім удалося справіцца з хваробаю [32, p. 417–426, 441–444]. Мабыць, у першую чаргу, для дапамогі ў час пошасці і быў запрошаны ў прускі Каралявец-Кёнігзберг Францыск Скарына. Здарылася гэта, магчыма, пасля звальнення з пасады асабістага герцагскага лекара Вільдэ, які, на думку Альбрэхта, не ўбярог яго і жонку ад хваробы і якому ён шукаў замену [34, с. 200]. У лісце Крыштафа Шыдлавецкага да Альбрэхта ад 7 студзеня 1530 г. змешчана цікавае паведамленне: «За кніжку, напісаную найдасведчанейшым лекарам найяснейшай Вашай міласці, дзякую ласкава і ўдзячны: гэтыя супрацьхваробныя сродкі маю ўжываць не толькі таму, што хачу знішчыць гэты найатрутнейшы вірус, але таксама дзеля таго, што іх прыслаў мне мой пан і брат, які з Божай дапамогаю пазбавіўся ад такой вялікай небяспекі» [36, nr. 171]. Ці не была гэта кніжка (збор рэцэптаў?), напісаная тым доктарам медыцыны, пра якога Альбрэхт пазней пісаў да Гаштольда ў лісце ад 25 кастрычніка 1529 г.: «Не так даўно прыбыў пад нашу ўладу выдатны і шматвопытны муж Францыск Скарына з Полацка, доктар прыгожых мастацтваў і медыцыны, даравіты выкладчык, падданы Вашай высокай міласці і грамадзянін найслаўнейшага горада Вільні. Звярнуўшы ўвагу як на яго сапраўды дзівосны талент, так і найвышэйшае майстэрства, якое ён дэманструе са здзіўляючым бляскам і вопытнасцю, якую набыў, відаць, не інакш як толькі праз сваю шматгадовую працу і падарожжы дзеля пазнання мноства ведаў, мы міласціва прыпісалі яго да ліку і кола нашых падданых і верных мужоў і паставілі яго ў рад тых, да каго прыхільна ставімся» [2, с. 95–96]. Якраз у канцы кастрычніка 1529 г., калі герцаг Альбрэхт і яго жонка ачунялі ад хваробы, скончыўся познанскі працэс пра падзел маёмасці Івана Скарыны, і Францыск мог апынуцца ў Караляўцы неўзабаве пасля звальнення Вільдэ і прадэманстраваць сваё лекарскае мастацтва пры двары Альбрэхта. Пакінуць Прусію Скарыну хутчэй за ўсё змусілі справы ў Вільні, дзе 2 сакавіка 1530 г. здарыўся вялікі пажар, які знішчыў дзве траціны горада. Магла пацярпець і маёмасць першадрукара, вялі яго на радзіму таксама і апасенні за жыццё родных, жонкі і дзяцей [2, с. 95–96].

Праз два гады ў 1532 г. у Познані першадрукар патрапіў у судовы працэс, распачаты варшаўскімі юдэямі супраць яго за даўгі памерлага брата Івана, быў нават кінуты ў вязніцу і прасядзеў у ёй каля чатырох месяцаў. Юдэі прадставілі яго каралю як распарадчыка спадчынаю нябожчыка. Толькі ўмяшанне ў справу іванавага сына, пляменніка Францыска Скарыны, Рамана, прывяло да вырашэння справы на карысць першадрукара і вынясенне выраку супраць пазоўнікаў [2, с. 125 і наступныя]. Апошні дакумент, датычны гэтай справы, – ахоўны ліст, выдадзены каралём Польшчы і вялікім князем ВКЛ Жыгімонтам I Францыску Скарыне, які датуецца 25 лістапада 1532 г. Пасля гэтага мы зноў губляем яго з поля зроку аж да мая 1535 г. Вельмі верагодна, што адразу пасля познанскага працэсу ён перабраўся ў Чэхію. З ім, відаць, прыбыла туды і яго сям'я.

З 22 мая 1535 г. да 21 ліпеня 1539 г. у перапісцы наконт каралеўскага сада ў Празе паміж каралём Фердынандам I і пражскай каморай згадваецца садоўнік Францыск [2, с. 163 і наступныя]. Мяркуючы з пазнейшага, выдадзенага каралём Сымону Русу, сыну памерлага, прывілея ад 1552 г. на адшуканне і валоданне маёмасцю яго бацькі, гэтым садоўнікам быў, як піша кароль, «доктар Францішак Рус Скарына з Полацка, нябожчык, які быў нашым садоўнікам і чужынцам у гэтым каралеўстве Чэшскім, — сышоў на вечны спакой і пакінуў пасля сябе сына Сімяона Руса і пэўную маёмасць, паперы, даўгі і іншае, яму належнае» [2, с. 185]. З гэтага

ліста мы таксама даведваемся імя аднаго з сыноў Скарыны. Другі сын згадваецца ў паведамленні чэшскага аўтара XVI ст. Вацлава Гаека з Лібачан пра пажар у Празе, дзе ў 1541 г. у доме Яна з Пухава загінуў «чаляднік Францішак, які быў сынам доктара Руса» [37]. Ян з Пухава, адміністратар Пражскай дыяцэзіі, руплівы абаронца каталіцкай веры ў Чэхіі, быў адным з самых вядомых і ўплывовых людзей XVI ст. у краіне, з якім, без усялякага сумнення, павінен быў быць добра знаёмы Францыск Скарына і якому ён аддаў на «дзядзькаванне» свайго сына [38, с. 65–73].

Пра другога сына вядома з Рожмбэрскай хронікі Вацлава Бржэзана – аўтара канца XVI – пачатку XVII ст. Пад 1577 г. ён паведамляе: «22 мая ксёндз Іржык Чэтл, архіпрэзбітэр Бехінскага краю і крумлаўскі пробашч, скончыў жыццё ў Крумлаве. Ён карыстаўся паслугамі доктара, нейкага паляка Сімяона па прозвішчы Рус з Полацка. Той пробашч пахаваны 24 мая» [2, с. 187]. Пазнейшае паведамленне гісторыка Францішка Тэплага апавядае пра дзейнасць Сімяона (Шымона Роўсака) у Індржыхавым Градцы ў якасці садоўніка мясцовага пана Ёахіма з Градца. Сімяон, які спаборнічаў у гэтай справе з іншым садоўнікам, перахрышчаным юдэем Якубам, у 1584 г. быў адпраўлены на лячэнне: «...стары садоўнік Рус з Полацка Шымон Роўсак, якога з-за ягонай нядужасці паслаў ягамосць пан у 1584 г. лячыцца ў Добрай Водзе ля Капліцы, даўшы яму 1 капу і 30 грошаў» [2, с. 189].

Нядаўна намі разам з дактарантам Карлавага ўніверсітэта ў Празе Паўлам Котавым быў зроблены запыт у абласны архіў г. Тржэбаня. У выніку пошукаў, праведзеных чэшскімі архівістамі доктарам Ладэнай Плусаровай і магістрам Ганай Жэлэзнай, былі выяўлены два арыгінальныя дакументы з 1584 г., датычныя адпраўкі на лячэнне Сімяона Руса. Адзін з гэтых дакументаў змяшчае ўласнаручны подпіс Сімяона. Улічваючы тое, што ўзгаданыя архівы ад самага свайго заснавання не зазналі страт, можна спадзявацца на новыя знаходкі дакументаў, асвятляючых не толькі біяграфію сына першадрукара, але і яго славутага бацькі Францыска Скарыны. Патрабуюць таксама новых грунтоўных даследаванняў і архівасховішчы тых гарадоў, з якімі звязаны лёс першадрукара і яго сыноў: Кракава, Прагі, Падуі, Познані, Капенгагена, Гданьска, Рыма і Ватыкана, Вільні, Рыгі, Масквы. Навуковыя здабыткі і знаходкі апошніх гадоў даюць надзею на выяўленне новых звестак з біяграфіі нашага земляка, доктара вольных навук і медыцыны, першадрукара і заснавальніка каралеўскага сада ў Празе, сакратара і прыбліжанага высокапастаўленых еўрапейскіх дзеячаў, дыпламата Францыска Скарыны.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Шчакаціхін, М. Калі радзіўся Францішак Скарына / М. Шчакаціхін // Полымя. – 1925. – № 5.

2. Францыск Скарына: зб. дакументаў і матэрыялаў / уклад., прадм., камент., паказ. В. І. Дарашкевіча. – Мінск: Навука і тэхніка, 1988.

3. Vita clarissimi viri fratris Joannis de Capistrano, feliciter incipit, per fratrem Nicolaum de Fara, socium ejusdem // Acta Sanctorum. Octobris. T. X. Bruxellis, 1861. – P. 466.

4. Kantak, K. Bernardyni Polscy / K. Kantak. – T. 1. 1453–1572. – Lwów, 1933.

5. Fijałek, J. Początki cenzuryprewencyjnej w kościele rzymskokatolickim w Polsce / J. Fijałek //Studia staropolskie. Księga ku czci Aleksandra Brücknera. – Kraków, 1928.

6. Album studiosorum universitatis Cracoviensis. T. II. (Ab anno 1490 ad annum 1551) / Ed. curavit Adam Chmiel. – Cracoviae, 1892.

7. Statuta nec non liber promotorum philosophorum ordinis in universitate studiorum Jagellonicz ab anno 1402 ad annum 1849 / Ed. Iosephus Muczkowski. – Cracoviae, 1849.

8. Ghetti, M. C. Il soggiorno padovano di Francisk Skorina / M. C. Ghetti // Manoscritti, editoria e biblioteche all'età contemporanea. Studi offerti a Domenico Maffei per il suo ottantesimo compleanno / Cur. Mario Acheri, Caetano Colli. – Roma, 2006.

9. Галенчанка, Г. Францыск Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар / Г. Галенчанка. – Мінск, 1993.

10. Галенчанка, Г. Праблемныя дакументы Скарыніяны ў кантэксце рэальнай крытыкі / Г. Галенчанка // 480 год беларускага кнігадрукавання: матэрыялы Трэціх Скарынаўскіх чытанняў / гал. рэд. А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 1998. (Беларусіка=Albaruthenica; Кн. 9).

11. Брага, С. Геаграфічная лякалізацыя жыцьцяпісу доктара Скарыны / С. Брага. – Нью-Ёрк, 1965.

12. Shutava, V. Again about Skaryna in Padua: circumstances / V. Shutava // Belarusian review. – Vol. 27, No. 1.

13. Città del Vaticano. Archivio Segreto Vaticano. Fondo Borghese. Serie I. 889, 890; Città del Vaticano. Archivio dell'Ufficio delle Celebrazioni Liturgiche del Sommo Pontefice. Cerimonieri pontifici. 371, 376 A;Città del Vaticano. Biblioteca Apostolica Vaticana. Barb. lat. 2689, 2798;Città del Vaticano. Biblioteca Apostolica Vaticana. Chig. L. I. 19; Città del Vaticano,

Biblioteca Apostolica Vaticana, Urb. lat. 1016; Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, Vat. lat. 12268, 12269, 12305, 12412, 12414, 12415.

14. Biblioteca Casenatense in Roma. – Codex, 1594.

15. Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1360–1690 гг. / сост. Ю. Н. Щербачев. – М., 1893.

16. Regesta diplomatica historiae Danicae. Ser. II. T. 1. – Kjøbenhavn, 1886.

17. Fortegnelse over Danmarks breve fra middelalderen med udtog af de hidtil utrykte. 2. Række / Udg. ved William Christensen. 6. Bind (1505–1510).

18. Kong Hans's Brevbog // Aarsberetninger fra det kongelige geheimearchiv indeholdende bidrag til Dansk historie af utrykte kilder / Ungivne af C. F. Wegener. Bd. 4. – Kjøbenhavn, 1852–1855.

19. Bilag til kong Hans's Brevbog// Aarsberetninger fra det kongelige geheimearchiv indeholdende bidrag til Dansk historie af utrykte kilder / Ungivne af C. F. Wegener. Bd. 4. – Kjøbenhavn, 1852–1855.

20. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae in quo pacta, foedera, tractatus pacis... nunc primum ex archivis publicis eruta ac in lucem protracta exhibuntur. [Ed.] M. Dogiel. T. 1. – Vilnae, 1758.

21. Acta Tomiciana. – T. IV. – Cracoviae, 1855.

22. Regiae academiae Hafniensis infantia et pueritia ... ab Alberto Thura. Elensburgi et Altonaviae, 1734.

23. Epistolae Jacobi quarti, Jacobi quinti et Mariae, regum Scotorum... ab anno 1505 ad annum 1545. Vol. I. – Edinburgi, 1722.

24. Суворов, Н. С. Средневековые университеты / Н. С. Суворов; изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

25. Gairdner. Letters and papers illustrative to the reigns of Richard III. and Henry VII. – Vol. II.

26. Nya Källor till Finlads Medeltidsistoria… / Af Edward Grönblad. Förstasamlingen. – Köpenhamn, 1857.

27. Шутова, О. М. Вновь портрет Скорины, или о необходимости «читать» гравюры / О. М. Шутова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. – Вып. 10. – Мінск, 2015.

28. Цітоў, А. Шляхамі Францыска Скарыны / А. Цітоў. – Мінск, 2016.

29. Acta graduum academicorum ab anno 1501 ad annum 1525 / A cura di Elda Martellozzo Forin. – Padova, 1969.

30. Shutava, V. Again about Skaryna in Padua: Attendees / V. Shutava// Belarusiam Review. – Summer 2015. – Vol. 27, No. 2.

31. Берлін, GStAPK. XX. Ostpr. Fol. 42.

32. Берлін, GStAPK. XX. Ostpr. Fol. 48.

33. Берлін, GStAPK. XX. HBA. B 3. Kasten 437 (1525–1547).

34. Немировский, Е. По следам Франциска Скорины: документальная повесть / Е. Немировский. – Минск, 1990.

35. Берлін, GStAPK. XX. HBA. B 2. Kasten 357 (1533, nr. 323–366).

36. Берлін, GStAPK. XX. HBA. B 2. Kasten 360 (1536, nr. 460–509).

37. O nesstiastnee przihodie kteraž gse stala skrze ohen w Menssim Miestie Pražském. – Praha, 1541.

38. Лемешкин, И. В. Франциск Скорина и Прага 1541 г. / И. В. Лемешкин // Palaeoslavica. – 2016. – Vol. XXIV, No. 1.

References

1. Shchakatsikhin M., "When was Frantsisk Skorina born", *Polymia* [Flame], 1925, no. 5.

2. *Frantsysk Skaryna: zb. dakumentau i materyialau* [Frantsisk Skorina: Sat. documents and materials], Science and Technology, Minsk, BY, 1988.

3. "Vita clarissimi viri fratris Joannis de Capistrano, feliciter incipit, per fratrem Nicolaum de Fara, socium ejusdem", *Acta Sanctorum*, Octobris, T. X, Bruxellis, BE, 1861, p. 466.

4. Kantak K., *Bernardyni Polscy*, vol. 1. 1453–1572, Lwów, UA, 1933.

5. Fijałek J.,"Początki cenzury prewencywnej w kościele rzymsko – katolickiem w Polsce", *Studia staropolskie. Księga staropolskie*, Księga ku czci A.Brücknera, Kraków, PL, 1928, pp. 127–144.

6. Chmiel A. (ed.), *Album studiosorum universitatis Cracoviensis. T. II. (Ab anno 1490 ad annum 1551)*, Typis Univ. Jagellonicae, Cracoviae, PL, 1892.

7. MuczkowskiI., *Statuta nec non liber promotorum philosophorum ordinis in universitate studiorum Jagellonicz ab anno 1402 ad annum 1849*, Typis Univ., Cracoviae, PL, 1849.

8. Ghetti M. C.,"Il soggiorno padovano di Francisk Skorina", *Manoscritti, editoria e biblioteche all'età contemporanea. Studi offerti a Domenico Maffei per il suo ottantesimo compleanno*, in Acheri M., ColliC. (ed.), Roma, IT, 2006.

9. Galenchanka G. Ia., *Frantsysk Skaryna – belaruski i uskhodneslavianski pershadrukar* [Frantsisk Skorina – Belarusian and East Slavic first printer], Science and Technology, Minsk, BY, 1993.

10. Galenchanka G., "Problem Skoriniana documents in the context of real criticism", *480 god belaruskaga knigadrukavannia: materyialy Tretsikh Skarynauskikh chytanniau* [480 years of Belarusian book printing: Materials of the third reading Skorinovskie], in Mal'dzis A. (ed.), Belarusian science, Minsk, BY, 1998, (Belarusika = Albarutenika. Kn. 9), pp. 9–20.

11. Braga S., *Geagrafichnaia liakalizatsyia zhyts'tsiapisu doktara Skaryny* [Geographic localization of the live of Doctor Skorina], New York, US, 1965.

12. Shutava V., "Again about Skaryna in Padua: circumstances, Part 2", Belarusian Review, Spring, 2015, vol. 27, no. 1, pp. 23–28.

13. Città del Vaticano. Archivio Segreto Vaticano. Fondo Borghese. Serie I. 889, 890; Città del Vaticano. Archivio dell'Ufficio delle Celebrazioni Liturgiche del Sommo Pontefice. Cerimonieri pontifici. 371, 376 A; Città del Vaticano. Biblioteca Apostolica Vaticana. Barb. lat. 2689, 2798; Città del Vaticano. Biblioteca Apostolica Vaticana. Chig. L. I.19; Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, Urb. lat. 1016; Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, Vat. lat. 12268, 12269, 12305, 12412, 12414, 12415.

14. Biblioteca Casenatense in Roma, Codex, 1594.

15. Shcherbachev Iu.N., Datskii arkhiv". *Materialy po istorii drevnei Rossii, khraniashchiesia v" Kopengagen. 1326–1690 gg.* [The Danish archive. Materials on the history of ancient Russia, stored in Copenhagen. 1326–1690], University printing house, Moscow, RU, 1893.

16. Regesta diplomatica historiae Danicae, Ser. II,vol. 1, Kjøbenhavn, DK, 1886.

17. Erslev K. S. A., Christensen W., Hude A. S., *Repertorium diplomaticum Regni danici mediaevalis: Fortegnelse over Danmarks breve fra middelalderen, med udtog af de hidtil utrykte*, vol. 4, I kommission hos G. E. C. Gad, Denmark, 1894.

18. *Aarsberetninger fra det Kongelige geheimearchiv – indeholdende bidrag til Dansk historie af utrykte kilder*, Bind 2, I commission hos C. A. Reitzel, Rigsarkivet, Denmark, 1860.

19. *Aarsberetninger fra det Kongelige Geheimearchiv indeholdende Bidrag til Dansk historie af utrykte kilder*, Bind 4, I commission hos C. A. Reitzel, Rigsarkivet, Denmark, 1866.

20. Dogiel M. (ed.), *Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lituaniae in quo pacta, foedera, tractatus pacis, mutuae amicitiae, subsidiorum, induciarum, commerciorum... nunc primum ex archivis publicis eruta ac in lucem protracta exhibentur*, Typ. Collegii C. C. R. R. Scholarum piarum, Vilnae, RU, vol. 1, 1758.

21. *Acta Tomiciana*, vol. IV, Cracoviae, PL, 1855.

22. Thura A., "Lauridsen Regiae", *Academiae Hafniensis infantia et pueritia sub tenebris pontificiis breviter delineate*, Korte fratres, Flensburgi, DE, MDCCXXXIV (1734), pp. 25–30.

23. Epistolæ Jacobi Quarti, Jacobi Quinti, et Mariæ, regum Scotorum eorumque; tutorum et regni gubernatorum; ad imperatores, reges, pontifices, principes, civitates, et alios, ab anno 1505, ad annum 1545, Ruddiman, Thomas (ed.), James McEuan, George Stewart et John Paton, Edinburgh, GB, 1724.

24. Suvorov N. S., *Srednevekovye universitety* [Medieval Universities], 2nd ed., Book house "LIBROKOM", Moscow, RU, 2012.

25. Gairdner J. (ed.), *Letters and papers illustrative to the reigns of Richard III. and Henry VII*, Longman, Roberts, and Green, London, GB, 1863, vol. II.

26. Grönblad E. (ed.),*Nya källor till Finlands medeltidshistoria*, I. 1335–1524, Denmark, 1857.

27. Shutova O. M., "Again a portrait of Skaryna, or the need to "read" engravings", *Krynitsaznaўstva i spetsyial'nyia gistarychnyia dystsypliny* [A source study and special historical disciplines], vol. 10, pp. 58–80.

28. Tsitoў A. K., *Shliakhami Frantsyska Skaryny* [Ways Frantsiska Skoriny], Public education, Minsk, 2016.

29. Elda Martellozzo Forin (ed.), *Acta Graduum Academicorum ab anno 1501 – ad annum 1525*, Antentore, Padova, IT, 1969.

30. Shutava V., "Again about Skaryna in Padua: Attendees", Belarusian Review, Summer 2015, vol. 27, no. 2,pp. 21–28.

31. Berlin, GStAPK, XX, Ostpr. Fol. 42.

32. Berlin, GStAPK, XX, Ostpr. Fol. 48.

33. Berlin, GStAPK, XX, HBA, B 3. Kasten 437 (1525–1547).

34. Nemirovskii E., *Po sledam Frantsiska Skoriny: dokumental'naia povest'* [In the footsteps of Francis Skaryna: a documentary story], Belarus, Minsk, BY, 1990.

35. Berlin, GStAPK, XX, HBA, B 2. Kasten 357 (1533, nr. 323–366).

36. Berlin, GStAPK, XX, HBA, B 2. Kasten 360 (1536, nr. 460–509).

37. Hajek z Libocan V., *O nesstiastnee przihodie kteraž gse stala skrze ohen w Menssim Miestie Pražském*, Praha, CZ, 1541.

38. Lemeshkin I. V., "Francis Skaryna and Prague in 1541", *Palaeoslavica*, 2016, vol. XXIV, no. 1, pp. 52–78.

Информация об авторе

Жлутка *Александр Анатольевич* – канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник. ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alesius@tut.by.

Information about the author

Zhlutka *Aleksandr Anatolyevich*, Ph. D. (Philol.), Senior Scientific Researcher, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: alesius@tut.by.

Для цитирования

Жлутка, А. А. Невядомыя старонкі біяграфіі Францыска Скарыны / А. А. Жлутка // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 40–50.

For citation

Zhlutka, A. A. Unknown Pages of Francisk Skorina's Biography / A. A. Zhlutka // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 40–50.

ISSN 1024-5928 (print)
УДК [070(Наша Ніва+929(092)+94(4745+476)]“1906/1915”

Паступіў у рэдакцыю 28.03.2017
Received 28.03.2017

А. У. Унучак

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

ЯНКА КУПАЛА І ЯКУБ КОЛАС У «НАШАЙ НІВЕ»

Рассматриваются идейные основы творчества Я. Купалы и Я. Коласа в начале XX века и влияние на них газеты «Наша Нива». Автор пришел к выводу, что главным мотивом творчества обоих литераторов в этот период был показ важности борьбы за свое государство. Высказывается гипотеза, что творческий псевдоним «Янка Купала», который взял себе поэт Иван Луцевич, происходит от имени библейского пророка Иоанна Крестителя, поскольку слово «Креститель» на церковнославянский язык переводится именно как «Купала». Одновременно в Библии Иоанн Креститель видит свою миссию в том, чтобы подготовить свой народ к приходу Мессии Иисуса Христа. В этом смысле творчество Янки Купалы было направлено именно на то, чтобы белорусы как народ поверили в свою уникальную миссию и были готовы к созданию собственного государства. Также рассматривается поэма Якуба Коласа «Новая земля» в которой автор показывает земельную проблему в Беларуси конца XIX – начала XXв. в контексте российско-польской борьбы, предметом которой были белорусские земли.

Ключевые слова: Янка Купала, Якуб Колас, «Наша Нива», белорусское национальное движение, борьба за национальную государственность.

A. U. Unuchak

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

YANKA KUPALA AND YAKUB KOLAS IN NASHA NIVA

The article explores ideological foundations of Yanka Kupala’s and Yakub Kolas’s literary work in the early 20th century and how they were influenced by Nasha Niva, a newspaper. The author comes to the conclusion that the main motive of the both writers’ literary work in that period was to show the importance of struggling for Belarusian statehood. Also, the author proposes a hypothesis to explain that the pseudonym of Yanka Kupala used by the poet Ivan Lutsevich derives from the name of the Biblical prophet, John the Baptist: the word “Baptist” is translated into Church Slavonic exactly as “Kupala”. Moreover, according to the Bible, John the Baptist sees his mission in preparing his people for the coming of the Messiah, Jesus Christ. Similarly, what Yanka Kupala’s literary work sought was exactly for the Belarusians to believe in their unique mission and be prepared to establish their own independent state. The article also explored Yakub Kolas’s poem, The New Land, that points out the problem of land in Belarus in the late 19th and early 20th centuries in the context of the struggle for the Belarusian lands between Poland and Russia.

Keywords: Yanka Kupala, Yakub Kolas, Nasha Niva, Belarusian national movement, struggle for national statehood.

Імёны Янкі Купалы і Якуба Коласа цесна звязаны з газетай «Наша Ніва», якая выходзіла ў Вільні ў 1906–1915 гг. Менавіта на палосах «Нашай Нівы» друкаваліся раннія творы абодвух беларускіх песняроў. З рэдакцыяй «першай беларускай газеты з рысункамі» звязана таксама публікацыя першых зборнікаў Янкі Купалы і Якуба Коласа. Абодва яны працавалі ў рэдакцыі «Нашай Нівы», а Янка Купала ў 1914–1915 гг. быў рэдактарам-выдаўцом газеты.

Мэта артыкула – характарыстыка грамадска-палітычных поглядаў Янкі Купалы і Якуба Коласа ў «нашаніўскі» перыяд іх творчасці.

Варта адзначыць, што Я. Купала і Я. Колас пачалі сваю літаратурную творчасць адпаведна на польскай і рускай мовах. У сваёй аўтабіяграфіі, напісанай па просьбе акадэміка Я. Карскага, Я. Колас пісаў: «Пачаў пісаць я па-расейску. Помню хлопцам 14 ці 13 гадоў напісаў я верш па-расейску “Весна” і прачытаў яго свайму бацьку. Бацька праслухаў уніклівa і сказаў: “Добра”. А калі я зьвярнуў яго увагу на тое, што гэты вершык напісан мною, то ён пацалаваў мяне і даў мне срэбраны рубель» [1, арк. 1адв.].

Зварот да беларускай мовы ў Я. Коласа адбыўся ў час вучобы ў Нясвіжскай настаўніцкай семінарыі. Пра гэты час ён сам пісаў наступнае: «У 1898 гаду я вытрымаў экзамін ў Нясьвіжскую настаўніцкую сэмінарыю. У сэмінарыі на мяне меў вялікі ўплыў <…> настаўнік Кудрынскі,

© Унучак А. У., 2017

чалавек жывы, сам літэратар, ён катурхаў нашы думкі, кіраваў імі, закідаў зерне любосьці да прыгожаго пісьменства <…>. Яшчэ да паступленьня ў сэмінарыю пазнаёміўся я з беларускімі творамі Янкі Лучыны, якія пападаліся мне ў рукапісах. Я сам стаў прабаваць пісаць па-беларуску. Адзін вершык выпадкова папаў у рукі Кудрынскаго. Прачытаўшы яго, ён сказаў мне: “Вот ваша настоящая дорога”. З таго часу я пачаў часьцей зварачацца да пісаньня па-беларуску. Многа маіх вершаў, чытаных паміж таварышаў, пагубілася» [1, арк. 2].

Падобным чынам адбылося і ў Я. Купалы, які пісаў пра сваю навуку акадэміку Я. Карскаму наступныя словы: «Дзіцячыя гады я правёў крыху панічыкам, як аканомскі сын. Вучылі мяне спачатку па-польску пры помачы вандроўных вучыцеляў. Па-расейску наўчыўся я ад сваей нянькі. Быў у бацькі календар, у каторым маю ўвагу звярнулі асабліва словы: “Дозволено Цензурою”, гэта мусіць дзеля таго, што першые літэры гэтых слоў не падобны да польскіх. Вучыўся я наагул добра. Палавіну аднэй зімы вучыўся у народн. вучылішчы у Сенніцы не далёка ад Менска. Пасьля крыху у Менску у нейкай прыватнай прыгатоўчай школе. С часам бацька хацеў мяне прыгатаваць у рэальную школу. Прыгатаўляў сын дырэктара Менскай рэальн. школы Вл. Ів. Самойло. Але нічога ня вышла. Паміма таго, што дырэктар мяне прыймаў без экзамену, бацька пастанавіў не аддаваць у школу, а ісьці гаспадарыць» [2, арк. 4].

Па-беларуску Я. Купала пачаў пісаць пасля знаёмства з галоўнымі лідарамі беларускага нацыянальнага руху пачатку XX ст. братамі І. і А. Луцкевічамі, якое адбылося ўлетку 1904 г. [3, с. 8–9]. У «Нашай Ніве» ён дэбютаваў 11(24) мая 1907 г. вершам «Касцу», дзе дарэчы ўзгадаў паўстанцкія часы, касінераў. Тут дарэчы нагадаць, што Я. Купала не выпадкова звяртаўся да тэмы паўстання 1863–1864 гг. Як пісаў у свой час даследчык Г. Кісялёў, у юнацкія гады Я. Купала даволі блізка сышоўся з паплечнікам К. Каліноўскага З. Чаховічам [4]. У бібліятэцы З. Чаховіча ў Бесядах Вілейскага павета Віленскай губерні Я. Купала пазнаёміўся з «нелегальнай літаратурай», якая датычылася тэмы паўстання 1863–1864 гг. На аснове вывучэння біяграфій Я. Купалы і З. Чаховіча даследчык выказаў меркаванне, што «з кніг пра паўстанне 1863 года, з расказаў Чаховіча Купала павінны быў даведацца пра жыццёвы подзвіг Каліноўскага, запомніць ягонае імя, а магчыма, і пазнаёміцца з яго творамі (“Лісты з-пад шыбеніцы”, “Мужыцкая праўда”). Фігуральна кажучы, падчас сустрэч і размоў Чаховіча і Купалы па-над імі лунаў цень вялікага Кастуся … публіцыстыка і паэзія Каліноўскага былі надзвычайна блізкія Купалу, які разам са сваімі паплечнікамі па сутнасці працягваў справу Каліноўскага» [4, с. 148].

Адным з сяброў Я. Купалы, якія спрыялі раскрыццю яго літаратурнага таленту, быў У. Самойла – сын дырэктара Мінскага рэальнага вучылішча. 15(28) жніўня 1908 г. ён надрукаваў у «Нашай Ніве» рэцэнзію на першы зборнік вершаў паэта «Жалейка». Маладога Купалу прыкмецілі ў рэдакцыі і ў верасні 1908 г. запрасілі на працу [3, с. 13]. У свой першы перыяд Купала працаваў у «Нашай Ніве» да кастрычніка 1909 г., а ў снежні гэтага года ён паехаў у Пецярбург, дзе, знаходзячыся пад апекай спачатку В. Іваноўскага, а затым прафесара Пецярбургскай духоўнай акадэміі Б. Эпімах-Шыпілы, паступае на агульнаадукацыйныя курсы Чарняева, якія скончыў у 1913 г., не пакідаючы пры гэтым сувязяў з рэдакцыяй, складаючы і прысылаючы ў Вільню свае творы. Там жа, у Пецярбургу, Купала становіцца блізкім супрацоўнікам В. Іваноўскага ў выдавецкім таварыстве «Загляне сонца і ў наша ваконца» [3, с. 200]. У чэрвені 1913 г. ён разам з В. Іваноўскім вярнуўся ў Беларусь і лета разам з вераснем 1913 г. правёў у маёнтку Акопы, а ў кастрычніку стаў сакратаром Беларускага Выдавецкага Таварыства, старшынёй якога быў В. Іваноўскі. Пры гэтым Я. Купала практычна ніколі не пакідаў сувязі з «Нашай Нівай».

Калі адзначыць галоўны матыў грамадска-палітычнай думкі ў літаратурных творах Я. Купалы, то, безумоўна, варта звярнуцца да паняцця «забраны край». Гэтае паняцце сімвалічнае, Я. Купала выкарыстоўваў яго для характарыстыкі становішча Беларусі ў складзе Расійскай імперыі.

У зборніку «Шляхам жыцьця», які пабачыў свет у 1913 г., быў апублікаваны верш Я. Купалы з аднайменнай назвай «Забраны край», які меў падзагаловак «Балканскім славянам». Верш быў напісаны ў 1912 г., і з цэнзурных меркаванняў Я. Купала вымушаны быў «прысвяціць» яго «балканскім славянам», хаця ў творы змяшчаецца шэраг момантаў, якія сведчаць пра тое, што ў першую чаргу верш прысвечаны Беларусі: «*Людзей запытаеш, – адкажуць спакойна: /* “*Забраны край*” *гэты калісь*» [5, с. 208].

Вядома, публікацыя такога верша не магла застацца без увагі расійскай урадавай прэсы. У 1914 г. афіцыйнае выданне «Виленский Вестник» звярнула ўвагу ўрадавых органаў на тое, што рэдактар-выдавец «Нашай Нівы» І. Луцэвіч гаворыць пра беларускія землі як пра «забраны край», што, на думку «Виленского Вестника», несла ў сабе выразны антыўрадавы пасыл. Больш за тое, афіцыйнае расійскае выданне сцвярджала, што нібыта паняцце «забраны край» і сама «Наша Ніва» да Я. Купалы не выкарыстоўвала. Я. Купала вымушаны быў тлумачаць сваю пазіцыю, фактычна апраўдвацца, казаць, што тэрмін «забраны край» ён запазычыў з «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» П. Шэйна, які, праводзячы адпаведнае апытанне сялян Гродзенскай губерні, запісаў іх самавызначэнне: «наша старана ні руска ні польска, але забраны край!» [6, с. 1]. Адсюль можна патлумачыць, што выраз у вышэйзгаданым вершы: «*Людзей запытаеш, – адкажуць спакойна: /* “*Забраны край*” *гэты калісь*» з’яўляецца нічым іншым, як толькі паэтычным пераказам таго, што ўдалося даведацца ў канцы XIX ст. этнографу П. Шэйну пра самасвядомасць беларусаў. Такім чынам, Я. Купала даводзіў, што гэты тэрмін не яго прыдумка, не рэдакцыйная фраза, а што менавіта так ацэньваюць сваё становішча беларусы ў складзе Расійскай імперыі.

Цікава, што нападкі расійскай афіцыёзнай і заходнярускай прэсы на «Нашу Ніву» былі звязаны не толькі са зместам купалаўскага артыкула «А ўсё ж такі мы жывём!...», але і з эпіграфам да яго «*Не пагаснуць зоркі ў небі, / Покі небо будзе, Не загіне край забраны, / Покі будуць людзі…*» [6, с. 1].

Артыкул Я. Купала напісаў пра тое, што «польскія і расейскія нацыяналісты» вялі бесперапыннае змаганне з беларускім рухам, імкнучыся даказаць самім сабе і іншым, што беларусаў як нацыі не існуе. Але гэта справа, паводле Я. Купалы, была марнай, бо сваёй мэты ні рускія, ні палякі дасягнуць ужо не здольныя. Беларускае адраджэнне паказала і даказала сваю жыццёвасць і паспяховасць: «У некалькі год мы зрабілі тое, што ў палякаў і расейцаў рабілася чуць ня цэлымі сталецьцямі» [6, с. 1].

Чаму ўзнік такі вялікі розгалас вакол тэрміна «забраны край»? У першую чаргу таму, што ён быў занадта сур’ёзным намёкам на ліквідацыю Вялікага Княства Літоўскага ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай канца XVIII ст. Калі беларусы негатыўна ацэньвалі тыя падзеі, значыць, павінны былі свой край «вяртаць» назад.

Такім чынам, Я. Купала выкарыстоўваў азначэнне «забраны край», каб паказаць сутнасць становішча беларускіх зямель у Расійскай імперыі. Купала пісаў у адным з ранніх вершаў у 1905 г.: «*Мяне ўзялі ў салдаты ў чужацкі палон*» [5, с. 31]. У вершы «Што ты спіш?» (1906) Купала ставіць праблему становішча «забранага краю» вельмі востра: «*А не грошы твае // Там у банку ляжаць? // Не за грошы ж твае // Цар ідзе ваяваць? / Не за грошы ж твае // Цэркаў гэта стаіць? // Не за грошы ж твае // Яна срэбрам блішчыць?*» [5, с. 36]. Тут паказваецца не толькі кепскае матэрыяльнае становішча краю, пра што пісаў яшчэ К. Каліноўскі ў «Мужыцкай праўдзе», але і даецца характарыстыка канфесійнай палітыкі Расійскай імперыі на беларускіх землях.

Вяртаючыся трохі назад, нельга не ўзгадаць верш «Прарок», апублікаваны ў апошнім нумары «Нашай Нівы» за 1912 г. Размова ішла пра прарока, які паўстаў з народа, каб заступіцца за яго перад моцнымі суседзямі, пад якімі выразна разумеліся Расія і Польшча: «*Аж так дасціг – аквечан хвалай / Зямлі забранай***,** *сумных хат / Дзе царства цемры панавала / Дзе сілу ўзяў над катам кат*» [7, с. 2]. У гэтым вершы, напісаным у Пецярбургу ў снежні 1912 г., алегарычна апісваецца гісторыя беларусаў, народа, які добраахвотна апусціўся да нацыянальнага рабства, забыў нават сваё імя. Таму місія прарока не проста клікаць-абуджаць нацыю, але і заступацца за яе перад Богам: «*За мной, за мной, забраны людзе! / Я добрай доляй послан к вам; / І знаю, што было, што будзе, / І вас у крыўду не аддам*» [7, с. 2].

На нашу думку, гэты верш і выраз «забраны край» здольны прыадкрыць сэнс псеўданіма Івана Луцэвіча. На пачатку 1907 г. у адказ на навагодняе віншаванне Я. Купалы У. Самойла прысвяціў апошняму цэлы верш на рускай мове, у якім ёсць такія радкі: «*Так было, будет в каждом веке: / Поэт хранит святую нить, / Чтоб всё, что Божье в человеке / В борьбе кровавой сохранить*» [8, с. 52].

У сярэдзіне 1920-х гг. у Мінску выйшаў з друку «Беларуска-расійскі слоўнік», складзены М. Байковым і С. Некрашэвічам. У гэтым слоўніку слова «Купала» перакладаецца на рускую мову, як «1) бог белорусской мифологии; 2) Иван Креститель» [9, с. 154]. Калі звярнуцца да этыма-

логіі слова «Купала», то можна заўважыць, што гэта літаральны пераклад слова «Хрысціцель» з грэчаскай мовы, якое азначае: «той, хто акунае ў ваду для ачышчэння» [9, с. 528]. У многіх славянскіх народаў імя Ян Хрысціцель перакладалася, як Іван Купала [9, с. 528]. Таму, на нашу думку, можна сцвярджаць, што псеўданім беларускага песняра звязаны менавіта з біблейным прарокам, а не з Купаллем, з хрысціянскімі, а не з язычніцкімі традыцыямі. Пра гэта сведчыць яго творчасць.

Звернем увагу на гістарычнага Яна Хрысціцеля. Біблія сведчыць, што на самым пачатку нашай эры ізраільскі народ знаходзіўся пад рымскай акупацыяй і прагнуў вызвалення. Рымская культура, мова, звычаі, рэлігія – усё было чужым і непрымальным для яўрэяў, якія марылі пра незалежнасць і сваю дзяржаву, сваё царства. Да гэтага дадаваліся месіянскія чаканні. Месія, па-грэчаску Хрыстос, павінен быў прыйсці і вызваліць Ізраіль. Менавіта ў гэты час на гістарычную арэну выходзіць Ян Хрысціцель, які аб'яўляецца на заходнім беразе ракі Іардан і прапаведуе хуткі прыход Месіі і ўсталяванне Царства Божага. Ірад Анціпа, тагачасны тэтрарх у Палесціне, быў надзвычай здзіўлены поспехамі маладога прапаведніка. Ён быў напалоханы той вялікай хваляй пакаянняў-хрышчэнняў, якія адбываліся на Іардане і загадаў зняволіць Яна Хрысціцеля ў крэпасці Махерон [10, с. 468]. І хоць Яна чакала пакутніцкая смерць, ён выканаў сваю місію – падрыхтаваў народ да прыходу Хрыста, Які і ўсталяваў Царства Божае. Ян Хрысціцель быў прарокам народным, ён прапаведаваў усяму народу, людзям усіх прафесій, саслоўяў і званняў. Ён не меў афіцыйнай пасады, але меў вялізны ўплыў на грамадства і пры гэтым адкрыта заяўляў, што ён не Месія [11]. Сам пра сябе Ян казаў, што ён «голас таго, хто кліча ў пустыні» [11].

Усе гэтыя характарыстыкі мы з поўным правам можам прымяніць і да Я. Купалы, да яго бачання сваёй ролі ў беларускім адраджэнні. Верш «Забраны край» проста грыміць голасам біблейнага прарока: «*Сляпы знемагацца бацька ў цямніцы; / На стражы пастаўлен сынок; / У поўных калісьці ад шчасця святліцах / Чужак зневажае дачок / Дзяцей сваіх маткі кідаюць у здзеку, / За "мамак" к наездзцам ідуць, / А тыя за іх малако, за апеку /"Забраны край" болей гнятуць*» [5, с. 208].

У 1910 г. у радках, прысвечаных рэдакцыі «Нашай Нівы», пясняр пісаў: «*Пад навалай крыўдаў, многіе сталецьця / Мы нясьлі пакорна лямку безпрасьвецьця. / Мы нясьлі - ўсё ныла, гінула памалу, / аж не нашай наша бацькаўшчына стала*» [12, с. 141].

Тэма «забранага краю» шчыльна звязана з нацыянальна-вызваленчымі паўстаннямі XIX ст. Я. Купала ў сваім першым вершы ў «Нашай Ніве» пад назвай «Касцу» пісаў якраз пра касінераў – «народную сілу» паўстання: «*Быў даўней народ хітрэй, // Не знаў стрэльбаў, дык аей! // Коскі шаблямі былі, // Ваяваць з імі ішлі*» [5, с. 60]. Цікавае таксама заканчэнне гэтага верша: «*Ці даждуся калі кос і песень касцоў / На другой, на вялікай касьбе?...*» [12, с. 121]. Тут Я. Купала задаваў сабе і свайму чытачу пытанне: ці будзе ўсеагульны ўздым на барацьбу са сваю дзяржаву, за сваю свабоду? Пастаноўка гэтага пытання была лагічнай, калі прыгадаць, што Луцэвічы – беларуская шляхта, што на Я. Купалу вялікі ўплыў зрабіў паўстанец 1863 г. З. Чаховіч.

Што тычыцца творчай спадчыны Я. Коласа, то ў пачатку свайго супрацоўніцтва з газетамі «Наша Доля» і «Наша Ніва» ён напісаў шэраг вершаў, прысвечаных рэвалюцыйным падзеям 1905–1907 гг. Пасыл гэтых вершаў у тым, што людзі самі адказныя за свой лёс. Як прыклад можна прывесці радкі з верша «Беларусам»: «*Ці ж мы, хлопцы, рук ня маем? // Ці ж нам сілы Бог ня даў? // Ці ж над родным нашым краем // Промень волі не блішчаў?*» [13, с.149].

Галоўным паняццем для разумення творчасці Я. Коласа з'яўляецца выраз «новая зямля». У сваёй аднайменнай паэме класік беларускай літаратуры ставіў пытанне пра тое, што найбольшай праблемай у жыцці краю быў недахоп зямлі ў тых, хто на ёй працаваў.

На першы погляд даволі дзіўна гучаць радкі Коласа пра плач аб зямлі, якую сяляне, асабліва ў Беларусі (улічваючы аграрную палітыку М. Мураўёва), усё ж могуць набываць. Але, калі ўлічыць кантэкст расійска-польскага культурнага змагання на беларусікх землях, якое надзвычай абвастрылася з моманту паўстання 1863–1864 гг., то «плач аб зямлі» становіцца больш зразумелым. Надзел зямлі можна набыць (тут яшчэ асобная гаворка пра каталікоў, якім па сутнасці было забаронена набываць зямлю), але краіна не была сваёй, парадкі ў краі не былі сваімі. Сам Я. Колас паходзіў з Мікалаеўшчыны, каталіцкага паселішча, якое ў 1866 г. гвалтоўна перавялі ў праваслаўе, яшчэ дзед Я. Коласа быў каталіком [14, с. 120]. Таму вокліч галоўнага героя паэмы «Новая зямля»

Міхала: *«Чаму й ня я між ягамосцяў»* можна разумець таксама і ў кантэксце арганічнай працы і расійска-польскага змагання. Уласнасць – гэта свая цывілізацыя. Гэта жыццёвая апора. Аднак уласнасць у краі мелі па сутнасці толькі рускія і палякі.

Згодна з ідэалогіяй арганічнай працы, якую распрацавала грамадства краю пасля паражэння паўстання 1863–1864 гг., купля і ўтрыманне зямлі былі патрыятычным абавязкам. І таму Міхал, з якім «сам князь Антоні (Радзівіл. – *А. У.*) не раз вёў размову», імкнуўся атрымаць асабістую свабоду, якую гарантуе ўласнасць. З гэтага пункта погляду, Міхалам кіруе не мужыцкі індывідуалізм, а патрыятычны персаналізм – «свая зямля – вось, што аснова», ці «хоць шляхціц цёмны, як саган, // затое сам ён сабе пан» [15, с. 124].

Гэта ж можна сказаць пра «дзядзьку ў Вільні», тут ёсць два матывы: першы – што селяніну чужы горад, як такі; а другі – што яму, як і Ф. Багушэвічу, варожы «забраны горад». Да таго ж, у канцы XIX ст., калі разгортваюцца падзеі «Новай зямлі», у Беларусі існуе сістэма «антыпольскага» заканадаўства і складанасць куплі зямлі праз банк мела таксама нацыянальнае вымярэнне.

Такім чынам, і Я. Купала, і Я. Колас у «нашаніўскі» перыяд сваёй творчасці распрацоўвалі тэму асэнсавання становішча Беларусі пад уладай Расійскай імперыі. Калі Я. Купала імкнуўся паказаць, што край «забраны» і за яго трэба змагацца, каб адрадзіць былую веліч і здабыць сваю дзяржаву, то Я. Колас паказваў моцнае імкненне беларусаў да «новай зямлі», па сутнасці да сваёй зямлі, сваёй дзяржавы. Вядома, што найбольшы ўплыў на станаўленне і Я. Купалы і Я. Коласа зрабілі члены рэдакцыі газеты «Наша Ніва», а таксама ўсё «нашаніўскае кола», як тады называлі прадстаўнікоў беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі. Тут варта назваць імёны братоў І. і А. Луцкевічаў, В. Іваноўскага, А. Уласава, Ядвігіна Ш., В. Ластоўскага і інш. На сённяшні момант ідэйная спадчына галоўных беларускіх літаратурных класікаў патрабуе новага пераасэнсавання і 135-гадовы юбілей з часу іх нараджэння, які адзначаецца ў гэтым годзе, з'яўляецца добрай для гэтага нагодай.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Санкт-Пецярбургскі філіял Архіва Расійскай акадэміі навук. – Ф. 292. Воп. 2. – Спр. 62.

2. Санкт-Пецярбургскі філіял Архіва Расійскай акадэміі навук. – Ф. 292. Воп. 2. – Спр. 700.

3. Сідарэвіч, А. Луцкевічы і Луцэвіч / А. Сідарэвіч. – Мінск: Грамадскае аб'яднаньне «Фонд імя братоў Луцкевічаў», 2003. – 14 с.

4. Киселев, Г. Бесядские пути-дороги / Г. Кіселев // Неман. – 1984. – № 3. – С. 142–148.

5. Купала, Я. Выбраныя творы / Я. Купала. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2002. – 604 с.

6. За "А ўсё-ж такі мы жывём" // Наша Ніва. – 1914. – 20 чэрвеня. Факсімільнае выданне. – Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2010.

7. Купала, Я. Прарок / Я. Купала // Наша Ніва. – 1912. – 21 снежня. Факсімільнае выданне. – Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2010.

8. Пуцявінамі Янкі Купалы: Дакументы і матэрыялы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 312 с.

9. Православная Энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Т. XXIV. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. – 751 с.

10. Мень, А. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни : в 7 т. – Т. 6 / А. Мень. – М.: СП «Слово», 1993. – 622 с.

11. Новы Запавет і Кніга Прыповесьцяў. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2016. – 511 с.

12. Купала, Я. Шляхам жыцьця / Я. Купала. – Пецярбург, 1913. – 264 с.

13. Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. / Я. Колас. – Т. 1: Вершы (1898–1910). – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 622 с. – С. 149.

14. З жыццяпісу Якуба Коласа: дакументы і матэрыялы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 383 с.

15. Колас, Я. Новая зямля: паэма / Я. Колас. – Мінск: БФК, 2002. – 904 с.

References

1. *Sankt-Petsiarburgski filiial Arkhiva Rasiiskai akademii navuk* [St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive], F. 292b Vop. 2, Spr. 62.

2. *Sankt-Petsiarburgski filiial Arkhiva Rasiiskai akademii navuk* [St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive], F. 292, Vop. 2, Spr. 700.

3. Sidarevich A., *Lutskevichy i Lutsevich* [Lutskevich and Lutsevich], Gramadskae ab'iadnan'ne «Fond imia bratoў Lutskevichaў», Minsk, BY, 2003.

4. Kiselev G., "Besyad Roads-roads", *Neman* [Neman], 1984, no. 3, pp. 142–148.

5. Kupala Ia., *Vybranyia tvory* [Selected works], Belaruski knigazbor, Minsk, BY, 2002.
6. “For "And yet we live in"”, *Nasha Niva*, 1914, June 20th, facsimile edition, vol. 5, Tekhnalogiia, Minsk, BY, 2010.
7. Kupala Ia., “Prophet”, Nasha Niva, 1912, December 21, facsimile edition, vol. 5, Tekhnalogiia, Minsk, BY, 2010.
8. *Putsiavinami Ianki Kupaly: Dakumenty i materyialy* [Yanka Kupala ways: Documents and Materials], Navuka i tekhnika, Minsk, BY, 1981.
9. Patriarkh Moskovskii i vseia Rusi Kirill (ed.), *Pravoslavnaia Entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia], vol. XXIV, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia», Moscow, RU, 2010.
10. Men' A., *Istoriia religii: V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni: v 7 t., T. 6* [History of religion: In search of the Way, Truth and Life: in 7 volumes, Volume 6], SP «Slovo», Moscow, RU, 1993.
11. *Novy Zapavet i Kniga Prypoves'tsiau* [The New Testament and the Book of Proverbs], Pazityu-tsentr, Minsk, BY, 2016.
12. Kupala Ia., *Shliakham zhyts'tsia* [Way of life], Petersburg, RU, 1913.
13. Kolas, Ia. *Zbor tvorau*: *u 20 t., T. 1: Vershy (1898–1910)* [Works in 20 t, Volume 1: Poems (1898–1910)], Belaruskaia navuka, Minsk, BY, 2007.
14. *Z zhytstsiapisu Iakuba Kolasa: dakumenty i materyialy* [From the biography of Yakub Kolas: documents and materials], Navuka i tekhnika, Minsk, BY, 1982.
15. Kolas Ja., *Novaja zjamlja: paema* [New Land: Poem], BFK, Minsk, BY, 2002.

Информация об авторе

Унучек *Андрей Владимирович* – канд. ист. наук, зав. отделом. ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: unuchak@gmail.com.

Information about the author

Unuchak *Andrei Uladzimiravich*, Ph. D. (Hist.), Head of Department, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: unuchak@gmail.com.

Для цитирования

Унучак, А. У. Янка Купала і Якуб Колас у «Нашай Ніве» / А. У. Унучак // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 51–56.

For citation

Unuchak, A. U. Yanka Kupala and Yakub Kolas in Nasha Niva / A. U. Unuchak // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 51–56.

ISSN 1024-5928 (print)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.161.3’373

Паступіў у рэдакцыю 28.02.2017
Received 28.02.2017

А. М. Булыка

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

РОЛЯ Ф. СКАРЫНЫ Ў РАЗВІЦЦІ СЛОЎНІКАВАГА СКЛАДУ СТАРАБЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНА-ПІСЬМОВАЙ МОВЫ

Статья посвящена определению роли Ф. Скорины в развитии словарного состава старобелорусского литературно-письменного языка. В ней исследуются наличные в пражских библейских изданиях белорусского первопечатника лексические средства праславянского, древнерусского, церковнославянского, западнославянского и западноевропейского происхождения с точки зрения их влияния на старобелорусский словарь. Наиболее подробно освящена собственно белорусская словообразовательная система. Основное внимание обращено на лексические единицы, которые можно считать продуктом словообразовательной деятельности белорусского первопечатника.

Ключевые слова: лексика, лексикон, словообразование, префиксация, суффиксация, заимствование, полонизм, чехизм.

A. N. Bulyko

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

FRANCISK SKORINA'S ROLE IN DEVELOPING THE VOCABULARY OF THE OLD BELARUSIAN LITERARY AND WRITTEN LANGUAGE

The article is devoted to determining Francisk Skaryna’s role in developing the vocabulary of the Old Belarusian literary and written language. It examines the Bible editions issued by the first Belarusian book printer in Prague for lexical units of the Proto-Slavic, Old Russian, Church Slavonic, West Slavic, and West European origin and determines their impact on the Old Belarusian lexicon. The proper Belarusian word-formation system receives the most detailed account. The main focus is made on the lexical units which can be considered a product of the first Belarusian printer’s word-formation activity.

Keywords: lexical units, lexicon, word formation, prefixation, suffixation, borrowing, Polonism, Czechism.

Перакладчыцкая дзейнасць беларускага асветніка і першадрукара Францыска Скарыны працякала ва ўмовах моцнага ўздзеяння з боку роднай, царкоўнаславянскай і чэшскай моўных стыхій. Таму натуральна, што слоўнікавы склад яго выданняў у многім вызначаецца арыгінальнасцю і непаўторнасцю на фоне старабеларускай і наогул усходнеславянскай пісьменнасці таго часу і што менавіта спрадвечна беларуская, царкоўнаславянская і заходнеславянская лексіка фарміруюць генетычную аснову скарынаўскага слоўніка.

Пры разглядзе спрадвечнай лексікі як адной з асноўных састаўных частак слоўніка Скарыны неабходна перш за ўсё адзначыць, што ў яе выкарыстанні беларускі першадрукар у большасці выпадкаў працягваў даўнія пісьмовыя традыцыі. Як і ў мове помнікаў старабеларускай пісьменнасці XIV – пачатку XVI ст., у яго лексіконе прысутнічаюць намінацыйныя сродкі, зберажоныя жывой народнай гаворкай ад дапісьмовай эпохі, лексічныя адзінкі, утвораныя ў перыяд функцыянавання старажытнарускай літаратурна-пісьмовай мовы, а таксама інавацыі ўласнабеларускага ўтварэння.

Сярод слоў праславянскага паходжання, якія асабліва шырока выкарыстаў беларускі першадрукар пры перакладзе міфаў аб стварэнні свету, шматлікіх бытавых і батальных сцэн з жыцця старажытных народаў, самы буйны і семантычна разнастайны разрад утвараюць назоўнікі. У пераважнай ступені яны звязаны тэматычна з характарыстыкай навакольнай рэчаіснасці, служачы для абазначэння рэалій зямной паверхні (*вода, гора, долина, лесъ, озеро, поле, река, ставъ, холмъ, яма*),

© Булыка А. М., 2017

раслін і пладоў (*бобъ, груша, дубъ, жито, ленъ, орехъ, слива, трава, чеснокъ, ягода*), прадстаўнікоў жывёльнага свету (*волкъ, дятелъ, жаба, конь, лось, медведь, овца, пчела, сова, ястребъ*), органаў і частак цела чалавека і жывёл (*бедро, горло, зубъ, колено, нога, око, палецъ, ребро, ухо, хвостъ*), атмасферных з'яў і працэсаў (*буря, ветръ, градъ, громъ, дождь, иней, ледъ, роса, снегъ, туча*), пор года, пэўных адрэзкаў часу (*весна, вечеръ, година, годъ, день, зима, лето, неделя, ночь, утро*), агульных паняццяў светабудовы, перспектывы і напрамкаў (*верхъ, глубина, долъ, западъ, зоря, небо, низъ, светъ, северъ, солнце*).

Параўнальна вялікая колькасць праславянскіх назоўнікаў, зафіксаваных у тэкстах скарынаўскіх выданняў, характарызуе розныя бакі чалавечай дзейнасці і сацыяльных узаемаадносін. Паводле тэматычнай арыентацыі яны размяркоўваюцца па некалькіх лексіка-семантычных групах. Кампактныя групоўкі ўтвараюць, у прыватнасці, словы, звязаныя з бытавой і гаспадарчай сферамі, выступаючы ў якасці назваў будынкаў рознага прызначэння і іх частак (*гумно, двери, домъ, клеть, лествица, окно, печь, стена, стреха, хлевъ*), прадметаў бытавога ўжытку (*ведро, коритo, котелъ, миса, ножъ, поясъ, решето, свеча, столъ, чаша*), прылад працы, транспартных сродкаў і збруі (*возъ, дуга, коса, пила, плугъ, секира, серпъ, соха, узда, шило*), прадуктаў харчавання (*вино, каша, квасъ, крупа, масло, медъ, мука, сыръ, хлебъ, юха*), карысных выкапняў (*глина, железо, медь, мелъ, олово, руда, свинецъ, соль, сребро, уголь*), іншых рэалій з галіны матэрыяльнай культуры і быту. Актыўная роля належыць словам, якія характарызуюць эканамічную і гандлёвую сферу (*вено, дань, даръ, долгъ, доходъ, застава, купля, лихва, торгъ, цена*), асвятляюць грамадскія адносіны (*война, дружба, жалоба, законъ, миръ, обычай, право, приязнь, сваръ, судъ*), знаёмяць з дыферэнцыяцыяй асоб у залежнасці ад полу і ўзросту, ступені сваяцтва (*братъ, внукъ, дедъ, жена, зять, мати, мужъ, отецъ, сестра, сынъ*).

Для асвятлення духоўнага жыцця Скарына прыцягваў многія праславянскія назоўнікі адцягненага значэння. Сярод іх на пярэдні план выступаюць у скарынаўскіх тэкстах лексічныя сродкі, якія даюць уяўленне аб эмацыянальным стане чалавека (*гневъ, жаль, любовь, обида, печаль, радость, страхъ, студъ, тоска, ужасъ*), выражаюць паняцці з галіны этыкі (*блудъ, зло, кривда, ласка, лесть, ложь, позоръ, правда, хула, честь*), сведчаць аб светапоглядзе людзей (*бесъ, богъ, вера, господь, грехъ, духъ, душа, пекло, постъ, рай*), з'яўляюцца назвамі іншых абстрактных паняццяў (*беда, блескъ, воля, диво, краса, напасть, покой, сила, сонъ, шумъ*).

Другі па колькасці значных адзінак разрад праславянскіх слоў складаюць у скарынаўскіх выданнях дзеясловы, шырокае выкарыстанне якіх дазволіла беларускаму першадрукару даць усебаковае апісанне разнастайных падзей, здарэнняў і працэсаў, звязаных з жыццём чалавека і прыродай. Найбольш істотная частка гэтых лексічных сродкаў уяўляе сабой абазначэнні фізічных дзеянняў: *бити, вязати, гасити, давити, жати, ковати, копати, ловити, молоти, молотити, орати, резати, сеяти, стлати, сыпати, тесати, топтати, черпати, чистити, тупати* і інш. Даволі развітыя лексіка-семантычныя групы ўтвараюць таксама дзеясловы, якія абазначаюць рух і перамяшчэнне ў прасторы (*бегати, возити, ездити, летати, носити, падати, плавати, скакати, ступати, ходити*), стан, дзеянне як працэс пераходу з аднаго стану ў другі (*болети, висети, гнити, горети, кипети, расти, светити, спати, тлети, худети),* адчуванні, эмацыянальныя праяўленні (*веселити, гневати, грозити, любити, пети, плакати, рыдати, тешити, тужити, хотети*), мысленне, маўленне (*беседовати, говорити, кликати, кричати, молвити, молчати, мыслити, помнити, пытати, шептати*), іншыя дзеянні і працэсы (*блудити, верити, воевати, держати, ести, звинети, играти, мочи, служити, чинити*) і г. д. У асноўным гэта невытворныя дзеясловы, не ўскладненыя словаўтваральнымі фармантамі, у чым і заключаецца іх адрозненне ад дзеяслоўных лексічных сродкаў, што ўзніклі пазней у асобных славянскіх мовах.

Не менш важную частку слоў праславянскага паходжання складаюць у скарынаўскіх выданнях прыметнікі, якія абазначаюць колеры, масці, адценні (*белый, гнедый, зеленый, пестрый, румяный, рыжий, светлый, синий, темный, черный*), фізічныя ўласцівасці і адчуванні людзей і жывёл (*босый, глухий, голодный, дужий, косматый, лысый, немый, слепый, хромый, худый*), уласцівасці рэчаў (*гладкий, горкий, густый, кривый, мокрый, мяккий, острый, сухий, твердый, теплый*). Параўнальна многа ў Скарыны праславянскіх прыметнікаў, якія характарызуюць памер, вагу, прасторавыя і часавыя прыметы (*быстрый, великий, высокий, глубокий, давный, легкий, тесный, тонкий, тяжкий, широкий*), якасці характару і разумовых здольнасцей (*веселый, гордый, добрый, злый,*

тора Г. Земпера, российских исследователей дизайна И. А. Чернийчук, М. Т. Майстровской; в изучении принципов организации музеев и структуры их коллекций; во введении в научный оборот новых документальных, историографических и изобразительных материалов по истории формирования музеев стран мира и предметному насыщению их коллекций. Наступает эра частных музеев и музеев могущественных транснациональных компаний, таких как «BMW» и «Mersedes-Bence». В изучении этих вопросов существует много проблем методологического плана: как готовить студентов; какой материал изучать по курсу «Архитектоника»; с какими архитектурными объектами знакомить; каким образом распределять учебный материал и на чем его показывать; как готовить материал пояснительной записки в дипломном проекте, если речь идет о музейной или выставочной экспозиции. Удачных проектов в международной практике не так много, по оценкам интернета, их не более *десяти.* Постараемся показать только несколько из них, чтобы прояснить некоторые эстетические, экономические предпосылки их проектирования. В Беларуси пока выпущена одна книга – справочное издание «Музеи Беларуси» [1]. Кроме того, свою лепту внесли белорусские исследователи В. П. Грицкевич и А. А. Гужаловский, а также российский исследователь теории и практики музейного дела Л. М. Шляхтина [2]. Статья может быть полезной и студентам исторического факультета, изучающим предмет «Основы музееведения».

Цель статьи – проанализировать исторические предпосылки реформирования художественно-промышленного образования и музейного дела в Беларуси в конце XX – первом десятилетии XXI в.; осветить вопросы проектирования средовых объектов в контексте изучения дисциплин теоретического цикла; показать, как изменилась общая тенденция изучения дисциплин теоретического цикла в Белорусской государственной академии искусств и в Витебском государственном университете им. П. М. Машерова.

Общее количество выпускников этих вузов составляет не более *пятидесяти человек на всю республику*. Число дизайнеров, работающих в сфере музейного оформления, очень незначительно. В основном привлекаются специалисты из России. *Мы теряем приоритет*. Раньше обходились своими силами и справлялись успешно. *Необходимо возрождать целую отрасль проектирования.* На некоторых примерах постараемся показать, что происходит процесс активизации усилий в области поиска новых пластических форм и технологий в дизайне. То, что было невозможно 20–30 лет назад, оценивается как новаторство и крупный шаг вперед в экспозиционном дизайне и градостроительной практике. Гипотетически часть студентов тем или иным образом будет задействована в практике музейного строительства.

Пластический облик музея резко изменился за последние 15 лет. Музей сегодня внешне похож на взлетающего аиста гигантских размеров (суперпроект). Появились современные технологии экспонирования и проектирования, создаются здания музеев как сложной машины с солярными установками и парусами для отвода солнечной энергии (Д. Либескинд). Это *первая тенденция*. Музей стал предметом вложения денег транснациональных компаний, как было отмечено выше. У нас такая практика наблюдается в росте вневедомственных промышленных музеев, которые находятся в каждом большом развитом областном и республиканском центре. Есть, например, Музей истории железнодорожного транспорта в Бресте – один из самых известных в республике. Это *вторая тенденция.* Музей сегодня – такое же вложение денег, как и банковское дело, что в свою очередь вызывает раздражение у некоторых радикально мыслящих молодых людей, которые не понимают, что музей формирует национальное самосознание и дух. Обратимся к анализу научных изданий последних лет.

Мнения российских ученых и экспертов в средствах массовой информации. Появление в России докторской диссертации и монографии И. А. Чернийчук «Тотальный дизайн. Исследование возникновения и развития», статей в периодике и кандидатских диссертаций по музейному делу дает повод говорить о новой ступени изучения вопроса о феномене современного музея. Исследование И. А. Чернийчук в 2010 г. – это попытка автора поставить все на свои места [3].

В ВГУ им. П. М. Машерова в 2011 г. были введены в научный оборот такие дисциплины, как «История дизайна», «Архитектоника», «Теория и методология дизайна» по системе moodle. Эта образовательная технология создает определенный перевес в методике по сравнению с нашими коллегами в Минске, где практически еще только готовятся перейти на эту систему. На наш взгляд, можно согласиться с мнением И. А. Чернийчук, которая, оценивая технологии в образовании, дает развернутую

картину в преобразовании таких дисциплин, как «Архитектоника» и «История дизайна». Мне как автору статьи пришлось заниматься формированием пакета образовательных программ по этим дисциплинам с 2006 г., т. е. с момента открытия отделения «Дизайн предметно-пространственной среды и дизайн интерьера» [4]. Процесс реорганизации проектирования идет очень быстро. За пару лет студент должен овладеть всеми навыками проектирования. Основа – это знание программ 3D MAX и BLANDER. Факультеты дизайна в Минске и Витебске перешли на эту методику почти полностью. В Институте современных знаний им. А. М. Широкова в Минске тотальное проектирование средовых объектов начинается с 3-го курса и, по утверждению заведующего кафедрой дизайна А. Е. Дягилева, вполне отвечает главной модели образования – привить навыки высокой графической культуры.

В своей диссертации И. А. Чернийчук, в частности, указывает, что «кроме традиционных видов индустриального и графического дизайна со временем дизайном стало называться даже то, *что традиционно считалось искусством или ремеслом»* [3]. Автор дает определение дизайна и отмечает, что он медленно и неуклонно как феномен культуры поглотил все другие формы искусства, превращая здание музея в удивительный архитектурный объект, наделенный новым содержанием в формотворчестве, что значительно отодвинуло наше представление о музее как о здании с колоннами и портиком. Его проектированием сегодня занимаются ведущие практики мирового дизайна, такие как сэр Норман Фостер, Фрэнк Гери, Д. Либескинд и ряд других ярких представителей постмодернизма. Внешне музей уже вообще не похож на классическое здание, и его видовая структура выходит за рамки нашего представления о его внешнем классическом виде (рис. 1): «По силе воздействия и охвата тотальное проектирование стремится встать в один ряд с возможностями Творца, предполагает поглотить архитектуру, скульптуру, живопись и графику, все визуальные виды искусства. Как тенденция развития тотальный дизайн занимает все больше места в жизни людей, превращая жизнь в зрелище, в спектакль, о чем предупреждал еще в 1967 г. французский писатель и философ Ги Дебор» [5]. Фактически вне зависимости от контекста дизайн является своеобразным явлением профессии нового свойства. Замечательный американский художник Энди Уорхолл своим творчеством наглядно доказал это в проекте «Фабрика». Он поставил искусство на поток, превратив его в массовое явление, а его мастерская превратилась в уникальный Музей поп-арта.

Развитие музейного экспозиционного дизайна в контексте реформирования национального художественно-промышленного образования. Развитие музейного экспозиционного дизайна как специфического явления выявляет новую сторону деятельности по трансформации предметно-пространственной среды. В западных странах в связи с развитием общего уровня образования в целом музей имеет широкое пропагандистское значение в обществе. В Англии и Германии широкое распространение получили ***музеи техники.*** Английское слово designer в США уже заменило все то, что раньше считалось сферой искусства. Появились профессии фотографа-дизайнера, мультимедиа-дизайнера, архитектора-дизайнера и многих других. На данную профессию прежде всего повлияли радикальные изменения в обществе, сознании людей, и само ремесло как вид деятельности стало символом этой уникальной синтетической профессии. В поисках непростого ответа на вопрос: «Что такое дизайн?» ко всему сказанному важно добавить следующее: английское слово «design» имеет еще одно значение. Это не только «замысел», но и «умысел», т. е. некая «интрига», что предполагает непрямые пути достижения цели и, значит, не обходится без определенной доли хитроумия» [3, с. 13]. Применительно к нашей теме это объясняет и поиски нового пластического языка. Проект музея компании «BMW» в Штутгарте немецкого архитектора и яркого представителя идей деконструктивизма В. Прикса привлекает наше внимание не новыми формами, а именно воздействием на эмоции зрителя сразу, как только он видит это здание, расположенное рядом с автобаном (рис. 2).

Рис. 1. Здание музея. Новая архитектоника эпохи постмодерна (Д. Либескинд)

Fig. 1. Building of a museum. New postmodern architectonics (D. Libeskind)

Рис. 2. Экспоцентр и Музей компании «BMW» в г. Мюнхене, Германия (В. Прикс)

Fig. 2. BMW Welt in Munich, Germany (W. Prix)

Фотография объекта была впервые напечатана в журнале «ID» в № 4 за 2008 год. Это «взвинченный» вихрь стальных конструкций, турбулентный поток, остановленный на долю секунды самим архитектором и, что очень важно, выполненный столь виртуозно строителями, что является неотъемлемой частью постиндустриального западного ландшафта. Кроме того, в интерьере помимо самих автомобилей расположен и детский музей. Статья о В. Приксе начинается с очень обстоятельного интервью одного из старейших наших историков дизайна В. Глазычева и рассказывает о том, что 30 лет назад В. Прикс в Германии ничем не выделялся, многие считали, что его проекты никогда не выйдут за пределы его архитектурной мастерской. Время доказало обратное. *Музеи техники – это поступь индустриального дизайна. Это основная тенденция развития дизайна во всем мире.* Мы вступаем в новую эру. Нас тоже настораживает эта тенденция. И то обстоятельство, что именно в Беларуси к 500-летию со дня рождения Франциска Скорины в 1990 г. в Полоцке был открыт «Музей белорусского книгопечатания», говорит о многом. *Это феномен нашей национальной культуры*. Мы приглашаем к диалогу крупнейшие музеи мира, о чем свидетельствует последняя выставка «Королевские сокровища. 1600–1800. Из фондов музея Виктории и Альберта», которая состоялась в экспозиции Национального художественного музея Республики Беларусь.

В ВГУ им. П. М. Машерова есть кафедра «Дизайн», где осуществляется подготовка дипломированных специалистов в области проектирования музеев. Эта традиция имеет свои истоки: «В основе системы организации европейского художественно-промышленного образования лежали принципы новой концепции обучения художественному ремеслу, впервые выдвинутые в 1850-х гг. в теоретических трудах Г. Земпера. Именно эти принципы постепенно оформились в стройную и четкую программу организации художественного образования на основе создания *учебно-музейного комплекса*, состоящего из двух компонентов: художественно-промышленного музея и школы для подготовки художников-прикладников по специально разработанной программе, которая основывается на изучении памятников материальной и художественной культуры, входящих в коллекцию музея» [7].

Музеи техники и дизайнерское образование в совокупности входят в сферу тотального проектирования, что является перманентным процессом, очень сложным по своей структуре. Его нельзя разорвать. Примером является *Музей истории Строгоновского высшего художественно-промышленного училища* в Москве. Там сосредоточены все дипломные проекты вуза. Музей огромен и служит базой для обучения будущих дизайнеров.

В ВГУ им. П. М. Машерова Музей декоративно-прикладного искусства ХГФ открыт в начале XXI в. В нем представлены лучшие образцы дизайна и ДПИ. Второй ступенью было открытие отделения «Дизайн интерьера и ППС» в 2006 г. Сегодня факультет располагает двумя залами с непрерывным процессом выставочной деятельности. Кроме того, студенты отделения «Дизайн» занимались реконструкцией Музея истории университета в 2009 г. под руководством заведующего кафедрой, кандидата педагогических наук, доцента В. В. Кулененка. Многих искусствоведов, видимо, заинтересует вопрос, почему в наше время все меньше открывается исторических и этнографических музеев. Ответ лежит в плоскости развития самого дизайна как тотального явления в сфере жизни и деятельности людей. Более подробно об этих процессах изложено в статье по проблематике музейного дела и тенденциях в создании музейно-выставочных экспозиций в Беларуси 2004–2010 гг. [8].

Сфера создания музеев намного отстает от современных веяний времени. В свое время на эти негативные процессы обратили внимание ведущие экспозиционеры и теоретики искусства Е. Розенблюм и Р. Кликса. Слабо освещают формирование новых экспозиций искусствоведы, их статьи носят циклический характер и не имеют нужной методологии исследования, страдают однобокостью, косностью и нежеланием объективно оценить реально сложившуюся ситуацию. В республике отсутствует научный институт по исследованию музейно-выставочного оформле-

ния, такой, как, например, в г. Санкт-Петербурге. Там имеется не только великолепная теоретическая база в лице крупнейших теоретиков искусства (О. Романов, Е. Кроллау, М. Пономарева, В.Мельников, В. Лукин и др.), но и около 30 лет работает на все регионы России Комбинат живописно-оформительского искусства (КЖОИ) [8, с. 92]. Отсюда и возникает основная проблема обучения дизайнеров – изучение великого наследия развития техники как составной и главной поступи индустриального дизайна. Что это за новый тип музеев? С чем связано его развитие? В разряд музеев техники сегодня входят и корабли в гаванях портов, парусные суда, музеи военной техники Второй мировой войны, музеи летательных аппаратов, как, например, знаменитый Национальный музей аэронавтики и космоса в Вашингтоне. В самом здании в двадцати трех залах находятся практически все изобретенные человечеством летательные аппараты – от самолета братьев Райт до лунного модуля «Апполон-11» (рис. 3).

Рис. 3. Музей истории аэронавтики в г. Вашингтоне, США

Fig. 3. National Air and Space Museum in Washington, D. C., USA

Его видовая структура очень резко выделяется на фоне окружающего ландшафта, через огромные затененные окна видны «громадины» ракет и самолетов. Это апофеоз драматической истории освоения человеком пространства, дерзкий выход цивилизации на околоземные орбиты. Начало замечательной авиаколлекции было положено в 1876 г. На выставке в честь 100-летнего юбилея Смитсоновского института приобрели несколько редчайших воздушных змеев. Статус музея собрание летательных аппаратов получило в 1946 г. по решению конгресса США. Его можно поставить на *первое место среди музеев мира* постиндустриального общества. Одновременно с этим в мировой практике в связи с ростом компьютерных технологий решается проблема и мультимедийного музея, который приобретает в наше время еще большее распространение, чем традиционный музей произведений искусства. Есть проекты «Лувр», «Русский музей», «Музей мадам Тюссо» и ряд других, когда потребитель интернета, не выходя из дома, фактически может путешествовать по залам музея.

Как справедливо отмечают наши отечественные исследователи и искусствоведы, в мире сложилось единое мнение об этапах сложения постмодернизма. Практически все духовные искания архитекторов периода 1990–2010 гг. – это поиск новой модели проектирования. Этим занимался и прославленный американский архитектор Фрэнк Ллойд Райт. Впервые он использовал резервы проектной практики в Музее Гуггенхайма в Нью-Йорке. Именно в это время постмодернизм становится широко известным, влиятельным течением искусства и культуры во многих странах мира. По нашему мнению, именно он явился тем направлением, которое соединило в себе все настроения и философские взгляды современной культуры, отразило внимание к культурам Востока, Латинской Америки, Африки как свежим источникам обновления мировой культуры на началах полицентричности. Следовательно, эта тенденция практически повсеместная.

Что касается мультимедийного дизайна, то эта тема требует отдельного исследования. Она стала модной у молодых дизайнеров. В нашей стране эта тенденция сложилась в русле развития интернета и телевидения. Для новой экспозиции Музея I съезда РСДРП автор данной публикации выполнил три самостоятельных фигуры в полный рост: жандарма, кондуктора железных дорог и фотографа. В октябре 2016 г. проект осуществлен группой дизайнеров национальной музейной компании из Новополоцка, руководитель «Мастак-сервис» И. М. Руденя. Разница в том, что подобные музеи с малым объемом площади лучше проектировать под мультимедийные технологии, а большие, такие как Музей истории Великой Отечественной войны, под *фигурные интерьеры* (макеты, диорамы, ростовые фигуры, элементы бутафории). Тем не менее «перегрузка» мультимедийных элементов в этом военно-историческом музее чересчур доминирует над зрителем, который все-таки ждет монолога с предметом, а не диалога с экскурсоводом.

Периодически вспыхивающие страсти по поводу дозволенного и недозволенного в музее побуждают нас обратиться к смысловому полю границ, запретов и долженствований. В частности, можно вспомнить, что З. Фрейд полагал отказ и запрет себе источником морали. Действительно, мораль возникает не там, где я себе разрешаю, а там, где я себе запрещаю, провожу границу дозволенного, ставлю ограничения. Поле дозволенного может быть просторнее или теснее, но совсем обойтись без очерченных границ невозможно. Могут ли и должны ли границы личности подвергаться пересмотру? Скорее да, чем нет. Однако резкое взламывание этих границ всегда и по определению чревато психотравмой разной степени тяжести. Конечно, есть достаточно охотников прокладывать жизненный путь сквозь свои и чужие катастрофы, однако гуманитарно-корректная работа с границами – это именно работа: медленная, вдумчивая и ответственная [9]. Тот факт, что музей в современных условиях меняется в лучшую сторону по своей архитектурной интерпретации, неоспорим, но в его идеологической структуре виден почерк художника нового рода. Это не живописец эпохи Возрождения. Это гуманитарий нового поколения.

В своей научной работе доктор искусствоведения М. Т. Майстровская, в частности, указывает, что «до сих пор нередко ограничивается роль художника-проектировщика в экспозиции, и за ним остается право лишь на «оформление» научного замысла и авторского сценария. При этом сохраняются старые, изжившие концепции, так называемые «методические», научно-экспозиционные планы, что ведет к созданию невыразительных и не воспринимаемых современным зрителем экспозиций. Это происходит в результате незнания и неприятия художественной сущности экспозиционного построения. Другой крайностью становится создание музейной экспозиции в форме «сомнительного и вольного экспериментирования с музейным предметом», построение сложных и формально субъективных авторских экспозиционных «высказываний» [11]. Это другое мнение: ослабление воздействия нажима на художника, определение границ формотворчества, хотя М. Т. Майстровская тоже не определяет эти границы, а лишь раскладывает все по своим местам.

Собственно, это и есть рамки дозволенного и тех моментов, которые могут привести сам музей к деградации и превращению его в коммерческий объект. Все это дает нам право проследить, как изменялась и развивалась музейно-выставочная экспозиция последние тридцать лет. Но есть такие примеры, как чисто авторские экспозиции великих художников, например, Музей Сальвадора Дали в Испании. Вся жизнь мастера развивалась в русле понимания, что его творчество может исчезнуть, если он не создаст именно при жизни *свой собственный музей*. О том, как выглядит музей, мы можем узнать из интернета, и разработчики сайтов пришли к выводу, что необходимо развивать доступную форму музейной экспозиции. Этой формой явились виртуальные музеи, хотя они и не дают полного представления о самом объекте, но в целом формируют наше сознание. Очень продуктивно освещает вопросы исторической реконструкции английский телеканал «Viasart History». Практически он поднимает вопросы чисто музейной практики, археологических раскопок, постепенно формируя у зрителя год за годом цельную картину смены эпох и архитектурных стилей. Цикл передач целиком и полностью посвящен теме интерпретации экспоната в современных условиях. Поэтому есть веские аргументы против включения музея в сферу видео-арта и введения новой формы – *виртуального музея*. Российский эксперт музейного дела и заведующий Лабораторией музейного проектирования Российского института культурологии А. Лебедев, в частности, пишет: «К тому же есть еще видеоарт, который, пусть пока в рамках фестивалей, тоже завоевывает себе место на улицах крупных городов. Музей признал и принял в своих стенах компьютерную технику, но пока она живет в его залах несколько обособленно, то ли стесняясь занять место рядом с вечным искусством, то ли пугаясь своей чрезмерной привлекательности для современного человека. Примеры, рассмотренные в этой статье, – скорее исключения. Но будущее именно за ними. Есть веские основания предполагать, что дальнейшее развитие музейного дела пойдет в сторону заметного увеличения интерактивности экспозиций и широкого использования современных средств отображения информации» [12].

Известный теоретик современной музееологии В. Глузиньский, в частности, отмечает, что «музей не должен быть местом, где человек постигает объективную действительность, для этого есть академические аудитории и научные труды, он должен быть местом, *где переживают человеческий мир ценностей и значений»* [12]. Нельзя не согласится с ним лишь только потому, что это

вообще какой-то особый мир, не похожий на другие социальные институты. Это не вид зрелища как кинематограф, хотя есть не менее двух десятков музеев кино. Но у них другая специфика. Это не театр. Хотя есть сотни музеев, посвященных истории театра и творчеству театральных деятелей. Это не аэровокзал, где иногда люди проводят десятки часов, и не банк. Задача стоит по-другому. У нас в Беларуси нет постоянной рубрики в средствах массовой информации, посвященной музеям. Нет своего печатного органа, мало статей в периодических изданиях.

Необходимо отметить, что в октябре 2016 г. завершил свою работу «Третий музейный форум» в Могилеве. Диапазон экспозиционных приемов значительно уступал «Второму музейному форуму» в Гомеле (2014 г.). Меньше было конкурентов в сфере проектирования музеев из ближнего зарубежья – России и Украины, жестче отбор участников, больше требований к методической стороне дела, организации «перфоманса», работе со зрителем (интерактивный Музей истории города Могилева). Тот факт, что мы имеем свои традиции в музейном оформлении, свои школы (В. В. Комаров (Могилев), И. М. Руденя и И. В. Куржалов (Новополоцк), Н. Н. Дундин, Ю. М. Черняк (Витебск)), свидетельствует, что мы независимы в полном смысле слова и развиваем свою музейную индустрию, много заимствуя у своих российских коллег.

В России только благодаря выходу в свет приложения под редакцией Ю. Пищулина в журнале «Мир музея» в рубрике «Мир музейных технологий» стали проводить новую музейную политику: «Сегодня важным становится разнообразие интерпретации музейной информации, а не единая версия ее трактовки, как было еще совсем недавно. Это приводит к резкому возрастанию роли проектирования экспозиций и выставок, в сферу которого, помимо художественного, включается научное и сценарное проектирование. Выставка и экспозиция современного музея рассматриваются как крупномасштабный, социально-культурный проект» [13].

Музей как феномен культуры существует в качестве социокультурного института. В музее сфокусировалось то, на что не способны ни книга, ни кинематограф, ни интернет. Музей прост своей правдой. В этом и заключен его феномен. Там есть предмет в том виде, как он появился на историческом этапе своего существования. Это история дизайна науки и техники: «Если XIX век можно по праву назвать «веком музея», то в XX столетии в развитии музея обнаруживаются противоречивые тенденции. Сама необходимость существования традиционных форм музея ставится под сомнение, и он подвергается критике как представителями всевозможных авангардных течений в искусстве, так и политическими движениями, обвиняющими его в элитарности» [11].

Как уже отмечалось, в Санкт-Петербурге сложилась своя школа экспозиционного искусства– КЖОИ (Комбинат живописно-оформительского искусства). Многие проекты музеев Беларуси, такие, например, как Музей этнографии в Могилеве, проектировал именно КЖОИ. Какая практика существует у нас в Беларуси? Можно сегодня встать на защиту деятельности самих музейных работников, которые вынуждены использовать внутренние ресурсы для проведения оформительских работ. Эта практика выявилась повсеместно в Беларуси, появились новые музеи из любительских коллективов на общественных началах (Историко-мемориальный музей «Усадьба Немцевичи», Брестская обл., д. Скоки, ул. Мира, 48 б) и частный Музей техники Алексея Тикунова в тандеме с БГМИВОВ. Очень много частных инициатив во всех областях Республики Беларусь. Как правило, это не специалисты с художественным образованием, а просто художники-оформители. Постоянно меняющаяся выставочная работа не дает возможности создать полноценную масштабную музейную экспозицию. Самое главное в музее – создание постоянной экспозиции. Мы имеем практику приспособления зданий исторического профиля под музей. Создавать там музей очень сложно. Именно эти вопросы поднимали музейные работники в Гродно.

Рассмотрим тенденции развития музея в современной Америке. Там музей понемногу превращается в культурное «шоу». Таким образом, идет поиск новой формы выражения. Музей по своей архитектонике уже превратился в конгломерат новых технических модернистских новаций. В качестве примера приведем информацию о Музее Сальвадора Дали в г. Санкт-Петербурге (штат Флорида, США). Но это не его авторский музей в Испании. Там у Дали много личного, пережитого и осмысленного, каждый предмет продуман до мелочей и введен в контекст. В США это переосмысление философии сюрреализма новыми методами и формами. Поэтому внешняя структурная оболочка музея – это его знаменитые «мягкие часы», словно «облитые» на здание в виде

Рис. 4. Музей Сальвадора Дали в г. Санкт-Петербурге, Флорида, США

Fig. 4. Salvador Dali Museum in St. Petersburg, Florida, USA

стеклянных модулей. Все это выполнено абсолютно безукоризненно в техническом плане (рис. 4.). Но внутренняя структура музея все-таки повторяет логику известного лидера сюрреализма. Его эпатажность исчезает и на ее место выступает именно художественное произведение. Оно здесь главный стержень экспозиции. Если в США потратили 50 млн долл. на создание музея, то закономерно возникает вопрос: для чего это было сделано? Но во Флориде обустройство музея преследует явно коммерческий расчет, причем очень тонко выстроенный по законам новой вещественной эстетики. Каждый отдыхающий непременно пожелает его посетить.

Что же происходит с европейскими музеями? В послевоенное время во всем мире это была модель, схожая с нашим советским среднестатистическим краеведческим музеем. Не будем брать в расчет Эрмитаж или ГИМ в Москве: «В целом, европейский музей является плохо отлаженным и во многих случаях не имеющим четкой функции институтом. Этот факт явствует как из отношения к музею публики, которая, как предполагается, должна получать от него пользу, так и исходя из точки зрения экспертов. Публика равнодушна к музею» [15].

Отметим, что западные страны акцентируют внимание именно на музеях техники, исследуя дизайн во всех его проявлениях. Например, это музеи крупнейших автомобильных компаний Германии: «BMW» в Мюнхене и «Мерседес-Бенц». Внешне их облик – дань моде последних лет. Над их созданием трудились лучшие архитекторы, освоившие практику постмодернистских тенденций при проектировании этих средовых объектов. Радикально изменив структуру здания, они довели внутренние интерьеры до полной стерильности, чтобы ничто не отвлекало зрителя от главного в музее – самого автомобиля, для демонстрации которого и выполнена экспозиция. Согласимся с тем, что в эпоху постмодернизма сам музей в его чисто духовном аспекте как форма изучения предмета материальной культуры уже перестает интересовать самого архитектора. Он работает над «оболочкой», изучает формообразование интерьера только лишь по его видовой структуре: зал, анфилада, эркер, коридор и т. д. Ему необходимо сразу сгруппировать помещения и подвести здание, как говорят, «под цоколь», изолировать его от предметно-пространственной среды. Другого мнения придерживаются японские архитекторы. Их духовная практика на порядок выше европейской и они располагают объект таким образом, что музей является неразрывной частью самого ландшафта, сливаясь с ним воедино.

Многие теоретики склоняются к мысли, что «музей также может пониматься как «культурная форма» (Т. П. Калугина), как механизм культурного наследования (М. С. Каган, З. А. Бонами, В. Ю. Дукельский), как рекреационное учреждение (Д. А. Равикович, К. Хадсон, Ю. Ромедер)»[16]. Мнения их отличаются различными взглядами на данную проблему. Одно становится ясно применительно к отечественному проектированию музеев: мы должны уходить от практики «приспособления» под музей исторических зданий и создавать свою индустрию музейного проектирования с «нулевого цикла», т. е. именно с оценки музея в его естественном окружении. Это, как правило, решается в комплексе только при условии самой темы, как, например, проект В. Г. Крамаренко нового здания Музея истории Великой Отечественной войны в Минске. При таком подходе сам музей остается за рамками исследования, а основное внимание уделяется выполняемым музеем функциям собирания и хранения и связанным с ними аспектам. В первую очередь это свойственно сторонникам так называемого институционального направления в музееведении. В рамках данного направления музей рассматривается как один из институтов, предназначенных для хранения, собирания, интерпретации объектов.

Заключение. Роль и значение музея в контексте теории музейного дела трудно переоценить. Музей как феномен культуры вобрал в себя последние достижения гуманистической культуры. Он объединяет все лучшие достижения этих культур. Его видовая характеристика сегодня находится в поле зрения наиболее крупных и маститых архитекторов разных стран мира. Иногда он

чрезмерно прост по своей видовой структуре, иногда его внешний облик эпатирует публику, как, например, музей Гуггенхайма в Бильбао. *Первая тенденция* – это то, что мы оцениваем его как новаторство и крупный шаг вперед в экспозиционном дизайне и градостроительной практике. Идет поиск новых радикальных решений и здесь на помощь архитекторам и дизайнерам приходят новые пластические образы, которые синтезируются с технологическими свойствами материалов. Музей стал более разноплановым по своим архитектурным формам, чему способствует процесс тотального проектирования. Этот процесс охватывает не только интерьер, экстерьерное пространство и ландшафт, соединяя их вместе. *Вторая тенденция* – сложились новые современные технологии экспонирования. Музей раздвинул наши представления о возможностях адаптации самого социального института и вместе с тем он чересчур «перегружен» новациями в своем новом качестве. Это новая грань его видовой структуры. Но то, что музей стал *гармоничнее* со средой, является заслугой архитекторов и дизайнеров во всем мире.

Список использованных источников

1. Музеи Беларуси. Справочное издание. – Минск: Белорус. Энцикл. им. П. Бровки, 2008. – 559 с.

2. Шляхтина, Л. М. Основы музейного дела: теория и практика: учеб. пособие / Л. М. Шляхтина. – М.: Высш. шк., 2005. – 183 с.: ил. (Образование через искусство).

3. Чернийчук, И. А. Тотальный дизайн. Исследование возникновения и развития: автореф. дис. …д-ра искусствоведения: 17.00.06 / И. А Чернийчук. – М., 2010. – 53 с.

4. Горбунов, И. В. Архитектоника: курс лекций для студ. спец. 19 01 01-02-02: Дизайн (предметно-пространственной среды). Дизайн интерьеров / И. В. Горбунов ; М-во образования Респ. Беларусь, УО «ВГУ им. П. М. Машерова», кафедра дизайна. – Витебск, 2012.

5. Архитектоника: базовая учеб. программа по спец. 1-19 01 01-02: Дизайн (предметно-пространственных комплексов) специализация 1-19-01 01-02 01: Экспозиционный дизайн ; 19 01 01-02 02: Дизайн интерьеров / [авт.-сост. И. В. Горбунов] ; М-во образования Респ. Беларусь, УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – Витебск, 2007.

6. Прохоренко, Г. Е. Исторические предпосылки и теоретические основы формирования учебных художественно-промышленных музеев в Европе во второй половине XIX века : автореф. дис. … д-ра искусствоведения: 17.00.06 / Г. Е. Прохоренко. – М., 2010.

7. История дизайна: курс лекций / [сост. И. В. Горбунов] ; М-во образования Респ. Беларусь, УО «ВГУ им. П. М. Машерова», кафедра дизайна, декоративно-прикладного искусства и технической графики. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2009.

8. Гарбуноў, І. В. Новыя тэндэнцыі ў стварэнні музейна-выставачных экспазіцый на Беларусі (2004–2010 гг.) / І. В. Гарбуноў // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2012. – № 2. – С. 91–101.

9. Барсукова, Н. И. Дизайн среды в проектной культуре постмодернизма конца XX – начала XXI века: автореф. дис. … д-ра искусствоведения: 17.00.06 / Н. И. Барсукова. – М., 2006.

10. Глинская, А. Музей: испытание границ. Необходимое и достаточное в действительности человека и культуры / А. Глинская // 60-я параллель. – 2007. – № 3.

11. Майстровская, М. Т. Композиционно-художественные тенденции формообразования музейной экспозиции: автореф. дис. … д-ра искусствоведения: 17.00.04 / М. Т. Майстровская; Моск. худож.-промышл. ин-т им. С. Г. Строганова. – М., 2003. – 53 с.

12. Лебедев, А. Информационные технологии и современная музейная экспозиция / А. Лебедев // Музей. – 2009. – № 7. –С. 44–47.

13. Горбушин, Ю. Дело мастера. Баталия на столе / Ю. Горбушин // КенигсбергерАльгемайне. – 2010. – № 14. – С. 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.koenigsberger-allgemeine.com.

14. Беззубова, О. В. Некоторые аспекты теоретического осмысления музея как феномена культуры / О. В. Беззубова // Триумф музея. – СПб., 2005.

15. Wmittlin, A. S. The Museum. Its History and itsTasksin Education / A. S. Wmittlin. – L.,1949. – P. xii–xiv.

16. Джумантаева, Т. А Использование музеями информационных технологий в презентации культурного наследия / Т. А. Джумантаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www.ansya.ru.

References

1. Pashkoŭ G. P., Kalenda L. V., Nikitsin M. G. (ed.), *Muzei Belarusi* [Museums of Belarus], Belarusian Encyclopedia named after Petrus Brovki, Minsk, BY, 2008.

2. Shliakhtina L. M., *Osnovy muzeinogo dela: teoriia i praktika: ucheb. posobie* [The Basics of Museum Affairs: Theory and Practice: A Tutorial], High school, Moscow, RU, 2005. (Ser. Education through art)

3. Cherniichuk I. A., "Total design. Study of the origin and development", Abstract of Ph. D. dissertation, Technical aesthetics and design, Novgorod State University. Yaroslav the Wise, Moscow, RU, 2010.

4. Gorbunov, I. V. *Arkhitektonika: kurs lektsii dlia studentov spetsial'nosti 19 01 01-02-02: Dizain (predmetno-prostranstvennoi sredy). Dizain inter'erov* [Arhitektonika: a course of lectures for students of the specialty 19 01 01-02-02: Design (object-spatial environment). Interior design], Vitebsk, BY, 2012.

5. Gorbunov I. V., *Arkhitektonika: bazovaia uchebnaia programma po spetsial'nosti 1-19 01 01-02: Dizain (predmetno-prostranstvennykh kompleksov) spetsializatsiia 1-19-01 01-02 01: Ekspozitsionnyi dizain ; 19 01 01-02 02: Dizain inter'erov* [Architectonics: basic curriculum on specialty 1-19 01 01-02: Design (subject-spatial complexes) specialization 1-19-01 01-02 01: Exposition design; 19 01 01-02 02: Design of interiors], Vitebsk, BY, 2007.

6. Prokhorenko G. E., "The Museum of the Central School of Technical Drawing of Baron AL Stieglitz: The History of the Creation and Formation of the Collection", Ph.D. Thesis, History of art, St. Petersburg Art and Industry Academy named after A. L. Stieglitz, St. Petersburg, RU, 2000.

7. Gorbunov I. V., *Istoriia dizaina: kurs lektsii* [History of design: a course of lectures], UO "Vitebsk State University named after PM Masherov", Vitebsk, BY, 2009.

8. Garbunoў I. V., "New trends in the creation of museum expositions in Belarus (2004–2010 gg.)", *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi, Seryya gumanitarnykh navuk* [Proceedings of the National academy of sciences of Belarus, Humanitarian series], 2012, no. 2, pp. 91–101.

9. Barsukova N. I., "Design of the environment in the project culture of postmodernism of the late XX – early XXI century", Abstract of D. Sc. Dissertation, Technical aesthetics and design, All-Russian Scientific Research Institute of Technical Aesthetics, Moscow, RU, 2008.

10. Glinskaia A., "Museum: the testing of borders. The necessary and sufficient in reality man and culture", *60-ia parallel'* [60th parallel], 2007, no. 2 (25), available at: http://www.journal.60parallel.org/ru/journal/2007/23/206, (Accessed 07.08.2016).

11. Maistrovskaia M. T., "Compositional and artistic trends in the formation of museum exhibits: In the context of art, architecture, design", Abstract of D. Sc. Dissertation, Technical aesthetics and design,Moscow State Art and Industrial University named after SG Stroganov, Moscow, RU, 2002.

12. Lebedev A., "Information technologies and modern museum exposition", *Muzei* [The Museum], 2009, no. 7, pp. 44–47.

13. Gorbushin Iu., "Business of the master. Battles on the table", *Kenigsberger Al'gemaine* [Koenigsberger Allgemeine], 2010, no. 14, p. 14, available at: www.koenigsberger-allgemeine.com, (Accessed 07.08.2016).

14. Bezzubova O. V., "Some aspects of the theoretical interpretation of the museum as a phenomenon of culture", *Triumf muzeia?* [Triumph of the museum?], "Osipov", St. Petersburg, RU, 2005, pp. 6–27.

15. Wittlin A. S., "The museum its history and its tasks in education", 1949, available at: http://library.uny.ac.id/sirkulasi/index.php?p=show_detail&id=44411, (Accessed 07.08.2016).

16. Dzhumantaeva T. A., "The use of information technology by museums in the presentation of cultural heritage", *Pershy natsyianal'ny forum "Muzei Belarusi": 12–14 kastrychnika 2012 g., g. Grodna* [The First National Forum "Museums of Belarus": 12–14 October 2012, in Grodno], 2012, available at: http: //www.ansya.ru, (Accessed 07.08.2016).

Информация об авторе

Горбунов *Игорь Васильевич* – канд. искусствоведения, доцент. УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова» (пр. Московский, 33, 210038, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: igorgiv2016@yandex.

Information about the author

Gorbunov *Igor Vasilyevich,* Ph. D. (Art Hist.), Associate Professor, Vitebsk State Masherov University (33 Moskovskiy Ave, Vitebsk 210038, Belarus). E-mail: igorgiv2016@yandex.

Для цитирования

Горбунов, И. В. Музей как социокультурный институт (1990 – 2010 гг.) / И. В. Горбунов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 77–86.

For citation

Gorbunov, I. V. Museum as a Socio-cultural Institution (1990–2010) / I. V. Gorbunov // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 77–86.

ISSN 1024-5928 (print)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3.09(092)+929Купала

Паступіў у рэдакцыю 11.04 2017
Received 11.04.2017

У. В. Гніламедаў, М. У. Мікуліч

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

ПРАРОК АДРАДЖЭННЯ

(Да 135-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы)

Анализируются жизнь и творчество классика белорусской литературы Янки Купалы (1882–1942), оставившего глубокий след в истории белорусской культуры XX века. Рассматриваются сборники лирики «Жалейка», «Гусляр», «Путем жизни», «Наследие» и др., а также поэмы, драматургия, публицистика. Авторы стремятся преодолеть устоявшиеся идеологические штампы и недоговоренность, которые до нынешнего времени препятствуют восприятию и пониманию творчества великого художника.

Ключевые слова: художественная литература, поэзия, творческая индивидуальность, национальное сознание, менталитет, романтический, стилевое течение, влияние.

V. V. Gnilomedov and N. V. Mikulich

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PROPHET OF RENAISSANCE

(To the 135th Anniversary of Yanka Kupala's Birth)

The article explores the life and work of the classic of Belarusian literature Yanka Kupala (1882–1942) who made a great impact on the history of Belarusian culture of the twentieth century. It addresses collections of his lyrics, such as "Zhaleika" (Hornpipe), "Guslyar" (Gusli Player), "On the Way of Life", "Heritage" etc. and his poems, plays and journalism. The authors seek to overcome the established ideological clichés and inconsistency which until now hamper the perception and understanding of this great writer's work.

Keywords: fiction, poetry, creative individuality, national consciousness, mentality, romantic, literary style trend, influence.

Янка Купала – народны паэт Беларусі, паэт-прарок, паэт-будзіцель, які на працягу ўсяго свайго жыцця быў апантаны лёсам роднага краю, беларускага народа, яго доляй і будучыняй. Гэта – фенаменальная з'ява беларускай літаратуры і культуры, беларускай гісторыі наогул. В. Быкаў слушна падкрэсліваў: «Янка Купала, безумоўна, апостал беларушчыны, адзін з самых сьвятых людзей Беларусі, найпершы паэт чарговага беларускага Адраджэньня» [8, с. 202].

Сапраўднае яго прозвішча – Луцэвіч Іван Дамінікавіч. Нарадзіўся ён амаль на купалаўскае свята – 7 ліпеня 1882 г. (па новым стылі) у самым цэнтры Беларусі, пад Мінскам, у фальварку Вязынка былой Радашковіцкай воласці (зараз Маладзечанскі раён Мінскай вобласці). На Міншчыне нарадзіліся і бацькі паэта: бацька Дамінік Ануфрыевіч – у засценку Пяскі, каля Ігумена (Ігумен – цяперашні Чэрвень), маці Бянігна Іванаўна паходзіла з фальварка Няшота, што непадалёк ад мястэчка Рубяжэвічы. Абое належалі да дробнай шляхты, пабраліся шлюбам у 1879 г. (Бянігна Іванаўна нават супраць волі бацькоў, парваўшы з сям'ёй). Сваёй зямлі ў Луцэвічаў не было, і Дамінік Ануфрыевіч вымушаны быў (дарэчы, як і яго бацька) стаць арандатарам памешчыцкіх фальваркаў.

У беларускага народа нарадзіўся паэт, які, здаецца, і не мог узяць іншы псеўданім, апроч адзінага – Янка Купала. Жыве ў славян яшчэ і сёння легенда пра тое, што ў самую кароткую летнюю ноч, у ноч на Івана Купалу, зацвітае на імгненне кветка папараці. Хто знойдзе яе – той знойдзе шчасце. Казачна-фальклорнае ўлонне легенд, песень, паданняў, цікавых і незвычайных аповедаў атуляла будучага паэта з самага маленства, калі пачалася яго нялёгкая жыццёвая пуцявіна.

Дзяцінства Янкі Купалы прайшло ў вандраваннях па Міншчыне – ад фальварка да фальварка, ад пана да пана. У Косіне, калі Ясю споўнілася шэсць гадоў, ён упершыню пачаў вучыцца грамаце – сын аднаго са служачых маёнтка па прозвішчы Патаповіч (імя невядома) навучаў яго

© Гніламедаў У. В., Мікуліч М. У., 2017

па-польску. Хлопчык рос добразычлівым, шчырым, дапытлівым, разумным і, як успаміналі сёстры, вельмі спагадлівым да людзей. У Сенніцы бацька аддае сына ў мясцовае двухкласнае народнае вучылішча, дзе ён займаецца ў настаўніцы Алімпіяды Сонцавай.

Вучыўся ён і ў вандроўных настаўнікаў, і сам пры магчымасці, у вольны ад работы час, многа чытаў, займаўся самаадукацыяй. Сярод тых, хто паўплываў на будучага паэта, быў Уладзімір Самойла – пазней вядомы літаратар, які шмат дапаможа Купалу на яго творчым шляху, а таксама Зыгмунт Чаховіч – удзельнік паўстання 1863 г. У яго маёнтку (у Селішчы) знаходзілася багатая бібліятэка.

У 1902 г. здарылася няшчасце, памёр бацька Дамінік Ануфрыевіч – у чужой хаце, так і не прыдбаўшы ўласнага кавалка зямлі. Ясь – старэйшы з семярых дзяцей – застаецца за гаспадара. Праз паўгода памірае ад шкарлятыны малодшы брат Казік, а яшчэ праз тыдзень паміраюць сёстры Сабіна і Галя. Трэба сказаць, Купала перажыў за сваё жыццё шмат глыбокіх і моцных узрушэнняў, якія адбіліся на яго творчасці. Аднак смерць бацькі, брата і сясцёр скаланула яго да глыбіні душы. Адчуванне абдзеленасці шчасцем-доляю не пакідала паэта на працягу ўсяго яго жыцця...

Першыя творы Я. Купалы напісаны, як вядома, па-польску, але неўзабаве, як азарэнне, прыйшло разуменне: для больш поўнага і свабоднага самавыяўлення і самарэалізацыі, каб цябе пачулі людзі, пачуў і зразумеў народ, трэба размаўляць з ім на роднай мове. Купала, такім чынам, – з'ява не выпадковая, а лёсавызначальная («судьбаносная», гаворачы па-руску). Імкненне паэта «пісаць па-беларуску» супала з уздымам хвалі рэвалюцыйных настрояў, набліжэннем рэвалюцыі 1905–1907 гг., што ў многім было выклікана паражэннем Расіі ў руска-японскай вайне, якая паказала яе адсталасць і няздатнасць самадзяржаўя кіраваць імперыяй. Ажыўляецца нацыянальна-вызваленчы, патрыятычны рух і на Беларусі, узнікае палітычная партыя – Беларуская сацыялістычная грамада (БСГ), якая, дарэчы будзе сказаць, звярнулася да беларускага чалавека ў сваіх праграмных адозвах на яго роднай мове. Сярод яе арганізатараў былі вельмі вядомыя потым дзеячы: браты Луцкевічы, А. Бурбіс, К. Кастравіцкі (Карусь Каганец), В. Іваноўскі, В. Ластоўскі, А. Пашкевіч (Цётка), Ф. Стацкевіч, А. Уласаў, Ф. Умястоўскі (Дзядзька Пранук), А. Смоліч і інш. На платформе гэтага актыўнага, свядомага і дзейснага нацыянальна-дэмакратычнага руху і засноўваўся паэт у сваіх ідэйных і мастацкіх пошуках.

15 мая 1905 г. у мінскай газеце «Северо-Западный край» малады паэт публікуе свой славуты верш «Мужык», падпісаны псеўданімам «Я. Купала». Гэта і было яго першае выступленне ў друку. Газета выходзіла на рускай мове, але купалаўскі верш быў апублікаваны ў арыгінале – ды ён таго і заслугоўваў.

Але хоць колькі жыць тут буду,
Як будзе век тут мой вялік,
Ніколі, браткі, не забуду,
Што чалавек я, хоць мужык [3, с. 52], –

гучна прамаўляе герой верша. Сучаснікі ўбачылі ў гэтым творы вострую і па-мастацку пераканаўчую крытыку таго спаконвечнага песімізму, якім былі ахутаны лёс і само існаванне беларускага народа. З гонарам сапраўднага дэмакрата Купала сцвярджае павагу да простага чалавека, права змагацца за сваё чалавечае званне.

У характары верша і ўсім кампазіцыйна-стылявым ладзе адчувалася спакойная ўпэўненасць, эпічная ўгрунтаванасць, тыя духоўная нерастрачанасць і моц, што ідуць ад беларускай літаратуры XIX ст. і нават ад больш даўніх эпох і сведчаць пра яго прыналежнасць да глыбокай нацыянальнай традыцыі. Якой бы цяжкай ні была доля беларуса, яна дазволіла яму выпрацаваць свой менталітэт і захаваць нацыянальную адметнасць, што ён і падкрэсліваў, называючы сябе тутэйшым. У многіх творах паэта глыбока выяўляюцца вызначальныя асаблівасці нацыянальнага тыпу мыслення, нацыянальнага характару, як, напрыклад, у вершы «Ці ж гэта многа?!»:

Ад свету, ад Бога
Жадаю нямнога:

Зямелькі з валоку,
К ёй шнур неўдалёку,
З святлічкай хацінку,
За жонку дзяўчынку,

Кусок салца к хлебу,
Рубля на патрэбу,
Здароўя чым болей,
Крыху долі, волі –
І ўсё! больш нічога...
Ну, ці ж гэта многа?! [3, с. 142].

Гістарычнае быццё народа, яго шлях з мінулага ў будучыню сталі крыніцай творчага натхнення Купалы, жывілі яго думку і пачуцці на працягу ўсяго жыцця. У 1907 г. ён стварае сваё знакамітае «Ворагам Беларушчыны» – водпаведзь рускім і польскім шавіністам, якія беспадстаўна нападалі, паводле выразу паэта, «на ўсё беларускае»:

Чаго вам хочацца, панове?
Які вас выклікаў прымус
Забіць трывогу аб той мове,
Якой азваўся беларус?
……..

К свабодзе, роўнасці і знанню
Мы працярэбім сабе след!
І будзе ўнукаў панаванне
Там, дзе сягоння плача дзед! [3, с. 133, 134].

Гэта адзін з самых выдатных узораў ранняй купалаўскай лірыкі. У вершы знайшоў адэкватнае самавыяўленне той неўтаймоўна-бурлівы стан, у якім знаходзіўся ў той час паэт, прамоўніцкім пафасам і тэмпераментам нагадваючы біблейскага прарока Іезікііля. Кніжная мова ў духу старога тэстаменту знітавана тут з народна-бытавым словам, размоўнай інтанацыяй. Верш «Ворагам Беларушчыны» ўзнавіў і развіў традыцыі палемічнай беларускай літаратуры XVI–XVII стст. – А. Філіповіча, М. Сматрыцкага, С. Зізанія і іншых пісьменнікаў, якія стаялі на варце нацыянальных інтарэсаў свайго народа і не давалі яго ў крыўду розным непрыяцелям і нядобразычліўцам.

Гісторыя літаратуры сведчыць, што вершы сапраўднага паэта нашмат выйграюць, калі іх збіраюць разам. Гэтую ісціну пацвердзіла і «Жалейка» – першы купалаўскі зборнік, які з'явіўся на свет у 1908 г. у выдавецтве «Загляне сонца і ў наша ваконца». Кнігу прыхільна сустрэлі грамадскасць і літаратурная крытыка, на якіх яна зрабіла вялікае ўражанне.

«Жалейка» населена беларускімі тыпамі. Гэта мужык-земляроб (у розных іпастасях), пан (ці «панічок», як называе яго паэт) – уладальнік маёнтка, шматлікія падпанкі, жнеі, рамеснікі, «бабулька – прадаўшчыца зёлак», «Сорка, што соль прадае»... Вось яны – жнеі (верш «Песня жней»):

Пагнуўшы ў крук худыя спіны,
Сярпом махаючы крывым,
Мы, жонкі, ўдовы і дзяўчыны,
Пры доўгай постаці стаім.

І дружна жнём,
І паддаём
Адна адной
Ахвоты больш,
І песню жаласна пяём... [3, с. 90].

Рытмічнае поўнагалоссе верша даносіць да чытача не проста рух, дынаміку жніва, але і, можна сказаць, працоўную заўзятасць жней, апантанасць працай, энтузіязм – усё гэта рысы іх менталітэту.

«Жалейка» пацвердзіла, што прырода мастацкага метаду яе аўтара – рамантычная, многія вершы сведчылі пра ўменне паэта заглянуць за гарызонт будзённага жыцця, пранікнуць у сутнасць грамадска-сацыяльных падзей. Купала рана ўбачыў у народзе сілу таго, што крыху пазней вядомы псіхааналітык К. Юнг назаве «калектыўным бессвядомым», якое кіруе падзеямі і фарміруе чалавечы лёс. Адным з такіх твораў было яго славутае «А хто там ідзе?»:

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
– Беларусы.

А што яны нясуць на худых плячах,
На руках у крыві, на нагах у лапцях?
– Сваю крыўду [3, с. 196].

Народ Купала бачыць як адно цэлае, здольнае, па часе, на адраджэнне і абнаўленне сваёй духоўнай самасвядомасці. «А хто там ідзе?» – самы вядомы ў свеце беларускі верш, перакладзены на многія і многія замежныя мовы. Ён створаны ў духу старога біблейскага тэстаменту (карціна зыходу яўрэяў з Егіпта) і дае важныя падставы, таксама як і «Ворагам Беларушчыны» і некаторыя іншыя творы, гаварыць пра сувязь Купалы з Бібліяй. Як паэт-прарок, вяшчун Адраджэння, ён свядома і інтуітыўна адчуваў патрэбу засноўвацца не толькі на навукова-асветніцкіх ідэях, але і на ўсім вопыце чалавецтва, у тым ліку і рэлігійным. Біблія давала яму магчымасць глабальнага погляду на гісторыю свайго народа.

Памылкай было б нават на ранніх этапах творчасці лічыць Купалу толькі вясковым, сялянскім паэтам – яго творчасць уключала агульначалавечую праблематыку. Пра гэта сведчыць, да прыкладу, драматычная паэма «Адвечная песня» (1908). Рэальнае жыццё яе героя Мужыка не проста неўладкаванае і трагічнае – яно абсурднае. Бо якім жа яшчэ можа быць існаванне чалавека, цалкам пазбаўленага правоў і асабістай годнасці, як не абсурдным па самой сваёй сутнасці? У жыцці і смерці Мужыка Купалу бачыцца ўніверсальная мадэль чалавечага лёсу. На фарміраванне задумы «Адвечнай песні» зрабіла ўплыў, як гэта лічаць многія купалазнаўцы, п'еса Л. Андрэева «Жыццё чалавека». Такую ж ролю, думаецца, магла адыграць і другая п'еса Л. Андрэева – «Цар-Голад», пабудаваная на падобных драматургічных прынцыпах. Па сутнасці, Купала, як і рускі пісьменнік, за паўстагоддзя да экзістэнцыялістаў паставіў пытанне аб абсурдным характары чалавечага існавання, у многім апярэдзіўшы іх мастацкія адкрыцці. Але гэта была і спрэчка з Л. Андрэевым. Тут маем справу з паэтычнымі элементамі мадэрнізму, пераасэнсаванымі аднак у духу рэалізму, у выніку чаго яны атрымалі новую мастацкую функцыю. Яны не закрэсліваюць усіх спадзяванняў на лепшае. У паэме, як бы там ні было, адчуваецца прысутнасць думкі, заключанай у старажытным народным выслоўі: паміраеш, а жыта сей!

У 1910 г. убачыў свет другі зборнік вершаў паэта – «Гусляр». Лірычны герой гэтай кнігі – чалавек, магутны духам і воляю. Ён хоча скарыстаць сваё права на самарэалізацыю, на апраўданне свайго чалавечага прызначэння. Тут Купала працуе на ўсю шырыню і моц свайго мастацкага таленту – зборнік «Гусляр» раскрывае духоўны свет асобы ў яе імкненні да разняволення і свабоды, і не ў абы-якіх маштабах, а ў маштабах усяго чалавецтва. Для гэтага патрэбны былі моцныя паэтычныя крылы, і Купала іх меў.

Праграмныя вершы паэта «Сон», «Гусляр» і некаторыя іншыя былі, думаецца, напісаны не без уплыву У. Самойлы, эстэтычныя погляды якога фарміраваліся пад уздзеяннем рускага сімвалізму. Рэцэнзуючы зборнік «Жалейка», ён знаходзіў у аўтара празмерны «палітычны ўхіл» [9]. Цяпер, у новай кнізе, паэт выступае як «гусляр», «сын міру», «абраннік». Абсягі яго творчасці пашыраюцца, ён імкнецца асэнсаваць чалавека ў багацці яго разнастайных жыццёвых сувязей і дачыненняў.

У «Гусляры» Купала бліжэй падступае да нацыянальнай ідэі. Ён выдатна разумеў, што пры адсутнасці ў беларусаў сваёй дзяржаўнасці і нацыянальнай незалежнасці, развітых форм уласнага палітычнага і эканамічнага жыцця культура, літаратура, паэзія, нарэшце, выступаюць у якасці важнейшага аб'яднальнага фактару, які садзейнічае захаванню народа і яго патрыятычнай кансалідацыі. Сучаснасць, на думку паэта, мела патрэбу ў паэтызацыі і ўзвышэнні мінулага, а таксама ў яго пераасэнсаванні з новага пункта гледжання, які добра відаць у вершы «Над Нёманам» (1911):

Край, дзе жыццё я сваё пачынаю,
Шмат весялей прыглядаўся на свет,
Песні і казкі інакшыя баяў,
Шчасце цвіло ў ім, як макавы цвет... [5, с. 11].

Тэма «мінуўшых дзён» хвалявала Купалу неадступна, ён шукаў адказаў на шматлікія набалелыя пытанні: што ж усё такі здарылася з цэлым народам? Паэт усё далей ішоў па шляху ўсведамлення гістарычнага быцця народа, каранёў яго дзяржаўнасці, што хаваліся ў сівой даўніне,

у існаванні такіх аб'яднанняў, як Полацкае княства, а затым Смаленскае, Тураўскае і інш. З глыбіні стагоддзяў усё яшчэ ішлі промні былой славы Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага, у абсягах якога старажытна-беларуская дзяржаўнасць дасягнула свайго вышэйшага росквіту.

У 1910 г. узнік верш «Роднае слова» («Пад навалай крыўдаў многія сталецці...»). Гэта таксама спроба пазнаць карэнні нацыянальных «крыўд і бед». Купала бачыць, што да такога незайздроснага становішча беларускага чалавека апусцілі гістарычныя абставіны і ўмовы жыцця. Вядома, здарылася гэта не раптам, не імгненна, не адразу, а ў нейкім сэнсе паступова, ад падзеі да падзеі. Беларускі народ шмат гадоў у сваёй гісторыі перажываў катастрафічныя перыяды стрэсаў і перанапружанасці ў нацыянальных маштабах, што, безумоўна, разбурала яго дзяржаўны патэнцыял і падточвала пасіянарныя сілы. Прыкрае замаруджанне і застой гістарычнага працэсу на Беларусі назіраюцца ўжо ў сярэдзіне XVI ст. Працэс страты дзяржаўнай незалежнасці, скасавання правоў і пазбаўлення волі пачаўся ад Люблінскай уніі Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай (1569) і яшчэ ў большай ступені пасля Брэсцкай уніі (1596). Беларуская шляхта ў пераважнай большасці (за рэдкім выключэннем) кіравалася, на вялікі жаль, не столькі патрыятычнымі, колькі асабістымі разліковымі інтарэсамі. Купала добра ведаў родную гісторыю, ведаў, што за памылкі тых, хто здрадзіў радзіме і яе духоўным каштоўнасцям, за іх імкненне да багацця і ўлады расплочваўся народ.

Вясной 1913 г. выйшаў з друку трэці зборнік – «Шляхам жыцця». У ім адлюстраваўся шматпланавы падыход аўтара да жыцця, выявілася жаданне зразумець усебаковасць яго зместу. Гэта, несумненна, адна з вяршынь беларускай паэзіі пачатку XX ст. Паэт пацвердзіў, што адраджэнская мара яго і нацыянальны ідэал застаюцца ранейшымі – вярнуць свой народ на шлях актыўнага жыцця. Аўтар увесь час імкнецца павысіць пасіянарны ўзровень беларускага народа. Яго паэзія не збочвае з дарогі, на якой вырашаецца народны лёс. У зборніку «Шляхам жыцця» назіраецца ўзрастанне суб'ектыўна-лірычнага пачатку, што выявілася як у пашырэнні і паглыбленні ідэйнага зместу многіх вершаў, так і ў пэўных зрухах у сферы формы, якая спалучае ў адным стылі элементы лірыкі, гумару, іроніі, гратэску... Купалаўскі рамантызм выявіў актыўныя, нецярплівыя адносіны да жыцця, адмаўленне тагачаснага ў імя будучыні. Ён патрабаваў ёмістасці душы, здольнай ахапіць усе з'явы і працэсы рэчаіснасці, усё чалавечае існаванне ў цэлым. Паэт шукаў шляхоў да абнаўлення чалавецтва, сцвярджаў ідэю вечнага адраджэння як уласцівасць усяго прыроднага свету.

Творчая спадчына Я. Купалы – шматгранная: вершы, паэмы, п'есы, публіцыстыка. У паэмах «Зімою», «Нікому» (1906), «Сон на кургане», «Курган» (1910), «На куццю» (1911), «Бандароўна», «Магіла льва», «Яна і я» (1913) і інш., як і ў лірыцы, адлюстраваўся актыўны роздум паэта над жыццём і чалавечым лёсам.

У гэтым сэнсе асабліва звяртае на сябе ўвагу вобраз Сама з паэмы «Сон на кургане» – шматзначны, акружаны арэолам духоўнага каларыту і трагізму. Перад намі не толькі рэвалюцыянер – сацыяльны барацьбіт, а рэвалюцыянер-адраджэнец. На прыкладзе Сама паэт раскрывае асабістую драму свайго сучасніка-аднадумцы – рэвалюцыянера-адраджэнца. Адасоблены ад мас, пазбаўлены падтрымкі аднадумцаў і паплечнікаў, ён – фігура трагічная і, можна сказаць, асуджаная на паражэнне, нягледзячы нават на асабістыя высокія маральныя якасці. Сам – адначасова звычайны чалавек і як бы кімсьці зачараваны волат, што ніяк не можа наладзіць сувязь з новым часам. Гэта гордая, нязломная, крэатыўная натура, але разам з тым ён і пакутнік.

Адметнае месца ў Купалавай спадчыне займае паэма «Яна і я». У цэнтры твора дзве абагульненыя чалавечыя асобы – Яна і Я, селянін і яго жонка, жыццё і побыт якіх праходзяць у цесным адзінстве з усімі фазамі земляробчага календара. Гэты твор называюць паэмай-ідыліяй. Мы б назвалі яго своеасаблівым пастаральным раманам, вытрыманым у духу букалічнай традыцыі, якая ў сусветнай літаратуры бярэ свой пачатак яшчэ ад антычнасці. Я і Яна – гэта беларускія Тэлемон і Баўкіда XX ст. У паэме «Яна і я» паэт уславіў дабрыню, харство і маральны абавязак чалавека. Паэма раскрывае маральна-паэтычны свет зямнога існавання асобы, радасць гаспадара і працаўніка. Аўтар паэтызуе жыццё і працу чалавека на зямлі, захапляецца вабнасцю зямнога кахання, услаўляе непасрэднасць адчування прыроды, харство прыроднага ўлоння.

Нацыянальна-адраджэнская тэма была ўзважана паэтам і на шалях гісторыі. У незвычайным свячэнні гістарычных асацыяцый яна паўстала ў паэме «На куццю», упершыню надрукаванай у «Нашай ніве» ў канцы 1911 г. Пачуццё гісторыі ў ёй узмоцнена рамантызмам з уласцівым для яго

абагульненым поглядам на гістарычную мінуўшчыну. У намаляваных Купалам вобразах мінулага рэальнае і ідэальнае спалучаны ў адным рамантычным вобразе, скіраваным не столькі на пазнанне і адлюстраванне гістарычнай рэчаіснасці, уласцівага ёй багацця і разнастайнасці жыццёвых праяў, колькі на выхаванне патрыятычных паводзін сучасніка. Паэтыка тут грунтуецца на ўмоўна-міфалагічнай аснове. Аўтар адкрывае заслону часу, ажыўляе мінуўшчыну, героі глядзяць на нас з глыбіні гісторыі. Дзея адбываецца на калядны вечар на старажытным замчышчы, дзе наладжана святочная вячэра – «куцця». Куцця, кут, пакуцце – этымалагічна блізкія словы. Покуцце – самае ганаровае месца за сталом, дзе звычайна садзілі дзядоў. У купалаўскай паэме на покуцці – князь з княгіняй, вакол – княжацкая дружына. Аўтар не даследуе псіхалогію сваіх герояў, а малюе перад чытачом незвычайнае відовішча, засмужаную туманам часу карціну таго, як князь кліча ганцоў і загадвае ім агледзець «усе пагранічныя капцы». Ганцы, каб выканаць загад князя, адольваюць, так сказаць, не толькі адлегласць у прасторы, але і ў часе: князь пасылае іх са свайго часу ў наш. І што на паверку атрымліваецца? Аказваецца, народ яшчэ жывы. Выканаўшы заданне, ганцы вяртаюцца, каб расказаць князю аб выніках. Абагульняючы адказ князя «Ганцом на іхнія навіны» больш чым аптымістычны:

Не ўмруць, не ўмруць ужо яны,
Раз хочуць сонца, славы, песні,
Заб'юць ім зычныя званы
Прабудным звонам на прадвесні... [4, с. 70].

Прадметна-рэалістычнае напаўненне паэмы зведзена да мінімуму. Абмеркаванне нацыянальнай праблемы адбываецца на такіх вышынях духу, на якія ўваход усяму матэрыяльнаму забаронены. Умоўныя сродкі выразнасці атрымліваюць тут паэтычнае, філасофскае і драматычнае абгрунтаванне.

Значны ўклад Я. Купалы – у драматургію, у развіццё тэатральнай справы. Першы свой сцэнічны твор – камедыю «Паўлінка» – ён напісаў у 1913 г. Яна была пастаўлена на сцэне спачатку ў Вільні, затым у Пецярбурзе і на радзіме – у Радашковічах, што з'явілася значнай падзеяй у гісторыі нацыянальнага тэатра. Тэма камедыі – канфлікт пакаленняў. Характэрныя рысы новага пакалення, што ўваходзіла ў жыццё, – узрастанне ўзроўню нацыянальнай свядомасці, любоў да свабоды, развіты асобасны пачатак, увасоблены перш за ўсё ў вобразе Паўлінкі. Гэты новы тып сцверджаны Купалам у асяроддзі моладзі. Падобны да Паўлінкі і Якім Сарока. Гэта маладая Беларусь у сваім імкненні да чалавечай годнасці, да паўнапраўнага існавання.

Жанравы рэпертуар драматургіі Я. Купалы паступова пашыраецца. Адчуваючы патрэбу публікі і маладога беларускага тэатра ў лёгкай камедыі, ён піша жарт-вадэвіль «Прымакі» (ліпень 1913 г.). Праўда, гэтаму сцэнічнаму «жарту» хапала і сур'ёзнага зместу: аўтар не ўхваляў сацыяльныя і маральныя заганы, на якія хварэлі героі камедыі, – п'янства, абмежаванасць і абыякавасць да жыцця. У верасні 1913 г. Купала завяршыў яшчэ адзін сцэнічны твор – драму «Раскіданае гняздо». Сярод тых зерняў, з якіх узнікла задума «Раскіданага гнязда», была і даўняя родавая крыўда Луцэвічаў на паноў Радзівілаў, якія некалі сагналі сям'ю арандатараў-чыншавікоў з апрацаванай імі зямлі. Дзед Ануфрый Дамінікавіч доўга судзіўся з панамі за роднае гняздо, што адняло ў яго шмат сіл і здароўя і скараціла век. Унук жа, Янка Купала, на пачатку XX ст. вынес сямейную крыўду «на свет цэлы», асэнсаваўшы яе як трагедыю эпахальную, агульнанародную, за якой стаяла ўсё тое ж пытанне: быць ці не быць беларускай нацыі? Драма «Раскіданае гняздо» адлюстроўвала цярністы шлях беларускага сялянства ў пошуках страчанай бацькаўшчыны і лепшай долі.

У 1917 г. паэт адчуў новыя перспектывы, якія адкрыліся перад Беларуссю і беларусамі. Кастрычніцкая рэвалюцыя была, як вядома, не выпадковай з'явай, не «бунтам адзінак», а паўстаннем мас, выбухам стагоддзямі накопленай незадаволенасці існуючымі ў Расіі парадкамі. Яна паўплывала на лёс многіх народаў, у прыватнасці, дала значны штуршок для далейшага станаўлення і развіцця беларускай нацыянальнай ідэі і яе дзяржаўнага ўвасаблення. Творчая работа Купалы ў гэты перыяд патрабавала асабліва высокага духоўнага напружання і паэтычнага напалу. Купалаўскі герой ізноў ахоплены прагай падзей і хваляванняў. Гэта адчуваецца, напрыклад, у вершы «Час!», напісаным у Смаленску 30 кастрычніка 1918 г.:

Час склікаці ўжо грамаду
На вялікую нараду,
На вялікі сход!

Хай рассудзіць, хай разважа,
Слова цвёрдае хай скажа,
Скажа сам народ! [5, с. 33].

Паэзія Купалы палітызуецца, у ёй моцна гучыць тэма беларускай дзяржаўнасці. Настаў момант, калі беларускі народ, на думку Купалы, абавязаны вылучыць са сваіх шэрагаў лідара, здольнага сабраць «у адну ўсю Беларусь сям'ю». На чале дзяржавы павінен стаяць гаспадар, што адпавядала б нацыянальным традыцыям і ўяўленням народа. Гэты заклік на ўсю сілу гучыць у вершы «Паўстань…»:

Паўстань з народу нашага, прарок,
Праяваў бураломных варажбіт,
І мудрым словам скінь з народу ўрок,
Якім быў век праз ворагам спавіт! [5, с. 65].

Біблейскі вобраз Прарока надае паэтычнай гаворцы асаблівую значнасць і ўзнімае яе на агульнанацыянальны ўзровень.

Дзяржаўнае мысленне Купалы асабліва шырока і глыбока адлюстравалася ў яго публіцыстычнай творчасці. Пачынаючы з восені 1919 г., ён друкуе ў беларускіх перыёдыках, што выдаваліся ў Мінску, шматлікія артыкулы, адозвы, фельетоны, у якіх выступае па найбольш актуальных пытаннях адраджэння нацыянальнай дзяржаўнасці і адбудовы Беларусі, абараняючы яе права на самавызначэнне і будаўніцтва свайго нацыянальнага лёсу. Пра надзённасць яго выступленняў добра сведчаць ужо назвы гэтых матэрыялаў: «Адбудова Беларусі» («Звон», 1919, 19 кастр.), «Зямельная спекуляцыя» («Беларусь», 1919, 24 кастр.), «Беларускае войска» («Беларусь», 1919, 26 кастр.), «Моладзь ідзе» («Беларусь», 1919, 15 лістап.), «Незалежная дзяржава і яе народы» («Беларусь», 1919, 29 лістап.) і інш.

Купалаўскі адраджэнскі ідэал шматгранны і гарманічны. Публіцыстыка перыяду грамадзянскай вайны перадае многія яго канкрэтныя рысы. У артыкуле «Незалежнасць», апублікаваным у газеце «Беларусь» за 28 лістапада 1919 г., Купала піша, што апошнім часам узнікаюць і атрымліваюць прызнанне ўсё новыя дзяржавы – Польшча, Літва, Украіна, Латвія і інш., якія, зразумела, маюць поўнае права на незалежнасць. Гэткае ж права мае і Беларусь, але рэалізаваць яго не ўдаецца, перашкаджаюць абставіны і непрыхільнікі беларускай незалежнасці.

У 1922 г. з'явіўся на свет зборнік Я. Купалы «Спадчына», які складаўся з твораў, напісаных у гады Першай сусветнай вайны, Кастрычніцкай рэвалюцыі і грамадзянскай вайны. Сутнасць клопатаў, якімі жыў у гэты час паэт, праблемна падкрэслена ў самой назве зборніка – «Спадчына». Купала не мог заставацца раўнадушным да лёсу роднага краю – разам з народам ён шукаў адказаў на карэнныя пытанні часу, жыў і пакутаваў разам з ім. Зборнік адкрываўся вершам «Спадчына», напісаным 19 верасня 1918 г. У ім на ўсю сілу гучыць патрыятычнае пачуццё паэта, якое складае галоўную ідэю кнігі:

Ад прадзедаў спакон вякоў
Мне засталася спадчына;
Паміж сваіх і чужакоў
Яна мне ласкай матчынай.

Аб ёй мне баюць казкі-сны,
Вясеннія праталіны,
І лесу шэлест верасны,
І ў полі дуб апалены…[5, с. 43].

Кніга «Спадчына» з незвычайнай лірычнай усхваляванасцю і паўнатой адлюстравала карціну нацыянальнага становішча беларускага народа ў пераломна-кульмінацыйны момант яго гісторыі.

Яшчэ раз давялося Я. Купалу выступіць як драматургу: 31 жніўня 1922 г. у Акопах была завершана трагікамедыя «Тутэйшыя», падзеі якой разгортваюцца ў Мінску ў складаны, драматычны час – 1918–1919 гг. Першая дзея ў «Тутэйшых» адбываецца ў лютым 1918 г., калі Мінск акупавалі немцы; другая – у снежні гэтага ж года (адступленне кайзераўскіх войск і прыход Чырвонай Арміі); трэцяя – у ліпені 1919 г. (захоп Мінска легіянерамі Пілсудскага); чацвёртая – у ліпені 1920 г. (вяртанне савецкай улады). Драматург выводзіць на тэатральную сцэну гарадскі тыпаж таго часу: былога калежскага рэгістратара Мікіту Зносака, прайдзісвета Генрыха Мотавіча,

Даму, Папа, Спраўніка, дзяўчыну невядомых заняткаў Насту Пабягунскую. Гэта героі-маскі, кожная з якіх увасабляе пэўны бок тагачаснага жыцця. У вобразе Мікіты Зносака аўтар высмейвае людзей, што здрадзілі народу, яго духоўным каштоўнасцям, адарваліся ад нацыянальнай глебы, гатовы прыстасавацца да любога рэжыму ўлады. У залежнасці ад гэтага ён называе сябе то на рускі манер Нікіціем Знасілавічам, то на польскі – Нікіціўшам Знасілоўскім. Яго жыццёвая філасофія простая да прымітывізму: «А ў мяне... душа рэальная, – гаворыць Мікіта Зносак, – хто мне больш плаціць, таму і служу і чхаць хацеў на ўсякія ідэі». У думках і паводзінах гэтага чалавека адлюстраваліся камічны і трагічны пачаткі, уласцівыя падобнаму тыпу людзей. У яго камізме і трагічнасці праглядваецца старое, заснаванае на сацыяльным і духоўным уціску і эгаізме грамадства, якое нясе сваю долю адказнасці і віны за з'яўленне такога чалавечага феномена – хама і нягодніка.

Захавальнікам нацыянальнай самабытнасці і духоўных асноў асобы выступае ў п'есе Янка Здольнік, ідэалам якога з'яўляецца працоўная, дэмакратычная Беларусь, без цара, паноў і чыноўнікаў. Трагікамедыя «Тутэйшыя» была пастаўлена ў БДТ-1, але спектакль праіснаваў нядоўга. Афіцыйная крытыка адразу ж абвінаваціла аўтара «Тутэйшых» у значных ідэйных недахопах. В. Кнорын – тагачасны сакратар ЦК КПБ – у артыкуле, у якім ішла гаворка пра п'есу «Тутэйшыя», характарызаваў творчасць Я. Купалы і яго паслядоўнікаў як «дробнабуржуазнае народніцтва», далёкае ад пралетарскіх мэтаў класавай барацьбы [2, с. 3]. Вядома, гэта было не так. Я. Купала востра адчуваў змены ў жыцці грамадства і вітаў усё станоўчае, перспектыўнае, што ў ім адбывалася. Сведчанне таму – цудоўны верш «Арлянятам», створаны ў 1923 г. Гэта быў паэтычны зварот да моладзі, наказ свята захоўваць гераічныя традыцыі мінуўшчыны, заклік будаваць новую Бацькаўшчыну:

Вам на памяць Серп і Молат
Даравала доля,
Каб з вас кожны быў, як волат,
Не гнуў плеч ніколі [5, с. 120].

У 1924 г. Купала надрукаваў свой новы твор – паэму «Безназоўнае». Лірычныя абсягі паэмы надзвычай шырокія. Паэт перадае драматызм падзей перыяду грамадзянскай вайны ў Беларусі, адчуванне разбуранасці роднай зямлі, малюе цяжкасці аднаўленчага перыяду, выказвае пазітыўныя спадзяванні на будучыню. Беларусь паўстае тут у сімвалічным вобразе святочна апранутай нявесты:

На галоўцы вянок
З сініх васілёчкаў,
А чырвон паясок
Стан абвіў дзявочы [4, с. 124].

Паэма ўражвае сваім шматгалоссем, багаццем сцвярджэння жыцця, скіраванасцю ў будучыню. Аўтар інтэнсіўна шукае і знаходзіць сродкі, разлічаныя на самы шырокі маштаб абагульнення, не адмаўляючыся пры гэтым ад традыцыйнай народна-песеннай вобразнасці, ад алегорый і сімвалаў (як, напрыклад, той жа «чырвоны паясок» на вясельным убранні нявесты), якія прыдавалі паэме выразнае рамантычнае асвятленне. Як і раней, ён карыстаецца свежым, яркім, каларытным народным словам, якое гучала на вуліцах і плошчах.

Я. Купала, здавалася, быў блізкі да таго, каб канчаткова паверыць, што на Беларусі нарэшце ўсталюецца «права і закон», што народ зажыве нармальным стваральным жыццём, але ў многім старыя звычкі заставаліся, і паэт не мог гэтага не бачыць. 5 чэрвеня 1926 г. напісаны забаронены пазней верш «Акоў паломаных жандар…», які меў тлумачэнне: «На палеміку ў "Сав. Беларусі" аб беларускай мове». Справа заключалася ў тым, што перад гэтым газета «Савецкая Беларусь» надрукавала ананімны ліст з Полацка пад назвай «Вражда из-за языка», у якім у зневажальных, абразлівых выразах гаварылася пра беларускую мову, літаратуру і саміх беларускіх пісьменнікаў. Купала, спрактыкаваны яшчэ на дакастрычніцкім вопыце, распазнае ў ананіме звычайнага шавініста-русіфікатара:

Не па нутру, як смерць, яму,
Што беларускае дзіцё
Бяжыць у сцюжную зіму
У школку пазнаваць жыццё [5, с. 134].

7 лістапада 1927 г. газеты друкуюць паэму Я. Купалы «З угодкавых настрояў», прысвечаную дзесяцігоддзю Кастрычніцкай рэвалюцыі. Фактычнае, рэальнае быццё падмяняецца тут ідэалізаваным адлюстраваннем, фантазіяй, і паэт свядома ідзе на гэта. Ён з вымушаным пафасам услаўляе гістарычныя падзеі рэвалюцыі і новую сацыялістычную рэчаіснасць, аднак некаторыя мясціны гучаць дзіўнавата. Так, напрыклад, паэма заканчваецца радкамі, не пазбаўленымі іранічнай двухсэнсоўнасці:

На дзесятыя угодкі
Варма вараць мёд салодкі,
А па мёдзе – рукі ў бок
Ды у скокі крок у крок!

Скача горад, скача вёска,
Адно іскры з-пад падноскаў...
Скачы, ўнуча, скачы, дзед,
Ад пабедаў да пабед! [4, с. 133].

У апошніх радках аўтар зніжае семантычны план, звяртаецца да парадыравання рэчаіснасці. У выніку – прысмак едкай насмешкі і нейкай нават абсурднасці таго, што адбываецца.

У чэрвені 1934 г. Я. Купала прымае ўдзел у рабоце Першага Усебеларускага з'езда пісьменнікаў, а ў жніўні-верасні ўдзельнічае ў рабоце Першага ўсесаюзнага з'езда савецкіх пісьменнікаў, абіраецца – на зайздрасць белаппаўцам – нават у прэзідыум пісьменніцкага форуму. Сустракаецца з М. Горкім, А. Фадзеевым, А. Талстым, С. Стальскім і інш.

Пасля стварэння адзінага саюза савецкіх пісьменнікаў спектр творчай свабоды мастака яшчэ болей звузіўся. Жорсткія рамкі сацыялістычнага рэалізму строга рэгламентавалі літаратурны працэс і мастацкія пошукі пісьменніка. Купалу практычна ўжо не хапала сіл, каб пазбавіцца ад уласцівай 1930-м гг. сістэмы ідэалагічных каардынат. Тым не менш ён заставаўся выдатным нацыянальным паэтам. Сведчанне таму – лепшыя вершы, якім нельга адмовіць у высакароднасці і патрыятызме, прыярытэце агульначалавечага над вузкакласавым, у высокім мастацкім майстэрстве. Праўда, такіх твораў няшмат. У першую чаргу прыгадваюцца, напрыклад, паэма «Тарасова доля», верш «Генацвале» і некаторыя іншыя. Гэтымі творамі паэт, здавалася б, аддаваў даніну часу – тэма дружбы народаў была ў 1930-я гг. афіцыйнай, праграмнай, санкцыянаванай зверху. Аднак Купала здолеў пераадолець яе казённы статус, асэнсаваць вельмі асабіста, узняць на вышыню сэрца.

Што датычыць драматычных, балявых момантаў народнага жыцця, шматлікіх грамадска-сацыяльных праблем і супярэчнасцей, дык Купала, па вядомых прычынах, не мог іх закрануць. Ён з'яўляўся іх відавочцам, сведкам, але вымушаны быў маўчаць. Апрача таго, улады, трэба думаць, у многім здолелі павесіць перад вачыма паэта такую «памроку», якая засціла ад яго рэальную праўду жыцця.

Да нядаўняга часу вяршыняй лірыкі Купалы 1930-х гг. лічыўся вядомы «ляўкоўскі цыкл», напісаны на дачы ў вёсцы Ляўкі Аршанскага раёна, дзе паэт любіў праводзіць свой летні адпачынак. Гэта вершы «Здаецца ж, было гэта ўчора...», «Сонцу», «Алеся», «Хлопчык і лётчык», «Лён», «Вечарынка», «Сыны», «Старыя акопы», «Госці», «Дарогі», «Сосны» і інш., створаныя ў чэрвені-жніўні 1935 г. У беларускай паэзіі 1930-х гг. яны для многіх прагучалі вельмі нечакана. Раўніцелі артадаксальнага напрамку развіцця савецкай літаратуры (г. зн. сацыялістычнага рэалізму) гатовы былі крытыкаваць Купалу за адыход ад магістральных тэм будаўніцтва сацыялізму, класавай барацьбы ў сферу штодзённага існавання чалавека, яго побыт, нават «інтым».

Так, ляўкоўскія вершы звернуты пераважна да ідэальнага боку жыцця. Аўтар, мяркуючы па ўсім, свядома ішоў да гэтага, мудра адчуваючы прызванне мастака бараніць жыццё, яго адвечны стваральны пачатак, уносіць у навакольную рэчаіснасць гармонію і згоду. Савецкая дзяржава разглядала чалавека ўсяго толькі як суб'ект класавай барацьбы, як будаўнічы матэрыял для светлай будучыні, а ў «ляўкоўскім цыкле» ён раптам трапіў у цэнтр паэтычнай канцэпцыі жыццядзейнасці. Творы, што ўваходзяць у «ляўкоўскі цыкл», далёка не раўназначныя. Скажам, верш «Алеся» хвалюе чытача да гэтага часу. У ім Купала распавядае пра новую долю моладзі. Звычайна лёс беларускай дзяўчыны складваўся наступным чынам:

Будзеш кужаль ты прасці,
Будзеш ткаці кросны,
Выглядаці долі, шчасця
Ў маладыя вёсны [6, с. 65].

У «Алесі» таксама, як і ў вершы «А зязюлька кукавала...» (1921) уводзіцца матыў кукавання зязюлі, але на гэты раз старажытная вяшчуння прадказвае гераіні шчаслівы лёс. Пакаленне Алесі – іншыя, на думку паэта, людзі. Яму і сапраўды здавалася, што споўнілася, нарэшце, яго даўняя мара (успомнім хаця б зборнік «Гусляр») аб абнаўленні і разняволенні чалавека:

Як набралася моцы
Матчына дачушка,
Паляцела да сонца
Пералётнай птушкай.

Паляцела дзяўчына
Самалётам гонкім
Над шчаслівай краінай,
Над роднай старонкай [6, с. 66].

Як паэт Купала валодаў дарам узняць простую з'яву да завоблачных вышынь, і ў вершы «Алеся» гэтае ўменне праявіла сябе ў поўнай меры. Купалаўская «Алеся» – гэта ўслаўленне неадольнай сілы жыцця, перамога агульначалавечага ў свядомасці паэта і ў яго творчасці. Да яе тэматычна прымыкае верш «Хлопчык і лётчык», герой якога таксама захоплены марай адкрыць для сябе шырокі свет з усімі яго таямніцамі. Гэта жаданне блізкае і зразумелае паэту, якому падабаецца цікаўнасць хлопчыка, яго прага да ведаў, здольнасць несці ў свет дабро.

Разам з развіццём мастацкай індывідуальнасці Янкі Купалы ішоў працэс уплыву яго асобы і творчасці на беларускую літаратуру, асабліва паэзію. Менавіта пад дабратворным уздзеяннем Я. Купалы звярнуліся да мастацкага слова, прыйшлі ў прыгожае пісьменства К. Крапіва, П. Броўка, П. Глебка, А. Куляшоў, П. Панчанка, многія іншыя айчынныя паэты.

Асобная старонка нацыянальнай літаратурнай гісторыі – уплыў творчага генія Купалы на ідэйна-мастацкія пошукі заходнебеларускай паэзіі. «У цяжкай шматгадовай барацьбе Заходняй Беларусі за сваё вызваленне, – аўтарытэтна падкрэсліваў у артыкуле "Янка Купала і Заходняя Беларусь" непасрэдны ўдзельнік і знаўца тых грамадска-сацыяльных працэсаў паэт В. Таўлай, – выключную ролю адыграла творчасць Янкі Купалы.

…Дэмакратычныя ідэі і рэвалюцыйныя лозунгі дакастрычніцкай творчасці Купалы аставаліся ў Заходняй Беларусі і надалей надзённымі, праграмнымі, здольнымі ўзнімаць народ на барацьбу за вызваленне ад нацыянальнага і сацыяльнага прыгнёту.

У гэтых творах заходні беларус пазнаваў свае настроі, вобразы свайго паднявольнага жыцця, долю свайго «забранага краю». Нават такія, здавалася б, даўно прагучаўшыя намаганні, як лозунг «людзьмі звацца», не страцілі мабілізуючага значэння і ўзмацнялі пачуццё чалавечай годнасці селяніна-беларуса, да якога польскія памешчыкі і чыноўнікі па старашляхецкай традыцыі ставіліся, як да «хама».

Таму ў асноўным уся дарэвалюцыйная творчасць Купалы, даходзячы да заходнебеларускага чытача, раскрывалася ва ўсёй сваёй патэнцыяльнай сіле і ўздзейнічала на свядомасць самым непасрэдным чынам» [11, с. 196].

У сілавым полі ідэйна-эстэтычнага вопыту і традыцый Я. Купалы развівалася творчасць Г. Леўчыка. У дарэвалюцыйныя гады ён быў, мабыць, адным з самых тыпалагічна набліжаных да народнага песняра беларускіх аўтараў. І гэта не выпадкова. Г. Леўчыку імпанавалі чалавечыя якасці і жыццёвыя прынцыпы Я. Купалы, духоўна-светапоглядныя і мастацка-стылявыя асаблівасці яго творчасці, пазіцыя ахвярнага грамадзянска-патрыятычнага заступніцтва, якую ён абраў, і інш.

У прысвечаным свайму творчаму пабраціму і настаўніку санеце «На Купалле» (1907) Г. Леўчык засведчыў далучанасць да адвечных пластоў народнай свядомасці і маралі, інтарэсаў і мэтаімкненняў сацыяльных нізоў грамадства. Як і ў многіх творах Я. Купалы, у гэтым вершы лірычны герой паўстае ў вобразе нястомнага падарожніка, што зморана крочыць ад адной сялібы селяніна-аратая да другой, мудрага праўдашукальніка, устурбаванага праблемамі і бедамі роднага краю.

Чытаючы некаторыя вершы паэта, напрыклад, такія, як «О, сэрца, ты не плач!», «Хто адрокся сваіх…», «Ёй», «Дружна, брацця!..», «Мы жывём надзеяй...», «Усё пераходзе, у далі знікае» і інш., міжволі звяртаеш увагу на іх тыпалагічныя паралелі і сыходжанні, зместава-вобразнае і паэтыка-стылявое перакліканне з многімі творамі Я. Купалы. Скажам, выразнае ідэйна-эстэтычнае падабенства назіраецца паміж вершамі «Хто адрокся сваіх…» Г. Леўчыка і «Песенька для некаторых маладых людзей» Я. Купалы. У Я. Купалы верш выбудоўваецца ў форме філасофска-аналітычнай развагі, раскутага маналога – з канкрэтнымі адраснымі пасыламі і пералічэннямі. Паэт скрушліва канстатуе, што, займеўшы добрыя пасады, выгадна ўладкаваўшыся ў жыцці, некаторыя «маладыя людзі дужа вучоныя» адмаўляюцца ад сваіх ранейшых ідэй і прынцыпаў, становяцца на шлях здрадлівага адступніцтва ад маральнага абавязку служыць інтарэсам абяздоленых і пакрыўджаных беларусаў. Дактары, «брахунцы-адвакаты», інжынеры, судовыя службоўцы, банкіры і інш. забываюць пра сваё паходжанне, з іх «кожны сыт будзе, багацце чужою То крыўдай, то працай размножа» [3, с. 80]. Асноўнымі носьбітамі асуджэння двурушніцкай абыякавасці і ашуканскага крывадушша «пярэваратняй» маралі маладых «паночкаў» у Я. Купалы выступаюць іронія і сарказм:

Так будзе з вас кожны слядамі йсці дзедаў,
Не знаючы гора нікалькі,
І ўсе вы, і ўсе вы палкі дармаедаў
Сабой павялічыце – й толькі [3, с. 80].

Тое, што ў Я. Купалы фігуруе ў знешне стрыманай, амаль лагоднай форме, у Г. Леўчыка набывае даволі скандэнсаваны выгляд, форму выраку-кленічу, выяўляецца хлёстка і безапеляцыйна, з характэрным народным досціпам і красамоўствам. Ідэйна-зместавая сабранасць твора дапаўняецца эмацыянальна-пачуццёвай запалістасцю і палемічнасцю. Верш звяртае на сябе ўвагу значнай духоўна-маральнай устурбаванасцю аўтара, грамадзянска-патрыятычным пафасам, экспрэсіўнасцю моўных сродкаў:

Хто адрокся сваіх,
Хто стыдацца нас стаў
І прыліп да чужых, –
Каб ён свету не знаў!

Мову родную хто
Пазабыў, асмяяў,
Загубіў за нішто, –
Каб ён свету не знаў! [7, с. 29].

Заходнебеларускі перыяд у творчай працы Г. Леўчыка з’явіўся перыядам далейшага працягу і развіцця духоўна-мастацкіх традыцый Я. Купалы. Рэагуючы на складаныя жыццёвыя рэаліі, разгортванне ў краі народна-вызваленчага руху, яго паэзія ўзбагачалася новымі фарбамі і адценнямі. Яна набіралася пэўнай грамадзянска-патрыятычнай актыўнасці, была прасякнута драматызмам мыслення і перажывання, пафасам адмаўлення. Такія вершы Г. Леўчыка, як «Не нам, беларусам, не нам...», «Я багат, багаты», «Душыцелям слова», «Школьны званок» і інш., нясуць на сабе выразны адбітак Купалавага ўплыву, пераклікаюцца з яго творамі. Як і Я. Купала, Г. Леўчык паэтызаваў высокі грамадзянска-пачуццёвы стан асобы, працу па матэрыялізацыі беларускага народнага духу, рэалізацыі нацыянальнай ідэі. Імкнучыся падхапіць заступніцкую купалаўскую місію, ён бараніў стыхію роднамоўя ад засілля прышлых «ворагаў Беларушчыны», пагардлівай абыякавасці шматлікіх дамарошчаных махляроў і адшчапенцаў.

Ёсць падставы меркаваць, што ў многім знаёмствам з вершам Я. Купалы «Песні вайны» быў навеяны верш Г. Леўчыка «Дажынкі на Беларусі ў 1920 г.». Аб тым, што адзін мастацка-творчы акт стаў рэальна магчымы пасля другога, сведчыць і тая акалічнасць, што пачатковыя радкі абедзвюх строф Леўчыкавага верша ўяўляюць сабой трансфармаваны варыянт аднаго з Купалаўскіх – «І вось жніва, што за жніва!»

Перад намі тыповыя сімвалізаваныя карціны ахвярнага ваярскага пабоішча, якое ў сістэме індывідуальна-аўтарскага мастацкага мыслення па даўняй фальклорна-дэманалагічнай традыцыі выклікае тыпалагічныя асацыяцыі падабенства са жнівом – адвечна-жыццядайным земляробчым

заняткам чалавека. Вершы звяртаюць на сябе ўвагу адметным асэнсаваннем непапраўна-жахлівай трагедыі людскіх лёсаў, сцвярджэннем спаконных духоўна-гуманістычных пачаткаў жыцця. Слоўна-сэнсавыя адзінкі паэтаў – кусцістыя, крамяныя, вобразна-метафарычныя малюнкі – прадметна-рэчыўныя, фактурныя, эмацыянальна-настраёвыя штрыхі і фарбы – тужлівыя, жалобныя. Разам з тым, у адрозненне ад Купалаўскага твора, у якім акцэнтуецца, галоўным чынам, першы складовы элемент асацыятыўнай тыпалогіі, тое, што супастаўляецца, у вершы Г.Леўчыка, дзе карціна ў значна большай ступені фальклорна-сімвалізаваная, першы план аддадзены таму, з чым бітва супастаўляецца, выніку супастаўляльнага параўнання:

...Вось так жнеі, вось так жніва!
«Збожжа» шэра, чорна, сіва...
Гэта ж людзі ў кроўнай лужы, –
Серп пажаў іх гостры, дужы.
Не ў гумне ім – ў гробе быці,
Чэрві будуць малаціці...
Іх зярнят люд не пазнае,
Ўсе «снапы» пясок зраўняе [7, с. 47].

Вершы Г. Леўчыка «Да Беларусі» і «Маё ўваскрэсенне» тыпалагічна блізкія Купалаўскім творам – адпаведна вершу «Я не сокал», паэме «Курган» і вершу «Песня званара».

Ідэйна-эстэтычныя традыцыі Я. Купалы з'явіліся той спрыяльнай глебай, на якой актыўна прадукавалі мастацкія таленты С. Станкевіча, У. Жылкі, П. Пестрака, М. Васілька, М. Машары, Л. Геніюш і многіх іншых заходнебеларускіх паэтаў.

Падзвіжніцкая творчая дзейнасць Я. Купалы вялікі уплыў зрабіла на фарміраванне асобы, станаўленне мастацкай індывідуальнасці, выпрацоўку асноў літаратурнага майстэрства найлепшага паэта Заходняй Беларусі – Максіма Танка.

М. Танк з ранніх гадоў добра ведаў і любіў творчасць Я. Купалы, Я. Коласа і М. Багдановіча, лічыў сябе спадкаемцам традыцый выдатных нацыянальных майстроў слова, аб чым сведчаць многія яго дзённікавыя нататкі, а таксама прысвечаныя паэтам мастацкія творы. «У годы свайго станаўлення як паэта, – напамінаў ён у лісце да аднаго з аўтараў артыкула, М. Мікуліча, – арыенцірамі ў маіх пошуках нацыянальнай самасвядомасці, сацыяльнай справядлівасці перадусім была творчасць Я. Купалы і Я. Коласа». У вершах «Янку Купалу», «28 чэрвеня» і іншых паэт адзначае, што «ў дні мінулае нядолі» Купалавымі «песнямі народ Рваў межы, кайданы няволі і прывітаў зары усход», прызнаецца, што на старонках яго «несмяротных кніг» здаўна шукаў і знаходзіў адказы «на ўсе пытанні»: «З крыніц тваіх жывучых песень Мы ўсе пілі гаючы сок. Твой творчы шлях у даль прамянее, Не зарасці яму трысцём…» [12, с. 82, 84].

Малады М. Танк даволі актыўна і плённа развіваў шмат якія характэрныя асаблівасці ідэйна-мастацкага свету Я. Купалы. Так, у шэрагу твораў Я. Купалы дарэвалюцыйнага перыяду, паварочваючыся рознымі гранямі, раскрываецца культурна-асветніцкая праблематыка. Паэт працягваў адпаведную традыцыю нацыянальнай літаратуры, запачаткаваную яшчэ Ф. Скарынам і прадоўжаную пісьменнікамі XIX стагоддзя. Праграмны верш «Вучыся…», напрыклад, актуалізуе думку аб дужа важнай ролі вучобы, сістэмы грунтоўных ведаў, адукацыі на канкрэтным этапе жыццядзейнасці нацыі, у перспектыўным вырашэнні многіх адвечных праблем сацыяльных нізоў. Яны садзейнічаюць росту самасвядомасці беларусаў, станаўленню і развіццю іх духоўна-сацыяльнага ідэалу, пасабляюць «Змагацца з нядоляй, з няволяй»:

Вучыся, нябожа, вучэнне паможа
Змагацца з нядоляй, з няволяй…
Што мучыць сягоння, што думкі трывожа, –
Збяжыць і не прыйдзе ніколі.
……

Крыўдзіцеляў зможаш, след вечны праложыш
І к долі, і к волі, і к славе…
Адно ты прачніся, вучыся, як можаш,
Ці дома, ці на школьнай лаве [3, с. 144, 145].

«Верш “Вучыся, нябожа”, – падкрэсліваў В. Таўлай у артыкуле “Творчасць Янкі Купалы ў барацьбе за ўз’яднанне беларускага народа”, – разбудзіў цягу да асветы многіх тысяч людзей. Ён здаваўся як бы адмыслова напісаным для Заходняй Беларусі» [11, с. 215].

Выкарыстоўваючы мастацкі вопыт Я. Купалы, распрацоўваючы гэты аспект ідэйнай праблематыкі яго творчасці, напрыклад, у вершы «Школьнік», даверaснёўскі М. Танк укладвае ў яго новы, актуальны для заходнебеларускай рэчаіснасці змест, напаўняе матывамі змагання беларусаў за ўз’яднанне ў адзінай дзяржаве (далёка не выпадковы тут факт згадвання зборніка вершаў выдатнага паэта):

Ідзеш ты, мой браце, нялёгкай дарогай
Навуку мазольна сабе здабываць.
Сячэ дождж асенні, стаміліся ногі,
Навокал – нікога нідзе не відаць.

Лазовыя лапці, аборы апалі,
Кашуля-дзяруга, сярмяжына – з лат,
За пазухай – луста з «Жалейкай» Купалы…
Ну што ж ты задумаўся, брат?

Знай: хутка ты ўбачыш свой край у світанні,
У ззянні чырвоным усходніх зарніц…
Ты мусіш змагацца, а ў гэтым змаганні
І песні, і сонца, і волю здабыць! [10, с. 62].

Значнае месца ў творчасці Я. Купалы ранняга перыяду належыць тэме і вобразу працы. Праз многія вершы паэта, напрыклад, такія, як «На старую ноту», «З песень беларускага мужыка» і інш., скразной ніткай праходзіць думка аб тым, што праца заключае ў сабе вялікія патэнцыяльныя магчывасці, выкарыстанне якіх можа вывесці на значныя вынікі, тоіць у сабе перспектывы грамадска-сацыяльных зрухаў і пераўтварэнняў. Пры гэтым, па ўсім відаць, асноўную стаўку паэт рабіў на асаблівасці сімвалізацыі вобраза працы, прыём мастацкай умоўнасці і абстрагаванасці. Ва ўсякім выпадку якраз такое адчуванне застаецца пасля прачытання вершаў «Касьба», «Чаго нам трэба» і некаторых іншых:

Дружна йдзі, бедны люд, калі сонца к касьбе
Кліча з неба ды голадам мучышся ты;
Рэж траву, дабывай долю сілай сабе,
З часам выйдзеш і ты з беднаты, з цемнаты [3, с. 225].

М. Танк, непасрэдны ўдзельнік і пясняр змагарскага руху народа Заходняй Беларусі, развіваючы і паглыбляючы купалаўскі вобраз працы, шмат у чым відазмяняе яго. У вершах «Палавічнік», «Жнівам», «Жаць ідзе батрачка рана…» і іншых паэт, з аднаго боку, канкрэтызуе і завастрае яго, надзяляе рэальна-гістарычнымі рысамі, а з другога – вобраз працы, як правіла, вырастае і развіваецца ў яго творах на глебе павышанай экспрэсіўнасці перажыванняў лірычнага героя, падкрэслена-канцэнтраванага выяўлення жыццёвых працэсаў і супярэчнасцей, узбуйняецца сэнсава і эмацыянальна. Ён выводзіцца на шырокія абсягі філасофска-канцэптуальнай важкасці і шматмернасці, пратвараецца ў адну з самых значных і характарыстычных духоўна-эстэтычных катэгорый:

Плуг у руках,
З ім чарадзей я на чорных барознах
У шэрай сярмязе і ў лапцях лазовых…
Чорныя
скібы
кругом.

Дыхаюць грудзі
Шырай і шырай…
Сінім прасторам і даллю.
Што ж не ляціш ты, жалезны мой вырай,
Не адклікаешся сталю?
Чорныя
скібы
кругом.

Звоніць аб камень
Сталёвы нарог.
Конь упіраецца, скібы цяжкія… [10, с. 39].

Своеадметнасцю праблемна-тэматычнага плана, у пэўнай ступені асацыятыўнай вобразнасцю верш М. Танка «Чорныя скібы» пераклікаецца з вядомым купалаўскім «Араты»:

Цягнецца араты
За сахой крывой.
Конік слепаваты
Трасе галавой.

Бразджыць, скача сошка
То на пень, то з пня…
Цяжанькая ношка,
Араты, твая! [3, с. 32].

Думаецца, шмат у чым арыентуючыся на рамантычна-ўзвышаныя, напружана-дынамічныя творы Я. Купалы, М. Танк схіляўся ў сваёй заходнебеларускай лірыцы да ідэйна-зместавай значнасці і ёмістасці, падкрэсленай канцэнтраванасці вобразна-метафарычнага насычэння радка. Часта ў нязмушанасці прамаўлення, знешняй вяласці і «расхрыстанасці», сінтаксічнай раскутасці паэтавага слова была заключана гранічная ўнутраная сабранасць і сканцэнтраванасць, прытоены залежы вялікай энергіі і волі, пачаткі сапраўднага літаратурнага мастацтва. На першы погляд перад намі досыць хаатычна накіданыя штрыхі, а ў іх, між іншым, – цэласная карціна заходнебеларускай рэчаіснасці, гісторыя чалавечага лёсу:

Аловак адабралі –
Пішу скупым промнем сонца,
што прабіўся праз краты;
Паперы няма –
Пішу на стаптаным паліцэйскімі ботамі,
Акрываўленым лісце сваёй памяці;
Маркі няма –
Наклейваю на грыпс
Надзею сваю… [10, с. 66].

Здаецца, якраз да гэтых праграмных радкоў М. Танка адносіцца вядомае заключэнне крытыка М. Гея пра тое, што мастацкі твор ёсць «высокаарганізаваная слоўная сістэма, слоўны арганізм, складаная сузалежнасць і спалучэнне структур, такое ўтварэнне, у якім кожная клетачка – элемент цэлага. Яна абавязкова змястоўная сама па сабе (“в себе”) і, вылучаючы свой гэты змест, яна атрымлівае “назад” новы змест ад гэтага цэлага» [1, с. 166]. З усімі на тое падставамі дадзены верш трэба разглядаць як матэрыялізацыю адной з самых ёмістых і вычарпальных формул тагачасных ідэйна-мастацкіх шуканняў маладога паэта. Менавіта праз аспекты такой ці блізкай да яе «высокаарганізаванай слоўнай сістэмы», асноўнымі з якіх з’яўляюцца сэнсавая важкасць і канцэнтраванасць, асацыятыўна-метафарычная парадаксальнасць і шматмернасць, маштабнасць і адначасова прадметная рэчыўнасць малюнка, урэшце, фармальная, паэтыка-стылявая раскутасць, праходзіла далейшае паглыбленне індывідуальна-аўтарскага пачатку лірыкі М. Танка.

Я. Купала шчыра вітаў звестку аб уз’яднанні Заходняй Беларусі ў адзінай БССР. Паэт у складзе пісьменніцкай брыгады наведаў Брэстчыну, Гродзеншчыну, Беласточчыну, Віленшчыну... У тым жа 1939 г. ён апублікаваў цыкл вершаў «На заходнебеларускія матывы»:

Ты з Заходняй, я з Усходняй
Нашай Беларусі,
Больш з табою ўжо ніколі
Я не разлучуся [6, с. 157].

Гэтыя радкі паэт чытаў на пасяджэнні Народнага сходу Заходняй Беларусі, які адбыўся 26 кастрычніка 1939 г. у Беластоку. Тады ж, у кастрычніку, ён разам з Я. Коласам піша і друкуе зварот да пісьменнікаў Заходняй Беларусі.

Вялікая Айчынная вайна заспела Купалу ў Каўнасе, дзе ён знаходзіўся па запрашэнні літоўскіх пісьменнікаў. Адтуль паэт спешным парадкам вяртаецца ў Мінск, але нямецкія бомбы сыпаліся ўжо і на сталіцу Беларусі. Я. Купала выязджае на дачу ў Ляўкі, а адтуль, калі фронт пачаў набліжацца, – у Маскву. На старонках «Правды», «Известий», «Красной звезды» і іншых газет паэт выступае з вершамі і ўсхваляванымі публіцыстычнымі артыкуламі. Хто не памятае магутнай духаўздымнай сілы вершаў «Беларускім партызанам», «Зноў будзем шчасце мець і волю» і інш.:

Партызаны, партызаны,
Беларускія сыны!
За няволю, за кайданы
Рэжце гітлерцаў паганых,
Каб не ўскрэслі век яны [6, с. 172].

Верш «Беларускім партызанам» размнажаўся ў падпольных партызанскіх друкарнях, распаўсюджваўся на захопленай ворагам тэрыторыі Беларусі. Паводле сваёй паэтыкі ён нагадвае лепшыя ўзоры паэзіі Я. Купалы дарэвалюцыйнай пары – высакародныя, гуманістычна-наступальныя вершы «Зашумеў лес разгуканы», «Пойдзем...», «Родныя песні», «Ворагам Беларушчыны» і інш. з уласцівым для іх лірыка-публіцыстычным пафасам. У вершах Я. Купалы 1941–1942 гг. нібы абудзілася яго маладая творчая сіла, здольнасць увабраць у сваім лірычным «я» агульную, усенародную эмоцыю і волю і выявіць гэта так, каб пачулі і ўспрынялі ўсе.

Восенню 1941 г. пачалася эвакуацыя і з Масквы. Купала пераязджае ў гарадскі пасёлак Печышча Татарскай АССР, які знаходзіўся за 14 кіламетраў ад Казані. Нягледзячы на кепскі стан здароўя, паэт не спыняе актыўнай грамадскай і літаратурнай дзейнасці. У Печышчах ён напісаў вершы «Хлопчык і лётчык на вайне», «Грабежнік», «Дзесяць асінавых колляў», «Зноў будзем шчасце мець і волю», «Паўстаў народ». У гэтых вершах-закліках Купала з гневам і нянавісцю выкрывае нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Ён горача верыў у перамогу свайго народа і змагаўся за яе.

Не стала Янкі Купалы 28 чэрвеня 1942 г. Апошні акт жыццёвай драмы вялікага беларускага нацыянальнага паэта да нашага часу пакрыты таямніцай. Ёсць, здаецца, небяздоказныя меркаванні, што Купала памёр не сваёй смерцю, што яго ўсё ж такі наздагнала няўмольная сталінская «ласка».

Пахавалі Янку Купалу 1 ліпеня 1942 г. у Маскве на Ваганькаўскіх могілках. Праз дваццаць гадоў прах паэта быў перавезены ў Мінск і пахаваны тут, на Вайсковых могілках, побач з магілай Якуба Коласа.

Творчасць Янкі Купалы ад першага і да апошняга верша належыць Беларусі і яе нацыянальнай культуры. Я. Колас слушна заўважыў, што «нельга ўявіць беларускі народ без такой велічнай постаці, як Янка Купала». У Купале, як і ў самім Коласе, а таксама ў Багдановічу, Гарэцкім, Гаруне выявіўся духоўны вынік усіх папярэдніх этапаў сацыяльна-гістарычнага развіцця беларускага народа. Творчасць Купалы дае яскравае ўяўленне пра самыя істотныя, вызначаьныя рысы беларускага нацыянальнага характару – чалавечую годнасць, духоўную моц і сілу, працавітасць, талерантнасць і інш. «У сьвеце літаратуры, – разважаў, адказваючы на пытанні аднаго з аўтараў артыкула, М. Мікуліча, Р. Барадулін, – Янка Купала займае сваё, Богам дадзенае яму мейсца, бо па Янку Купалу ў першую чаргу ведалі, ведаюць і яшчэ доўга будуць ведаць беларускае гожае пісьменства. У сьвеце людства зноў жа Янка Купала займае адметнае мейсца, бо па Янку Купалу ў першую чаргу трэба меркаваць пра Беларусь, пра беларусаў, пра беларушчыну. Беларускі характар у асобе Янкі Купалы атрымаў сваё адухоўленае завяршэньне» [8, с. 202].

З шэрагу сваіх папярэднікаў і паэтаў-сучаснікаў Янку Купалу вылучае магутны пяснярскі тэмперамент, незвычайная сіла лірызму, напал унутранай энергіі, шырыня ахопу з'яў жыцця. Купала адкрыў самыя разнастайныя бакі і праявы чалавечага існавання, творчасць паэта ўвабрала ў сябе прасторы сусвету. Маштаб чалавечай асобы ў яго вызначаецца ў барацьбе з сіламі зла і прыгнёту. Ён рана зразумеў, што ўсякі ўціск над асобай – злачынства, і ўсё жыццё змагаўся з крыўдай, несправядлівасцю і адступленнямі ад глыбінных законаў жыцця.

Рухаючай сілай Купалавай творчасці была любоў да людзей, у чалавечай асобе ён бачыў стымул і самамэту грамадскага развіцця. Арганічнае спалучэнне сацыяльнай праблематыкі і нацыянальнай, агульнанароднай і асабістай, духоўнай зрабіла Я. Купалу буйнейшым прадстаўніком беларускай літаратуры XX стагоддзя.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Гей, Н. К. Искусство слова: о художественности литературы / Н. К. Гей. – М.: Наука, 1967. – 346 с.
2. Звезда. – 1922. – 17 сент. – С. 3.
3. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1995. – Т. 1: Вершы, пераклады 1904–1907. – 462 с.
4. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1999. – Т. 6: Паэмы, пераклады. – 430 с.
5. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала.– Мінск: Маст. літ., 1997. – Т. 4: Вершы, пераклады 1915–1929. – 446 с.
6. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1998. – Т. 5: Вершы, пераклады 1930–1942. – 278 с.
7. Леўчык, Г. Доля і хлеб: выбраныя творы / Г. Леўчык. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 192 с.
8. Микулич, М. «Мы все – дети Купалы…» / М. Микулич // Нёман. – 2012. – № 7. – С. 201–205.
9. Минский курьер. – 1908. – 23 авг. – С. 3.
10. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. / М. Танк. – Мінск: Беларус. навука, 2006. – Т. 1: Вершы (1930–1939). – 374 с.
11. Таўлай, В. Творы / В.Таўлай. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1961. – 404 с.
12. Янку Купалу. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1949. – 361 с.

References

1. Gei N. K., *Iskusstvo slova: o khudozhestvennosti literatury* [The Art of the Word: the Artistry of Literature], Nauka, Moscow, RU, 1967.
2. *Zvezda* [Star], 1922, 17 September, p. 3.
3. Kupala Ia., *Pouny zbor tvorau: u 9 t., T. 1: Vershy, peraklady 1904–1907* [Complete Works: in 9 v., V. 1: Poems, translations, 1904–1907], Mastatskaia Litaratura, Minsk, BY, 1995.
4. Kupala Ia., *Pouny zbor tvorau: u 9 t., T. 6: Vershy, peraklady* [Complete Works: in 9 v., V. 6: Poems, translations], Mastatskaia Litaratura, Minsk, BY, 1999.
5. Kupala Ia., *Pouny zbor tvorau: u 9 t., T. 4: Vershy, peraklady, 1915–1929* [Complete Works: in 9 v., V. 4: Poems, translations, 1915–1929], Mastatskaia Litaratura, Minsk, BY, 1997.
6. Kupala Ia., *Pouny zbor tvorau: u 9 t., T. 5: Vershy, peraklady, 1930–1942* [Complete Works: in 9 v., V. 5: Poems, translations, 1930–1942], Mastatskaia Litaratura, Minsk, BY, 1998.
7. Leÿchyk G., *Dolia i khleb: vybranyia tvory* [Fate and Bread: Selected Works], Mastatskaia Litaratura, Minsk, BY, 1980.
8. Mikulich M., "We are All Kupala's Children ...", *Neman* [Neman], 2012, no. 7, pp. 201–205.
9. *Minskii kur'er* [The Minsk Courier], 1908, 23 August, p. 3.
10. Tank M., *Zbor tvorau: u 13 t., T. 1: Vershy (1930–1939)* [Works: in 13 v., V. 1: Poems (1930–1939)], Belaruskaia Navuka, Minsk, BY, 2006.
11. Taulai V., *Tvory* [Compositions], Dziarzhaunae Vydavetstva BSSR, Minsk, BY, 1961.
12. *Ianku Kupalu* [To Yanka Kupala], Publishing House of the Academy of Sciences of BSSR, Minsk, BY, 1949.

Информация об авторах

Гниломедов *Владимир Васильевич* – акад., д-р филол. наук., проф., гл. науч. сотрудник. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: bel-centre@bas-net.by.

Микулич *Николай Владимирович* – канд. филол. наук, доцент, зав. отделом. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mikmik43@gmail.com.

Information about the authors

Gnilomedov *Vladimir Vasilyevich*, Academician, D. Sc. (Philol.), Professor, Chief Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: bel-centre@bas-net.by.

Mikulich *Nikolay Vladimirovich*, Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Head of Department, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E -mail: mikmik43@gmail.com.

Для цитирования

Гніламедаў, У. В. Прарок адраджэння (Да 135-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы) / У. В. Гніламедаў, М. У. Мікуліч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 87–102.

For citation

Gnilomedov, V. V. The Prophet of Renaissance (To the 135th Anniversary of Yanka Kupala's Birth) / Gnilomedov, V. V. and Mikulich, N. V. // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 87–102.

ISSN 1024-5928 (print)
УДК 882.161.3.09(092)Колас Я.“19”

Паступіў у рэдакцыю 16.05.2017
Received 16.05.2017

М. А. Тычына

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

ЯКУБ КОЛАС: НАЦЫЯНАЛЬНАЯ КЛАСІКА Ў БЕЛАРУСКАЙ І СУСВЕТНАЙ ЛІТАРАТУРЫ
(Да 135-годдзя з дня нараджэння Якуба Коласа)

Исследуется творчество Якуба Коласа как часть белорусской литературы в диалоге с европейской культурой. Рассматриваются целостное представление о связях социально значимых событий, явлений и фактов актуального литературного процесса, возобновление двустороннего диалога между европейской и отечественной литературной наукой.

Ключевые слова: белорусская классика, теоретический аспект, направления и тенденции, информационная природа литературы.

M. A. Tychino

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

YAKUB KOLAS: NATIONAL CLASSICS IN BELARUSIAN AND WORLD LITERATURE
(To the 135th Anniversary of Yakub Kolas's Birth)

Yakub Kolas's work is explored as part of Belarusian literature in the dialogue with European culture. The following aspects are addressed: an integral understanding of links between socially important events, phenomena and facts of the relevant literary process and the resumption of a bilateral dialogue between European and Belarusian literary science.

Keywords: Belarusian classics, theoretical aspect, trends and tendencies, informational nature of literature.

У сусветную літаратуру Якуб Колас увайшоў як «беларускі Гамер», з'яўленне якога беларуская інтэлігенцыя чакала з часоў В. Равінскага і К. Вераніцына, Я. Баршчэўскага і В. Дуніна-Марцінкевіча. Створаныя ім паэтычныя эпасы «Новая зямля» і «Сымон-музыка» нездарма параўноўвалі з гамераўскімі «Іліядай» і «Адысеяй», паэмамі А. Пушкіна «Яўгені Анегін», А. Міцкевіча «Дзяды», «Пан Тадэвуш», а яго раман-трылогію «На ростанях» – з раманамі А. дэ Бальзака, Ч. Дзікенса, Л. Талстога. З імем Якуба Коласа, аднаго з заснавальнікаў беларускай літаратуры Новага часу, звязана ўяўленне аб асілках беларускага нацыянальна-культурнага Адраджэння, якія ўзялі на сябе высокую місію – будзіць народ ад векавечнага сну, спрыяць станаўленню беларускай дзяржаўнасці, стварыць беларускую літаратурную мову, беларускі класічны стыль, адрадзіць беларускую мову.

Творчасць Якуба Коласа стала вытокам найвялікшых ідэйна-мастацкіх адкрыццяў і дасягненняў беларускай літаратуры, якую Якуб Колас, поруч з Янкам Купалам і Максімам Багдановічам, пачынаў выводзіць з зародкавага стану на еўрапейскі ўзровень. У лепшых яго творах ажыццявіўся сінтэз шматвяковых нацыянальных традыцый з культурнымі набыткамі чалавецтва. Беларуская літаратура ў яго паэзіі і прозе дасягнула сваёй творчай сталасці, пераадолела рэшткі правінцыяльнасці і выйшла на сусветную арэну. Разам з Максімам Гарэцкім і Кузьмой Чорным пісьменнік выводзіў беларускую прозу на шлях класічнага рэалізму, узбагачаў яе мастацкую практыку і эстэтычную тэорыю творчымі набыткамі еўрапейскіх літаратур.

Паэтычныя ідэалы агульнанацыянальнага маштабу Якуб Колас змог натуральна злучыць з рэалістычным пафасам, выяўленым у імкненні пераадольваць негатыўныя вынікі падняволь-нага становішча беларусаў як нацыі і ствараць паэтычную міфалогію беларускай рэчаіснасці. Якуб Колас – геніяльны мастак слова, носьбіт настрояў і ідэалаў беларускага грамадства першай паловы XX ст., сапраўды народны пісьменнік. У свядомасці беларусаў імя Якуба Коласа знаходзіцца заўсёды побач з імёнамі пачынальнікаў еўрапейскіх літаратур: Дантэ – у Італіі, Шэкспірам –

© Тычына М. А., 2017

у Англіі, Гётэ – у Францыі, Пушкіным – у Расіі, Міцкевічам – у Польшчы, Шаўчэнкам – на Украіне, Л. Гіра – у Літве, Я. Райніс – у Латвіі. Новыя і новыя пакаленні беларусаў, засвойваючы гістарычны вопыт папярэднікаў, на адным з самых вялікіх скрыжаванняў «беларускага шляху» сустракаюцца з вячыстай асобай Якуба Коласа, які стаіць ля вытокаў цэлай літаратурнай эпохі.

Натуральна, калі «великие мира сего» ўступаюць у дыялог са сваімі папярэднікамі, а найвышэйшыя дасягненні нацыянальнай думкі пераклікаюцца з класічнымі формамі сусветнай літаратуры і культуры. Як вядома, эстэтычныя каштоўнасці не цьмеюць з часам, а, наадварот, набываюць асаблівую мастацка-культурную вагу. У творчасці У. Сыракомлі выявіўся адзін з феноменаў такога ўзаемадзеяння, калі беларуская літаратура стала ў пэўным сэнсе «перадатачным звяном» паміж польскай і рускай літаратурамі. З аднаго боку, У. Сыракомля пераклаў на польскую мову вершы А. Пушкіна і іншых паэтаў, а з другога – яго польскамоўны верш-балада «Паштальён» рускі паэт Л. Трэфалеў пераклаў на рускую мову пад назвай «Ямщик» – верш стаў папулярнай народнай песняй. А ў творчасці Я. Лучыны ёсць моманты, якія даюць падставу гаварыць пра ўскосную сувязь А. Пушкіна і Я. Коласа. Уплыў пушкінскай музы навідавоку ў нешматлікіх рускамоўных вершах Я. Лучыны. У баладзе «Стары ляснік», напісанай па-беларуску, і асабліва ў польскамоўнай паэме «Паляўнічыя акварэлькі з Палесся» надзвычай шмат таго, што пазней трывала ўвайшло ў паэтычны актыў Я. Коласа, аўтара паэмы «Новая зямля». А паэт А. Гурыновіч першым сярод сваіх сучаснікаў адчуў патрэбу ў перакладзе вершаў А. Пушкіна на беларускую мову: верш «Рэха». Да пушкінскіх паэтычных і празаічных твораў звернуцца як перакладчыкі многія беларускія пісьменнікі, сярод іх Я. Купала і Я. Колас, А. Куляшоў і Ю. Гаўрук, К. Чорны і А. Якімовіч.

У 1899 г. у Нясвіжскай настаўніцкай семінарыі, дзе вучыўся на 2-м курсе Кастусь Міцкевіч (Якуб Колас), адзначаўся 100-гадовы юбілей А. Пушкіна, далучыўся і малады паэт, як і тады, калі адзначаліся юбілеі М. Някрасава і У. Караленкі. У свядомасць не толькі адукаваных колаў беларускай грамады, але і прадстаўнікоў сялянскай масы трывала ўвайшлі многія творы вышэйназваных паэтаў і празаікаў. Як сведчаць блізкія сямейнікі беларускіх Міцкевічаў, у іх бацькоўскай хаце поруч з партрэтам Пушкіна нязменна вісеў партрэт цёзкі па прозвішчы Адам Міцкевіч. Духоўныя параметры беларускай літаратуры канца XIX і пачатку XX стагоддзя – калі ў рукі падлетка Кастуся Міцкевіча ўпершыню трапілі танныя выданні «народнай бібліятэкі», якія неаднаразова прывозіў з мясцовага кірмаша дзядзька Антось Міцкевіч, бо і сам цікавіўся чытаннем, а не толькі яго пляменнікі. Гэта былі байкі І. Крылова, вершы А. Пушкіна, апавяданні М. Гогаля. Наогул вёска Мікалаеўшчына ў гэтых адносінах прыкметна вылучалася, бо тут жыў і нагадваў пра сябе культ адукацыі, было шмат настаўнікаў, што прыкметна выяўлялася і ў побыце сялянскай сям'і Міцкевічаў. Першым ацаніў талент Кастуся ягоны бацька Міхал, даўшы сыну ў якасці ганарару рубель за верш «Вясна».

Якуб Колас увасабляў у сабе, у сваім жыцці і сваёй творчасці меру, гармонію, раўнавагу, прастату, яснасць, шлях паміж крайнасцямі і празмернасцямі. Чым вызначаецца Колас як творчая індывідуальнасць? А. Адамовіч на гэта пытанне адказаў так: «Іменна тым, што ніводная якасць, рыса яго таленту не засланяе сабой іншыя: ён у аднолькавай ступені лірык і эпік, філосаф і бытапісальнік, рамантык і па-народнаму мудры і практычны чалавек. Надзвычайная цэласнасць светаадчування, багацце пачуццяў – ад самага светлага да сурова-трагічнага, па-народнаму просты і цвярозы погляд на рэчы, пастаянная і, як у самога народа, зацятая варожасць да таго, што перашкаджае працоўнаму чалавеку жыць у шчасці, – вось што характарызуе творы Я. Коласа. Стыль гэтага пісьменніка просты і адначасова шматгранны і складаны. Гэта тое дзённае сонечнае святло, у складзе якога – усе колеры спектра» [1].

Але ж менавіта такое самае ўяўленне склалася ў нашай свядомасці і пра Пушкіна, асноўнай асаблівасцю творчасці якога літаратурная навука прызнае меру, цэласнасць мастацкага свету, «спалучэнне ў ім шмат чаго з таго, што або адначасова, або праз доўгі час знойдзе сваё асобнае адлюстраванне ў літаратуры», «усёабдымнасць», «энцыклапедычнасць», «прастату і натуральнасць», нарэшце «пратэізм» (дзівосная шматстайнасць і не менш дзівоснае ўнутранае адзінства, спалучэнне неспалучальнага, пераадоленне супярэчнасцей [2].

Дарэчы, гэтую блізкасць творчых індывідуальнасцей Пушкіна і Коласа заўважыў у свой час той жа А. Адамовіч, які, адзначаючы шматграннасць таленту беларускага пісьменніка, пісаў: «Жыццё, праламляючыся праз гэтую індывідуальнасць, як бы не страчвае ні адной грані, ні адной

сваёй фарбы, настолькі багатая ў Я. Коласа мастацкая палітра. Як у вялікага Пушкіна, кожны твор Я. Коласа, акрамя канкрэтнай ідэі, заключае ў сабе і агульную філасофскую думку аб багацці і невычарпальнасці форм і праяўленняў жыцця. Незвычайная гармонія думкі і пачуцця, уменне паказаць, зберагчы жыццёвыя прапорцыі – вось што характарызуе лепшыя творы Я. Коласа» [3].

Складванне класічнага стылю ў беларускай літаратуры, у працэсе якога роля Коласа неацэнная, адбывалася на працягу кароткага перыяду часу, названага пазней «нашаніўскім». У творчасці Коласа, па сутнасці, зроблена адно з вялікіх стылявых адкрыццяў, якія высоўваюць яго імя ў шэраг пісьменнікаў сусветнага маштабу, бо яго паэтычныя эпасы, паэма-дылогія «Новая зямля» і «Сымон-музыка», не маюць аналагаў ў гісторыі сусветнай літаратуры, акрамя гамераўскага эпасу і паэм А. Міцкевіча «Дзяды» і «Пан Тадэвуш». Коласаўскія адкрыцці адыгралі вялікую ролю ў развіцці беларускай эпічнай традыцыі і выявіліся ў раманнай творчасці К. Чорнага, І. Мележа, В. Адамчыка, І. Чыгрынава. Яны грунтаваліся на паўнаце нацыянальнага жыцця ў яго шматстайных праявах і набывалі статус своеасаблівага мастацкага эталона ў беларускай літаратуры, да якога ўвесь час імкнуцца наблізіцца пісьменнікі «коласаўскай школы». Адкрыты Коласам «вялікі стыль» зрабіў незвычайны ўплыў на творчае развіццё беларускай класічнай традыцыі, сінтэзаваўшы ў сабе многія якасці і мастацкія адкрыцці папярэднікаў: паэтызацыя сялянскага побыту, унікальнае спасціжэнне прастаты і складанасці, энцыклапедызм, творчая свабода, «пункты росту» ў эстэтычных пошуках, значэнне ідэйнага і мастацкага вопыту, працэс абуджэння нацыянальнай самасвядомасці беларусаў, эстэтычнае і мастацкае станаўленне беларускай літаратуры.

Беларуская мова, нягледзячы на шматлікія гістарычныя прэцэдэнты яе актыўнага выкарыстання ў сферы дзяржаўна-культурнага жыцця, у мастацкай літаратуры, у канцы XIX і пачатку XX ст. была яшчэ недастаткова развітой, каб выяўляць многія з'явы і паняцці, засвоеныя больш перадавымі, развітымі літаратурамі свету. Нешта падобнае адбывалася і ў рускай літаратуры, калі ў пачатак яе развіцця ўваходзіў Пушкін. І Пушкін, і Колас востра адчувалі розніцу паміж гутарковай мовай і мовай сучаснай ім літаратуры, якая павінна была шукаць выразы «для рэчаў самых звычайных». Моўнае самавызначэнне Я. Коласа адбывалася няпроста – пэўны час у яго свядомасці наогул пераважала трывожная думка аб тым, што напісанае на беларускай мове проста не дойдзе да чытача ў друкаваным выглядзе. Першая спроба пісаць па-беларуску «пад Гогаля» ў нарысе «Наша сяло, людзі і што робіцца ў сяле» была невысока ацэнена самім аўтарам, хоць тут ужо многае тыпова коласаўскае ў адносінах да жыцця выявілася вельмі выразна.

У першым нумары газеты «Наша доля» на беларускай мове з'явіўся верш Я. Коласа «Наш родны край». Беларуская мова была той стыхіяй, у якой пачынаючы паэт жыў штодня і штохвіліны, яна не ўспрымалася як нешта незвычайнае, узвышанае, мастацкае, а хутчэй – як нешта вельмі звыклае, зямное, прыдатнае для штодзённага выкарыстання. У далейшым Колас час ад часу звяртаўся да рускай мовы, калі пісаў некаторыя свае творы найбольш гумарыстычнага зместу. Функцыі беларускай і рускай мовы ў сталага Коласа як бы памяняліся сваімі месцамі: матчына мова была натуральным спосабам самавыяўлення, несла ў сабе гістарычна-псіхалагічны змест нацыянальна-непаўторнага існавання ў вялікім свеце, а руская мова асацыіравалася з сучаснай паэту мовай рускага народа і мовай міжнародных зносін у Савецкім Саюзе. У лісце С. Шувалаву ад 06.11.1927 г. Я. Колас адзначаў: «Я ганаруся званнем правадзейнага члена Таварыства аматараў расійскай славеснасці, мне такой блізкай і роднай духоўна, бо я на ёй выхоўваўся» [4].

Ва ўяўленні Я. Коласа паэзія асацыіруецца з мастацкай літаратурай наогул як прыгожым пісьменствам. Праўда, у пачатку гэта мастацкасць бачылася ў «піетызмах», якія шчодра папаўняюць многія вершы рускіх паэтаў: «грустная лира», «святые звуки», «святое вдохновенье», «святое время» і г. д. – прыклады ўзяты толькі з аднаго верша, прысвечанага В. Жукоўскаму, літаратурнаму настаўніку Пушкіна. У сферы лірычных перажыванняў ён быў відавочна несамастойным. Крыху пазней Колас лёгка расстанецца з гэтым псеўдапаэтычным слоўнікам, аднак захапленне музычнасцю верша застанецца на ўсё жыццё, так ці інакш выяўляючыся ў яго паэтычных спробах. «Паэт, – згадваў Колас у лісце да Л. М. Клейнбарта, – уяўляўся мне нейкім паўбогам, звышчалавекам. Ён часта займаў мае думкі і летуценні. Само слова «паэт», калі мне даводзілася сустракаць яго, чытаючы кнігі, рабіла на мяне моцнае ўражанне. Я ўзіраўся ў вобраз самога слова. Яно неяк вылучалася з шэрагу іншых слоў, набывала вялікі сэнс і значэнне ў маіх вачах» [4].

Спачатку Колас падпісваў свае рускія вершы ініцыяламі і ўласным прозвішчам. Пазней з'явіліся: «К. Беларус», «Аўтар беларус К. М. Міцкевіч», «Беларус К. М. Міцкевіч». Такое падкрэсліванне сваёй нацыянальнай прыналежнасці невыпадковае. Пазней Колас успамінаў: «Моцнае ўражанне на мяне зрабіла чытанне выкладчыкам літаратуры Ф. А. Кудрынскім, які цікавіўся этнаграфіяй Беларусі, твораў "Лес шуміць" У. Караленкі, "Судны дзень" і "Сляпы музыка"» [5]. Сярод этнаграфічных запісаў, якія вёў у сшытку пад уплывам настаўніка, ён ведаў мноства гісторый і анекдотаў з вясковага жыцця і «шмат аддаваў часу творчасці», аднойчы падклаў і ўласныя вершы на беларускай мове. Настаўнік Ф. А. Кудрынскі заўважыў: «Вось ваша сапраўднае прызванне». Пазней, пазнаёміўшыся з рэдактарам газеты «Наша Доля» А. Уласавым, у якім быў надрукаваны яго верш «Наш родны край», падпісаны ім – Якуб Колас, тлумачыў: «Пісаць мне па-беларуску шмат лягчэй і прасцей, бо сваё роднае, матчына слова мацней закранае струны сэрца» [5].

Нацыянальная рэчаіснасць разгортвала перад Я. Коласам свае велізарныя магчымасці ў ходзе гістарычных змен. Ад сваіх «настаўнікаў», якія «уваходзяць у душу і ўжо не расстаюцца з табою» (словы вымаўляў па-руску і на стары лад (паводле ўспамінаў М. Лужаніна): «учители»). Ад іх ён узяў словы «мера», «аршын», якімі можна было сапраўды вымераць тое, што бачыў навокал. Вядома, размова ішла пра мастацкі метад рэалізму, асноўнымі рысамі якога сталі дэмакратызм, гуманізм, народнасць, праўдзівасць. Аднак уплыў метаду выяўляўся паступова, паэтапна, ад аднаго ўзроўню да другога, больш высокага. У яго вершах не адразу выяўляла пра сябе паняцце «сацыяльнае», як і чыста «мастацкае», часцей – «рэчыўнае», «духоўнае», «нізкае» і «высокае». Перавагу адкрытай публіцыстыцы перад мовай паэтычных метафар і фальклорных паралелізмаў Я. Колас аддаваў у час разваг над уласным лёсам арыштанта і напісаў «астрожны цыкл»: «Сябрам-выгнаннікам», «Сябрам», «Дзе вы?», «Сціхнуў шум на калідоры...», «Смерць арыштанта», «Катаржнікі», «На астрожны лад», «З боку ад жыцця», «Турэмная камера» і інш. Свой смутак выказваў у рытарычных пытаннях: «Ці вы сіраты ў сям'і людской, Што глядзяць на вас Вокам ворагаў? Ці разбоем вы Даставалі хлеб, Што караюць вас Горш за злодзеяў? Або ў вас няма Сілы, розуму, Што прытулкі вам Пазачынены? Ці то сэрцы ў вас Цвярдзей каменя, Што ад вас браты Адракаюцца?» І адказ на пытанні: «Не! Душа у вас, Сэрцы – Добрыя, Думкі чыстыя, Мыслі ясныя!.. Быў у вас хаўрус Крэпка звязаны, Дружбай моцнаю Падпяразаны. Жыў ён думкамі і надзеямі Смела ў бой ісці З ліхадзеямі». Колас верыць, што галоўная бітва наперадзе, а таму заклікаў: «Эх, сябры-браты! Самі знаеце: Агню палкага Іскры маеце. Не тушэце ж вы Той агонь святы, Асвятляйце ім Родны край, куты...» [6].

Літаратурная творчасць – з'ява шматпланавая, неадназначная, там творчыя ўплывы адбываюцца на самых розных узроўнях. З асаблівай сілай яны выяўляюцца ў перыяд, калі адбываецца станаўленне творчай індывідуальнасці, калі пісьменнік з мноства напрамкаў і плыняў робіць пэўны выбар, які найбольш адпавядае ўнутраным патрэбам яго ўласнай творчасці, што адлюстроўваюць, у сваю чаргу, гістарычную неабходнасць і аб'ектыўны стан нацыянальнай літаратуры. Таленту Коласа, шматграннаму па сваёй прыродзе, чым далей, тым больш цесна было ў межах грамадзянскай і пейзажнай лірыкі. Ён адчуваў сябе вольна і раскавана ў эпічных жанрах, якія давалі магчымасць выявіць жыццё шырока і поўна, з энцыклапедычнай усёабдымнасцю.

У астрозе Я. Колас міжволі трываў свой стан залежнасці ад знявагі, але ў той жа час рабіў усё магчымае, каб ратаваць сваіх «сяброў-выгнаннікаў» ад страты свабоды і волі. Ён надзіва шчыра і адкрыта выяўляў сваю цікаўнасць да жанравых сцэнак, бытавых замалёвак, вершаваных жартаў, мясцовых гісторый, аповесцей у вершах для дзяцей... Гэта апавяданні вершам «Зяць», «Паслушная жонка», «Доктар дапамог», «За дождж», «Першы заработак», «Як Янка забагацеў», «На рэчцы зімою» і інш. – ён як бы знарок дэманстраваў сваё уменне гаварыць вершам, ператвараць усё ў свеце, нават самую бытавую падзею, у верш. Будучую паэму-эпас «Новая зямля» ён пачынае з вуснага вершаванага апісання «Як дзядзька ездзіў у Вільню і што ён там бачыў». Пачынае працу над паэмай «Сымон-музыка», якую ў першай рэдакцыі назваў «Казка жыцця». Для школьнікаў складае падручнік «Другое чытанне для дзяцей беларусаў», дзе былі ўключаны і ўласныя творы. Рыхтаваў для дзяцей «Казкі жыцця», сярод іх «Тры браты», «Жывая вада», «На балоце», «Адзінокае дрэва», «На чужым грунце», «Камень», «Хмарка» і інш.

Шматстайнасць творчых інтарэсаў, аб'яднаная адзінствам адносін да свету, – вось што ўражвае ў Я. Коласа. Шырокі дыяпазон ідэй, жанраў, мастацкіх прыёмаў, аднолькавая свабода самавыяўлення ў лірыцы і эпіцы, у драме і літаратурнай крытыцы, у творах для дарослых і дзяцей не супярэчаць цэласнасці ўспрымання коласаўскай творчасці, у аснове якой ляжыць прынцып гарманічнай арганізацыі мастацкага свету. Можна браць любы фрагмент з самых розных твораў Коласа, як паэтычных, так і празаічных, і пераконвацца ў іх стылявой блізкасці і агульнасці. Колас умее быць самім сабой, апавядаючы пра самыя розныя сферы нацыянальнага існавання. Асабліва выразна прынцып жыццёвай шматстайнасці і філасофскага адзінства выяўляецца ў эпічных творах пісьменніка. Колас чулы да ўнутранай гармоніі свету, умела пераадольвае жыццёвыя антыноміі, глыбока ўжываецца ў сацыяльную і нацыянальную рэчаіснасць, чароўна ператвараючы ўсё навокал сябе ў сапраўдны цуд мастацтва. Але ён не Пратэй, а хутчэй Антэй, які сілкуецца творчай энергіяй зямлі, дзе жывуць яго героі. Ён не можа быць абсалютна свабодным, як, напрыклад, яго рускі кумір А. Пушкін, бо несвабодны, сацыяльна, нацыянальна, духоўна яго народ.

Уласнае жыццё Я. Колас параўноўваў з чаргаваннем пякельных кругоў: «Не раўнуючы, як у «Бажэсцвенай камедыі» [7]. Пасля вызвалення з астрога, «кругоў ада», у яго ўзнікла шмат жыццёвых праблем, якія сустракаюць «выкінутага з жыцця чалавека»: на працу не бяруць, падтрымкі няма, былыя сябры часам пазбягаюць сустрэч, баючыся трапіць пад падазрэнне ў недабрадзейнасці. Міжволі Колас не затрымліваўся на адным месцы: пажыўшы ў Смольні, у родных, некалькі месяцаў жыў у мястэчку Лунінец Пінскага павета, дзе займаецца заняткамі з платнымі вучнямі, з цяжкасцю атрымлівае пасведчанне аб палітычнай дабрадзейнасці. У пачатку жніўня 1912 г. будучы ў гасцях у Смольні, сустракаецца з Янкам Купалам, які прыехаў знарок, каб пабачыцца. Колас успамінаў: «Наша сустрэча насіла сяброўскі, шчыры характар, як быццам мы даўно былі знаёмыя. Я на ўсё жыццё запомніў вобраз Янкі Купалы... Гэта быў вясёлы, жыццярадасны, схільны да дабрадушных жартаў і гумару чалавек... Расталіся мы з ім шчырымі сябрамі, і гэта наша сяброўства захавалася на ўсё жыццё» [8].

У верасні 1912 г. Колас быў афіцыйна прызначаны настаўнікам Пінскага прыходскага вучылішча. Працаваў там да ліпеня 1914 г. У чэрвені 1913 г. ажаніўся з настаўніцай Пінскай чыгуначнай школы Марыяй Дзмітрыеўнай Каменскай, з якой перапісваўся яшчэ будучы ў астрозе. У прадмесці Вільні наведалі яе родных, заходзіў у рэдакцыю «Нашай Нівы». В. Ластоўскі напісаў рэцэнзію на яго зборнік апавяданняў «Родныя з'явы»: «Тарас Гушча (псеўданім Коласа) не сказаў свайго апошняга слова; яго талент з кожным годам набірае большага напружання і большай развітасці ў вясёлкавых пералівах гумару і ў зіхаценню чыстых слёз, каторымі перасыпае гумар. Трэба спадзявацца, што імя Т. Гушчы з часам будзе вядома далёка па-за межамі нашымі; услаўляючы імя беларускае яно пойдзе далёка па свету...».

Ужо ў першых празаічных эцюдах і замалёўках («Слабода», «Думкі ў дарозе», «Выбар старшыні», «Сацыяліст») прысутнасць пісьменніцкай асобы адчуваецца ў новым, незнаёмым тагачаснай беларускай літаратуры маштабе вымярэння нацыянальнай рэчаіснасці. Я. Колас свядома выкарыстоўваў жанр народнага анекдота або лірычнай імпрэсіі, каб звярнуць увагу «вялікага свету» на сваіх «няўзрачных» герояў і іх «нецікавае» жыццё. І гэта не часовае захапленне, а свядомая творчая пазіцыя, як неўзабаве выкажацца адкрыта ў глыбока прадуманых апавяданнях, такіх, як «Соцкі падвёў», «Нёманаў дар», «Бунт», «Васіль Чурыла», «У старых дубах», «Тоўстае палена», «Малады дубок». Так сцвярджаўся коласаўскі драматызм, народнасць і гуманізм. Не такі ён «маленькі», герой апавяданняў Коласа, калі здольны пасмяяцца з дурнога царскага паліцыянта або не пабаяўся паставіць у смешнае становішча самога паліцэйскага прыстава. Коласа з яго дэмакратызмам вабіць харство прастаты, псіхалагічная праўда, мера ва ўсім.

Народнасць, беларускасць Коласа выяўляецца нават у сінтаксісе, якому ўласцівы імклівы рух пераважна кароткіх, асабліва не абцяжараных даданымі сказамі і ўдакладненнямі, перыядаў: «З краю лесу стаяла хатка лесніка Васіля Чурылы. Маленькае акенца хаткі смутным значком пазірала ў поле. Здалёк яно здавалася воўчым вокам. Над самым акенцам звісла голая вярбіна і глуха шумела, усё роўна, як стагнала». Гэта асаблівасць стылю бачна не толькі ў пейзажных замалёўках, але і ў перадачы дзеяння: «Цяпер грамада раскідалася на кучкі. Кожная кучка мела свайго прамоўцу. Адны гаварылі так, другія іначай. Сяляне раздзяліліся на дзве часткі». Коласа

захапляла гэта відовішча народнага мора, што адкрывалася перад духоўным зрокам. Чалавечая драма найчасцей у яго адбываецца на людзях, перад вачыма дзясяткаў і соцень аднавяскоўцаў. Так пісьменнік успрымаў паняцце народнасці. Вось чаму ў яго не было праблемы з выбарам, якому стылю аддаць перавагу. У беларусаў ёсць свае казкі, песні, балады, легенды, звычкі, свая мова.

У пачатку Першай сусветнай вайны Якуба Коласа прызвалі на вайсковую службу, але неўзабаве настаўнікаў адпусцілі на працу ў школах. Быў у эвакуацыі пад Масквой. Служыў у пяхотным запасным батальёне ў Маскве, скончыў Аляксандраўскае ваеннае вучылішча ў званні прапаршчыка, камандаваў ротай. Накіроўваўся на Румынскі фронт, але па дарозе захварэў на ліхаманку і запаленне лёгкіх. Апынуўся на лячэнні ў горадзе Абаянь, дзе ў гэты час жыла яго сям'я. Працаваў настаўнікам у вёсцы Малыя Крукі, непадалёк ад горада. Хадзіў туды пешшу, падчас паходаў падхапіў «іспанку». Зімой 1918–1919 гг. яго, беспартыйнага, але граматнага і «спачуваючага» выбралі сакратаром партыйнай ячэйкі. З лютага 1920 г. працаваў у Абаяні раз'язным школьным інспектарам. Толькі ў маі 1921 г. пры садзеянні беларускага Камісарыята асветы вярнуўся на Радзіму.

Акалічнасці жыцця мала спрыялі творчай працы Я. Коласа. Спачатку пісаў раздзелы з «Сымона-музыкі», апублікаваным у 1918 г. у Мінску. У гэты ж перыяд захапіўся працай над паэмай «Новая зямля». У адрозненне ад нігілістычных адносін да скарбаў сусветнага мастацтва, Колас заняў выразную пазіцыю да класікі, бо разумеў, што менавіта ў эпоху духоўных катаклізмаў узрастае значэнне набыткаў чалавецтва ў сферы культуры.

Грандыёзныя коласаўскія эпічныя задумы, якія ўзнікалі яшчэ тады, калі Колас знаходзіўся ў астрозе, ажыццяўляліся ў час рэвалюцыйнай буры і ваенных падзей. Адзначаная пісьменнікам ідэйная, змястоўная, жанравая, стылявая блізкасць выяўлялася не толькі вонкава, але і ў шматлікіх унутраных пераклічках, прыкметных, калі супастаўляць і асэнсоўваць шэдэўры нацыянальнай літаратуры, саму эпоху іх узнікнення. У Коласа заўсёды жыло імкненне да ўсёабдымнасці ў паказе нацыянальнага космасу, жаданне ў адным вялікім творы выказацца да астатку.

На станаўленне савецкай літаратуразнаўчай школы вялікі ўплыў мелі пралеткультаўскія ўстаноўкі на стварэнне «новай», «пралетарска-сялянскай літаратуры», якая адмаўляла класічную спадчыну, а значыць, усякія супастаўленні павінны былі сведчыць аб светапоглядной перавазе савецкай літаратуры. Такім чынам скажаўся сэнс параўнальна-гістарычнага метаду, адбывалася яго вульгарызацыя і сацыялагізацыя. Літаратурная класіка не магла выяўляць «агульначалавечыя матывы». Аднак і «сялянская літаратура», створаная выхадцамі з вёскі, не здольна была выканаць гэту задачу па той жа прычыне «непралетарскага» паходжання аўтараў. Варта адзначыць асобна, што савецкая крытыка з самага пачатку ўсё ж згадвала імёны класікаў сусветнай літаратуры, пераважна рускай. Асабліва шмат пісалася пра Ф. Дастаеўскага, стагоддзе з дня нараджэння якога тады шырока адзначалася (нешта падобнае пазней адбывалася ў час святкавання юбілеяў Л. Талстога, А. Пушкіна і інш.).

Маладой савецкай крытыцы даводзілася вырашаць вельмі складаныя праблемы літаратурных вытокаў сучасных мастацкіх з'яў, ідэйнай пераемнасці, сувязі літаратуры з філасофіяй, гісторыяй, іншымі відамі навукі і мастацтва. Супастаўленне з класікай, калі яно здаралася, прыкметна ўздымала ўзровень размовы і падводзіла да каштоўных назіранняў. Так, М. Байкоў у артыкуле «Новая беларуская паэма», прысвечаным «Новай зямлі» Я. Коласа, параўноўвае гэты твор з паэтычным эпасам славутых папярэднікаў, створаным А. Пушкіным і А. Міцкевічам. «Як "Яўгеній Анегін", – пісаў крытык, – азначае сабою пачатак росквіту творчай сілы велікарускага народа і з'яўляецца першым манументальным творам расійскай паэзіі, а "Пана Тадэвуша" з поўным правам можна назваць першай і разам з тым адзінай эпапеяй у польскай літаратуры, творам выдатнейшага паэтычнага мастацтва, у якім знайшлі для сябе праяву здольнасці польскага народа, так і паэма Якуба Коласа; адбіваючы ў поўнай меры росквіт сіл і здольнасцей беларускага народа, адчыняе сабой новую, так сказаць, добу ў развіцці беларускай літаратуры, – добу апрацоўкі манументальных твораў беларускай паэзіі» [9].

Па сутнасці, М. Байкоў у сваім грунтоўным крытычным аналізе паэмы Коласа вызначыў яе сапраўдныя мастацкія маштабы, а, супаставіўшы з паэмамі Пушкіна і Міцкевіча, міжволі паказаў, на якім гістарычным этапе знаходзілася беларуская літаратура і якія эстэтычныя задачы яна вырашае. Назваўшы «Новую зямлю» «нацыянальнай беларускай паэмай» і «класічным творам беларускага прыгожага пісьменства» М. Байкоў тым самым адразу дакладна акрэсліў пункт погляду, з якога толькі і магчыма было ацаніць мастацкае значэнне гэтага твора, а заадно і абазначыць

адну з магчымых перспектыў, адкрытых Коласам: «Цяпер ад яго манументальнага эпічнага твора шлях развіцця беларускай паэзіі ідзе да закончанага беларускага рамана» [9]. Прагноз, зроблены крытыкам, неўзабаве быў падтрыманы вывадамі А. Бабарэкі, які назваў паэму Коласа «аўтабіяграфічным вершаваным раманам», праўда, не ўтрымаўшыся пры гэтым, услед за Байковым, ад «класавай ацэнкі» твора як «сялянскага» [10]. Аднак гэта характарыстыка выглядала досыць нявіннай на фоне рашучага непрыняцця твора з боку такіх ваяўнічых змагароў за «новае мастацтва», як крытык Л. Жыцень, які ўбачыў у паэме ідэалізацыю хутара, пропаведзь уласніцтва і назваў яе творам «не нашых і не будучых часоў». Да гонару тагачаснай крытыкі, гэтыя палітычныя абвінавачванні ў адрас паэмы Коласа не атрымалі падтрымкі.

Прафесійная беларуская крытыка, як сведчыць, напрыклад, артыкул І. Замоціна «Пуціны беларускай літаратуры (Якуб Колас. “Новая зямля”)», акрамя ўважлівага прачытання мастацкіх твораў, закранала і навукова-тэарэтычныя прабемы гісторыі, метадалогіі, футуралогіі. І. Замоцін, Я. Барычэўскі, А. Вазнясенскі, выхаванцы рускай культурна-гістарычнай школы, досыць хутка асвоіўшы беларускія літаратурныя рэаліі, імкнуліся ўлічваць эстэтычную прыроду літаратуры, а надзвычай распаўсюджаны ў 1920-я гады сацыялагічны метад ужывалі з поўнай асцярогай. Спрабуючы вызначыць шляхі развіцця беларускай літаратуры, І. Замоцін грунтаваўся найперш на творчым вопыце саміх беларускіх пісьменнікаў, але ўлічваў таксама і мастацкія набыткі сусветнай літаратуры. Так, на аснове аналізу коласаўскай «Новай зямлі» ён зрабіў абгрунтаваны вывад аб унутранай сувязі беларускай літаратуры, культуры і мовы з візантыйскай цывілізацыяй, з міфалогіяй і фальклорам іншых еўрапейскіх народаў («у паэме... адчуваецца месцамі амаль што эпічны спакой Калевалы»), з паэтычным эпасам Г. Лангфела «Песня аб Гаяваце», з дэмакратычнай музай М. Някрасава, іншымі словамі, вывучаў канкрэтны літаратурны факт у сусветным кантэксце, хоць і не надаваў гэтаму асаблівага значэння.

Паэму Коласа І. Замоцін убачыў у святле асноўных задач, якія стаялі перад літаратурай новай Беларусі: «мастацкі рэалізаваць нацыянальнае беларускае самавызначэнне»; «быць фактарам культурнага адраджэння»; «у мастацкіх вобразах адбіць асноўныя моманты жыцця краіны»; «узбагаціць літаратурную мову і разам з тым – правесці ў свядомасць народных мас ідэалы новай сацыяльнасці». Менавіта такі маштаб вымярэння дазволіў Замоціну зразумець, што паэма «Новая зямля» па сваім змесце і форме выходзіць за межы «літаратурнага народніцтва, прадстаўленага ў расійскай літаратуры, напрыклад, Кальцовым, Нікіціным і іншымі паэтамі». Ён убачыў перад сабою «своеасаблівую амальгаму старога, амаль народнага эпічнага складу з навейшымі дасягненнямі мастацка-рэальнага стылю, пераходзячага іншы раз у стыль сімвалізму». А завяршаючы аналіз паэмы ён пераканаўся, што і гэтыя ацэнкі недакладныя: «...перада мною – не твор літаратурнага народніцтва, не перайманне старажытнай эпікі і не сімвалічная мадэрнізацыя народна-паэтычнага слова... перада мною іменна беларуская мастацкая літаратура, якая выявіла ў паэме Якуба Коласа свой сапраўдны арыгінальны твар». Тут відавочная палеміка І. Замоціна з М. Байковым і Л. Жыценем, з сацыялагічнай школай, якую тыя прадстаўлялі ў крытыцы. Аўтар артыкула ўпэўнены, што паэма Коласа знойдзе водгук не толькі ў велікарусаў і ўкраінцаў, але і ў заходняга чытача «сваім яркім мясцовым, этнаграфічным каларытам і чалавецка-значным асвятленнем народна-пралетарскага быту» [11]. Даследчык не абышоўся без «класавых» крытэрыяў ацэнкі твора.

Метадалогія параўнальнага літаратуразнаўства ў Беларусі, нягледзячы на частыя паралелі з літаратурнымі з’явамі жыцця іншых народаў і эпох, складвалася, аднак, вельмі запаволена. Па-першае, не было выразнай задачы на стварэнне падобнай метадалогіі, бо тагачаснае літаратуразнаўства і крытыка ўяўляла сабой досыць эклектычнае спалучэнне розных, часта супярэчлівых навуковых ідэй і эстэтычных тэорый, а працэс тэарэтычнага самаўсведамлення толькі пачынаўся. Па-другое, адсутнічалі пэўныя навукова-тэарэтычныя крытэрыі, паводле якіх павінна было ажыццяўляцца параўнальна-гістарычнае даследаванне, у выніку многія цікавыя самі па сабе літаратурныя аналогіі ўспрымаліся як неабгрунтаваныя.

Адна справа, калі, напрыклад, А. Бабарэка ў артыкуле «“Сымон-музыка” Якуба Коласа» параўноўваў твор з паэмай І. В. Гётэ «Фауст»: ён меў на ўвазе блізкасць сюжэта, бо ў абодвух выпадках гаварылася пра пошукі ісціны людзьмі навукі і мастацтва. Развагі крытыка, відавочна, мелі пад сабою цвёрды грунт для магчымых супастаўленняў. Асабліва цікавыя ў артыкуле

назіранні над фальклорнымі каранямі «Фауста» і «Сымона-музыкі»: калі Гётэ творча выкарыстоўваў народную нямецкую легенду пра доктара Фауста, праўдашукальніка і чарнакніжніка, то Колас абапіраўся на змест беларускай казкі «Музыка і чэрці», запісанай у свой час А. Сержпутоўскім [9]. Сам Колас высока ацэньваў крытычную праніклівасць узвышаўскага крытыка і яго даследчыцкі талент: «Ён здагадаўся, што “Сымон-музыка” разбіты на некалькі колаў. І наогул цікава пісаў пра паэму» [10]. Праўда, Колас, акрамя «Фауста» Гётэ, называў яшчэ і «Боскую камедыю» Дантэ, кампазіцыйная пабудова якой у пэўнай меры паслужыла ўзорам для «Сымона-музыкі»: герой праходзіць кола за колам выпрабаванне.

Зусім іншая справа, калі, напрыклад, крытык Я. Камарук праводзіў некаторыя аналогіі паміж кнігай Коласа «На прасторах жыцця», куды ўваходзілі аднайменная аповесць і апавяданні паслярэвалюцыйнага перыяду, і раманам Ф. Гладкова «Цэмент», надзвычай вядомым у 1920-я гады. Несумненна, рэцэнзент пры гэтым дэманстраваў сваю начытанасць і арыгінальнасць, аднак навуковыя вынікі яго супастаўлення былі нязначныя: супастаўляліся, па сутнасці, далёкія мастацкія з’явы, Колас, прыхільнік традыцыйнай манеры пісьма, і Гладкоў, аўтар узорнага ў літаратуры сацыялістычнага рэалізму рамана. Прыблізна тым жа шляхам пайшоў і другі рэцэнзент кнігі С. Замбржыцкі, які згадваў у сувязі з аналізам ідэйнай праблематыкі твораў беларускага празаіка творы П. Раманава, аўтара зборнікаў апавяданняў «Руская душа», «Без чарэмхі» і «Зачараваныя вёскі», і С. Малашкіна, аўтара кнігі «Месяц з правага боку, або Незвычайнае каханне». Пэўныя пераклічкі жыццёвых рэалій, рэха ў падыходзе да іх паказу сапраўды былі, і назіральнасць крытыка вартая высокай ацэнкі, як і імкненне разглядаць беларускія тэксты на шырокім фоне літаратурных падзей паслярэвалюцыйнага часу, аднак ідэйны свет пісьменніка, без уліку мастацкага боку твораў, мае толькі ўскоснае дачыненне да паняцця «параўнальнае літаратуразнаўства». Наўмысныя літаратурныя збліжэнні, як і рэзкае адмаўленне сувязі творчасці Коласа з творчасцю пісьменнікаў, прадстаўнікоў іншых літаратур, у аднолькавай меры мала спрыялі станаўленню беларускай кампаратывістыкі. Элемент перабольшвання быў, напрыклад, у заяве Я. Пушчы: «Я ўпэўнены, што Якуб Колас нічога агульнага не меў з тагачаснай еўрапейскай паэзіяй, як у сэнсе тэматычным, так і ў сэнсе фармальным, мастацкім у традыцыйным разуменні гэтых катэгорый...» [12]. Праўда, заява Пушчы грунтавалася на міжвольнай падмене паняццяў: у тэрміне «неарамантызм» ён убачыў «імпрэсіянізм, сімвалізм, а можа, і футурызм».

Найбліжэй да перагляду метадалагічных перадумоў параўнальнага літаратуразнаўства падышоў А. Вазнясенскі. У сваіх пошуках плённых шляхоў навуковага даследавання ён улічваў вопыт рускай «фармальнай школы» і разумеў, у прыватнасці, што на рэальную глебу параўнальнае літаратуразнаўства стане толькі тады, калі будзе вывучаць літаратуру як мастацтва слова. У артыкуле «Ля вытокаў мастацкай прозы Якуба Коласа» [13] Вазнясенскі адкрыта арыентаваўся на канцэпцыю еўрапейскага рамантызму, якую распрацоўваў В. Жырмунскі. Калі Жырмунскі ў кнізе «Байран і Пушкін» [14] параўноўваў мастацкія асаблівасці «усходніх паэм» Байрана і «паўднёвых паэм» Пушкіна, то Вазнясенскі ўважліва разгледзеў некаторыя кампазіцыйныя прыёмы, выкарыстаныя Коласам у «Сымоне-музыку», і ўбачыў, як шмат агульнага ў беларускага паэта з яго вялікімі папярэднікамі. Да імёнаў Байрана і Пушкіна даследчык дадаў яшчэ і імёны нямецкіх рамантыкаў Л. Ціка, Наваліса, В. Г. Вакенродэра, І. К. Ф. Гёльдэрліна, пашыраючы прадмет даследавання і ствараючы больш поўную карціну гісторыі еўрапейскага рамантызму. Пры гэтым постаць Коласа, убачаная на фоне еўрапейскіх класікаў, не прайгравала, а, наадварот, выйгравала, бо набывала сапраўдны свой маштаб. У тэарэтычнай працы «Асноўныя прынцыпы пабудовы беларускай навукі аб літаратуры» [15] А. Вазнясенскі сцвярджаў, што неабходна ўлічваць рэальны стан літаратуразнаўства, бо нацыянальныя асаблівасці «так ці іначай адбіваюцца і на характары адпаведнай гісторыка-літаратурнай навукі», у прыватнасці, абмяжоўвае вучонага даследаваннем асобных пісьменнікаў і робіць немагчымым «агляд літаратуры цэлага народа аказаннем яго этналагічных і генеалагічных асаблівасцей». У той жа час ён заклікаў пераходзіць ад «звычайнага канстатавання фактаў і класіфікацыі іх» да «вышукання законаў і аксіём».

У беларускім літаратуразнаўстве і крытыцы 1930-х гадоў вульгарны сацыялагізм выцесніў усякую сур’ёзную навуковую размову пра мастацкую творчасць. Імя Я. Коласа ў друку нязменна суправаджалі «палітычныя» ярлыкі, накшталт «ідэолаг буржуазнай часткі сялянства», «пасіўны

сузіральнік», а яго творчасць, у адпаведнасці з «класавым падыходам», была перапоўнена «нацыяналістычнай ідэалогіяй нашаніўства», яе характарызавалі «містычнасць, упадніцкая хваравітасць, адрыў ад канкрэтнай рэчаіснасці», «пропаведзь месіянскай ролі інтэлігенцыі». Найбольш даставалася «Новай зямлі», аб'яўленай «аглабельнай» крытыкай «кулацкай». Рэха гэтай зацяжной вайны аўтара за свой твор выразна адчуваецца ў шматгадовай перапісцы Коласа з С. Гарадзецкім, былым сімвалістам і акмеістам, перакладчыкам паэмы на рускую мову, які вымушаны быў так ці інакш рэагаваць на «крытыку». Паэма была выдадзена ў Маскве ў моцна скарочаным выглядзе з прадмовай перакладчыка, у якой выкарыстаны тлумачэнні Коласам зместу, напісаныя ў адпаведнасці з патрабаваннямі гэтага суровага часу: «Фонам для паэмы паслужыла залежнасць лесніка ад капрызнай волі пана-ляснічага, яго несправядлівыя, прыдзірлівыя, часам нічым не апраўданыя адносіны да лесніка» [16]. Толькі пасля гэтай публікацыі прафесійнай крытыцы ўдалося выказаць у друку свае адносіны да «Новай зямлі» (К. Зялінскі, Г. Майфет, А. Ус, М. Ларчанка, Ю. Пшыркоў). Акцэнт пры гэтым рабіўся на тым, што аўтар перагледзеў свае пазіцыі і стаў «песняром новага свету».

Літаратурнае жыццё 1930-х гадоў моцна палітызавалася. Глыбінныя творчыя ўзаемасувязі пісьменнікаў, якія належалі да розных літаратур, усё часцей падмяняліся знешнімі кантактамі, юбілейнымі мерапрыемствамі, прапагандысцкімі паездкамі ў саюзныя рэспублікі. Нягледзячы на мноства публікацый у друку, прысвечаных Пушкіну, Талстому, Гогалю, Радзішчаву, Кальцову, Рылееву і інш., параўнальна-гістарычны метад амаль выйшаў з навуковага ўжытку, а замест літаратурных аналогій звычайна даваўся вялікі пералік імёнаў, за якім нічога не было, акрамя імкнення прадэманстраваць росквіт культур і літаратур народаў СССР у час пабудовы сацыялізму. Тэарэтычны ўзровень, дасягнуты беларускім літаратуразнаўствам ў 1920-я гады, на працягу наступнага дзесяцігоддзя катастрафічна знізіўся. Зрэдку, як глухі водгук, у беларускім друку з'яўляліся асобныя артыкулы: «Някрасаўскія матывы ў творчасці Янкі Купалы і Якуба Коласа» М. Ларчанкі, «Някрасаў і беларуская літаратура» М. Смолкіна, «Аб жыватворным уплыве рускай літаратуры на беларускую літаратуру» М. Клімковіча і інш. У публікацыях пераважалі дэкларацыі, не падтрыманыя крытычным аналізам з'яў, якія параўноўваліся.

У пачатку 1950-х гадоў цікавасць да праблем літаратурных сувязей узмацнілася. Параўнальнае літаратуразнаўства, паступова пераадольваючы дагматызм і схаластыку, назапашвала канкрэтныя факты і назіранні над асобнымі, напачатку ідэалагічна нейтральнымі, з'явамі творчых дачыненняў паміж рускай, радзей – украінскай і польскай літаратурамі з літаратурай беларускай. У якасці матэрыялу для літаратурных аналогій звычайна прыцягвалася творчасць сучасных рускіх пісьменнікаў. Адной з прычын было тое, што ідэйнае напаўненне і мастацкі ўзровень гэтых твораў не вытрымлівалі параўнання, а ў выніку цень падаў і на сам параўнальны метад. Такім чынам, толькі літаратурная класіка дазваляла паставіць пытанне аб заканамерным узнікненні падобных, аднатыпных тэндэнцый у эстэтычным развіцці розных нацыянальных літаратур.

Імкненнем убачыць творчасць Коласа ў шырокім кантэксце ідэй канца XIX і пачатку XX ст. вылучаецца манаграфія І. Навуменкі «Якуб Колас: Духоўны воблік героя». Кола імёнаў, на фоне якіх разглядаецца творчасць Коласа, значна пашырылася: А. Пушкін, М. Гогаль, Л. Талстой, А. Чэхаў, М. Горкі, А. Купрын, У. Рэймант, С. Лагерлёф, К. Гамсун, Л. Цік, Наваліс, І. В. Гётэ, Г. Сянкевіч, Т. Ман, Р. Ралан і інш. Пералік на гэтым не канчаецца, бо творчасць Коласа савецкага часу сваім ідэйным пафасам, палемічнай сутнасцю і характарам творчага пошуку, несумненна, пераклікаецца з творчасцю многіх класікаў савецкай літаратуры. Аднак важная не колькасць названых імёнаў, а глыбіннае адчуванне Коласаўскай прысутнасці ў сусветным літаратурным кантэксце, што дало вучонаму магчымасць паказаць маштабы пісьменніцкага кругагляду, яго зацікаўленасць фундаментальнымі праблемамі народнага існавання. Менавіта думка пра сувязь Коласа з народным жыццём, якой апантаны даследчык, мае асаблівае метадалагічнае значэнне, калі гаварыць пра літаратурныя аналогіі [17].

У беларускай літаратурнай навуцы, а таксама ў коласазнаўстве, у 1960-я гады заўважаўся якасны зрух у бок тэарэтычнага асэнсавання гісторыка-літаратурных з'яў, метадалагічных праблем. Ужо ў манаграфіі Ю. Пшыркова «Трылогія Якуба Коласа "На ростанях"» вылучаюцца асобныя элементы ідэйна-мастацкай пабудовы твора, дастатковыя для навуковай характарыстыкі яго зместу і формы, той мікракантэкст, які акцэнтуе ўвагу на незаўважаных раней, дадатковых сэнсах

твора. А. Адамовіч у артыкуле «Беларускі раман у вершах (Думкі пра “Новую зямлю”)» зрабіў спробу пашырыць мінімальнае акружэнне, мікракантэкст коласаўскага эпасу, каб асэнсаваць яго сапраўднае месца ў эвалюцыі беларускай літаратуры, у прыватнасці, у станаўленні жанру рамана. Асобнае метадалагічнае значэнне мае зробленае Адамовічам назіранне: «На аўтара “Новай зямлі” адчувальна ўплывае Міцкевіч (“Пан Тадэвуш”) і асабліва аўтар “Яўгенія Анегіна”. Але перш за ўсё нацыянальны шэдэўр вырастаў на народнай глебе, на глебе народнага жыцця, народных уяўленняў аб рэчаіснасці» [18].

Коласаўскія тэксты і падтэксты грунтоўна вывучаліся ў даследаваннях А. Лойкі «“Новая зямля” Якуба Коласа: вытокі, веліч, хараство». Пытанне аб ідэнтычнасці коласаўскіх паэм і кананічным тэксце на шырокім рукапісным і архіўным матэрыяле ўзнімаў М. Мушынскі ў манаграфіі «Ад задумы да здзяйснення: Творчая гісторыя “Новай зямлі” і “Сымона-музыкі”». Асаблівую ўвагу аўтар звярнуў на вершаваныя апавяданні Коласа, з якіх і выраслі яго «раманы ў вершах». Дакладнасць успрымання і інтэрпрэтацыі творчай гісторыі была забяспечана не толькі навуковай добрасумленнасцю і грунтоўнасцю даследчыка, але і набытым за дзесяцігоддзі агульным фондам ведаў аб беларускай літаратуры і яе глыбінных сувязях з іншымі літаратурамі свету. Жанр «творчай гісторыі», «летапісу жыцця і творчасці», заснаваны на фактах і дакументах, атрымаў сваё развіццё ў кнігах М. Мушынскага «Якуб Колас: Летапіс жыцця і творчасці», Г. Кісялёва «З жыццяпісу Якуба Коласа: Дакументы і матэрыялы», а таксама ў шматгадовых выпусках «Каласавін», у кнігах В. Жураўлёва, Л. Гараніна, І. Чыгрына, М. Яроша, А. Майхровіча, В. Рагойшы, А. Макміліна, І. Штэйнера і інш.

Коласазнаўства як частка агульнага літаратуразнаўства падрыхтавана ўсебакова і грунтоўна для стварэння абагульненай працы па гісторыі творчых дачыненняў Коласа з рускай літаратурай, якія вызначаліся надзвычайнай глыбінёй і інтэнсіўнасцю на ўсіх этапах яго творчасці. Не толькі навукова-тэарэтычнае, але і грамадска-культурнае значэнне такой працы несумненнае: нягледзячы на зменлівую палітычную кан’юнктуру і прыкметныя ваганні ў духоўных кантактах двух славянскіх народаў, літаратурныя ўзаемасувязі былі заўсёды шматстайнымі і трывалымі, творча плённымі для абодвух бакоў. У выніку яны ператварыліся ў адну з устойлівых традыцый літаратурнага жыцця, якая патрабуе свайго навуковага асэнсавання і тэарэтычнага абгрунтавання. Прычым прадметам даследавання, улічваючы эстэтычныя задачы, якія стаялі перад Коласам, а таксама прырода яго мастацкага таленту, з’яўляюцца творчыя кантакты беларускага класіка з рускімі пісьменнікамі «пушкінскага» і «гогалеўскага» перыядаў. Менавіта ў такім ракурсе павінна вывучацца творчасць Якуба Коласа, аднаго з родапачынальнікаў новай беларускай літаратуры, якая стаіць ля вытокаў мастацкіх адкрыццяў сусветнага значэння. Высокую ацэнку за ўсе гады навуковай і творчай працы атрымаў Якуб Колас як пачынальнік беларускай літаратуры ва ўсіх сферах яе існавання, як адзін з стваральнікаў беларускай літаратурнай мовы, актыўны дзеяч у адраджэнні і станаўленні нацыянальнай культуры. Асаблівую ролю ён адыграў у развіцці беларускай навукі, у дзяржаўнай і грамадскай дзейнасці, у выхаванні творчай моладзі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Адамовіч, А. М. Шлях да майстэрства / А. М. Адамовіч. – Мінск, 1958. – С. 9–10.
2. Типология стилевого развития нового времени. – М., 1976.
3. Літ. і маст. – 1955. – 21 мая.
4. Колас, Я. Зб. тв.: у 14 т. / Я. Колас. Т. 13. – Мінск, 1976. – С.71.
5. З жыццяпісу Якуба Коласа: Дакументы і матэрыялы. – Мінск, 1982. – С. 84.
6. Колас, Я. Зб. тв.: у 14 т. / Я. Колас. Т. 1. – Мінск, 1976. С. 89.
7. Лужанін, М. Колас расказвае пра сябе / М. Лужанін. –Мінск, 1964. – С. 135–136.
8. Колас, Я. Зб. тв.: у 14 т. / Я. Колас. Т. 12. – Мінск, 1976. – С. 19.
9. Байкоў, М. Новая беларуская літаратура: Якуб Колас. «Новая зямля» / М. Байкоў // Полымя. – 1923. – № 5–6. – С. 128–129.
10. Бабарэка, А. «Сымон-музыка». Якуб Колас / А. Бабарэка // Узвышша. – 1927. – № 3.
11. Замоцін, І. Творы: Літаратурна-крытычныя артыкулы / І. Замоцін. – Мінск: Маст. літ., 1990.
12. Пушча, Я. Зб. тв.: у 2 т. / Я. Пушча. – Мінск: Маст. літ., 1993–1994.
13. Вазнясенскі, А. Ля вытокаў мастацкай прозы Якуба Коласа / А. Вазнясенскі // Полымя. – 1927. – № 8.
14. Жирмунский, С. Байрон и Пушкин / С. Жирмунский. – М.: Наука, 1978.

15. Вазнясенскі, А. Асноўныя прынцыпы пабудовы беларускай навукі аб літаратуры / А. Вазнясенскі. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1927.
16. Колас, Я. Новая земля / Я. Колас. – М.: Худож. лит., 1934.
17. Навуменка, І. Якуб Колас. Духоўны воблік героя / І. Навуменка. – Мінск: Беларусь, 1968.
18. Адамовіч, А. Беларускі раман у вершах (Думкі пра “Новую зямлю”) / А. Адамовіч // ЛіМ. – 1955. – 21 мая.

References

1. Adamovich A. M., *Shliakh da maisterstva: stanaulenne mastatskaga styliu K. Chornaga* [The path to mastery: the formation of the artistic style K. Chorny], Vydavetstva Akademii navuk BSSR, Minsk, BY, 1958.
2. El'sberg Ia. E. (ed.), *Tipologiia stilevogo razvitiia novogo vremeni : Klassich. stil' : Sootnoshenie garmonii i disgarmonii v stile: [Sbornik statei]* [Typology of style development of modern times: Classical. Style: The ratio of harmony and disharmony in style: [Collection of articles]], Nauka, Moscow, RU, 1976.
3. *Litaratura i mastatstva* [Literature and Art], 1955, May 21.
4. Kolas Ia., *Zbor tvorau u 14 t., t. 13* [Collected works in 14 volumes, Vol. 13], Minsk, BY, 1976.
5. Barysenka V. V., Mushynski M. I. (ed.), *Z zhytstsiapisu Iakuba Kolasa: Dakumenty i materyialy* [From the biography of Yakub Kolas: Documents and Materials], Minsk, BY, 1982.
6. Kolas Ia., *Zbor tvorau u 14 t., t. 1* [Collected works in 14 volumes, Vol. 1], Minsk, BY, 1976.
7. Luzhanin M., *Kolas raskazvae pra siabe* [Kolos tells about himself], Mastatskaia litaratura, Minsk, BY, 1982.
8. Kolas Ia., *Zbor tvorau u 14 t., t. 12* [Collected works in 14 volumes, Vol. 12], Minsk, BY, 1976.
9. Baikou M., “New Belarusian literature: Yakub Kolas. "New Land"”, *Polymia* [Flame], 1923, no. 5–6, pp. 128–129.
10. Babareka A., “"Simon the Music" Yakub Kolas”, *Uzvyshsha* [Hill], 1927, no. 3.
11. Zamotsin I., Tvory: *Litaraturna-krytychnyia artykuly* [Works: literary-critical articles], Mastatskaia litaratura, Minsk, BY, 1990.
12. Pushcha Ia., *Zbor tvorau : u 2 t.* [Works in 2 volumes], Mastatskaia litaratura, Minsk, BY, 1993–1994.
13. Vazniasenski A., “At the origins of artistic prose Yakub Kolas”, *Polymia* [Flame], 1927, no. 8.
14. Zhirmunskii S., *Bairon i Pushkin* [Byron and Pushkin], Nauka, Moscow, RU, 1978.
15. Vazniasenski A., *Asnounyia pryncypy pabudovy belaruskaj navuki ab litaratury* [Fundamental princip construction belorusian scince in literature], Minsk, by, 1927.
16. Kolas Ia., *Novaia zemlia* [New land], Khudozhestvennaia literature, Moscow, RU, 1934.
17. Navumenka I., *Iakub Kolas. Dukhouny voblik geroia* [Yakub Kolas. The spiritual aspect of the hero], Belarus’, Minsk, BY, 1968.
18. Adamovich A., “Belarusian novel in verse (Thoughts on the “New Land”)”, LiM [LaA], 1955, May 21st.

Информация об авторе

Тычино *Михаил Александрович* – д-р филол. наук, гл. науч. сотрудник. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: bel-centre@bas-net.by.

Information about the author

Tychino *Mikhail Aleksandrovich,* D. Sc. (Philol.), Chief Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: bel-centre@bas-net.by.

Для цитирования

Тычына, М. А. Якуб Колас: нацыянальная класіка ў беларускай і сусветнай літаратуры (Да 135-годдзя з дня нараджэння Якуба Коласа) / М. А. Тычына // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 103–133.

For citation

Tychino, M. A. Yakub Kolas: National Classics in Belarusian and World Literature (To the 135th Anniversary of Yakub Kolas's Birth) / M. A. Tychino // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 103–133.

ISSN 1024-5928 (print)

ПРАВА

LAW

УДК 347.1+336.7

Поступила в редакцию 21.04.2017
Received 21.04.2017

С. П. Протасовицкий

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ФИНАНСОВОГО РИСКА

Термин «риск» содержится в понятийном аппарате многих социальных наук. Вместе с тем единства в понимании феномена, обозначенного данным термином, не было и нет. Предметом настоящего исследования выступают понятие финансового риска и его виды.

В основе исследования лежит применение диалектического и логического методов научного познания, позволивших решить поставленные задачи.

Автор обобщает различные научные взгляды на риск и предлагает собственное видение этого явления, на основе чего приводится авторская позиция относительно финансового риска и его видов.

Нежелаемое изменение состояния субъекта всегда имеет достаточное основание. Оно включает причину такого изменения и совокупность условий, при которых причина возникает и действует. Возможность наступления всех условий, необходимых и достаточных для возникновения и действия упомянутой причины, называется опасностью. А основанная на опасности возможность нежелаемого изменения состояния субъекта обозначается термином «риск».

Финансовый риск – это основанная на опасности возможность нежелаемого изменения монетарного состояния социального субъекта. Последнее есть объект финансового риска, а финансовое имущество – его предмет.

По своему предмету он делится на четыре вида: валютный, инвестиционный, кредитный и долговой риски. Дополнительно выделен производный финансовый риск – комплексный образ основных видов финансового риска.

Противоположностью финансового риска выступает финансовый шанс – возможность желаемого изменения монетарного состояния социального субъекта.

Ключевые слова: опасность, риск, шанс, финансовый риск, валютный риск, инвестиционный риск, кредитный риск, долговой риск, финансовый шанс.

S. P. Protasovitsky

Belarusian State University, Minsk, Belarus

CONCEPT AND TYPES OF FINANCIAL RISK

The term "risk" can be found in the conceptual apparatus of many social sciences. However, there has been no common understanding of the phenomenon denoted by this term so far. The object of this research is the concept and types of financial risk.

The research is based on the use of the dialectical and logical methods of scientific knowledge. They made it possible to reach the identified objectives.

The author summarizes different scientific views on risk and suggests his own vision of the phenomenon and his position regarding financial risk and its types.

Any undesirable change in a subject's status always has a valid reason. It includes a cause of such change and a set of conditions under which the cause emerges and becomes effective. The possibility for all the conditions necessary and sufficient for the emergence and effect of the said cause to occur is called "hazard." And the hazard-based possibility of an undesirable change in a subject's status is denoted by the term "risk."

Financial risk is a hazard-based possibility of an undesirable change in a social subject's monetary status. The latter is the object of financial risk, and financial property is its matter.

Based on its matter, financial risk is subdivided into four types: currency risk, investment risk, credit risk and debt risk. Derivative financial risk is additionally identified as a complex image of the main financial risk types.

The opposite of financial risk is financial chance, i.e. a desirable change in the monetary status of a social subject.

Keywords: hazard, risk, chance, financial risk, currency risk, investment risk, credit risk, debt risk, financial chance.

© Протасовицкий С. П., 2017

Введение. Любой, кто управляет финансами, стремится достичь желаемого монетарного состояния. Однако финансы не всегда подвластны воле их субъектов, вследствие чего не исключается возможность нежелаемого изменения такого состояния. Иначе говоря, обладание финансовым имуществом сопряжено с риском.

Под монетарным состоянием мы понимаем принадлежность субъекту определенного количества финансового имущества (табл. 1).

Таблица 1. **Структура монетарного состояния**

Table 1. **Structure of Monetary Status**

Монетарное состояние	
Финансовые активы	*Финансовые пассивы*
Деньги	
Кредитные инструменты	
Долевые инструменты	
Финансовые требования	Финансовые долги

Риск присутствует не только в области финансов, но практически в каждой сфере деятельности. «Жить в эпоху “поздней современности”… – утверждает Э. Гидденс, – значит жить в мире случайности и риска» [1, с. 107]. Естественно, что данное явление вызывает научный интерес. Как пишет В. М. Танаев, «категория риска и ее познание … становится одним из двигателей развития человечества (в философском плане)» [2, с. 16]. В то же время, отмечает В. С. Диев, «сегодня не существует общепринятого определения риска, и представители различных наук друг друга порой просто не понимают» [3, с. 28].

Это понятие возникло в XVII в. в связи с азартными играми. Риск тогда означал вероятность появления некоторого события в сочетании с величиной потерь и выигрышей, которые оно повлекло бы за собой [4, с. 243]. Отсюда понимание риска как возможности (вероятности).

По мнению И. И. Степанова, «риск по интересу есть возможность неосуществления интереса, т.е. возможность неполучения выгоды» [5, с. 77]. С точки зрения М. А. Рогова, «риск – это возможность ненаступления каких-либо ожидаемых событий, возможность отклонения каких-либо величин от некоторых их (ожидаемых) значений» [6, с. 11]. В приведенных суждениях риск связывается с неосуществлением желаемого.

Другие авторы рассматривают риск в контексте негативных последствий (осуществления нежелаемого). Согласно О. А. Красавчикову, риск – это определенная опасность (возможность) умаления имущественных или личных неимущественных благ [7, с. 145]. В представлении А. А. Собчака, «риск – это всегда опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых неизвестно, наступят они или нет» [8, с. 55].

Иную форму понятию исследуемого феномена придает Н. Луман, различающий риск и опасность. Он указывает на две возможные причины возникновения ущерба: «Либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т.е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такового ущерба находятся вовне, т.е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности» [9, с. 150]. По Н. Луману, риск субъективен, а опасность объективна. Более тонкое различие между риском и опасностью (в смысле английского exposure) проводит К. А. Хорчер: «Риск относится к вероятности ущерба, тогда как опасность – это возможность ущерба, хотя часто они используются как синонимы» (перевод мой. – *С. П.*) [10, с. 1–2].

В понимании В. А. Ойгензихта риск – не возможность (вероятность) отрицательных последствий поведения или события, а отношение субъекта к ним. По его мнению, риск есть «психическое отношение субъекта к результату собственных действий или к поведению других лиц, а также к возможному результату объективного случая и случайно невозможных действий, выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозместимых, имущественных последствий» [11, с. 67].

В зарубежной литературе существенной характеристикой риска выступает неопределенность. А. Х. Уиллет, например, называет риск объективным коррелятом субъективной неопределенности [12, с. 29] или объективированной неопределенностью относительно возникновения нежелательного события [12, с. 33]. Ф. Х. Найт термином риск обозначает измеримую неопределенность [13, с. 225]. Практическое различие между категориями риска и неопределенности, на его взгляд, состоит в том, что, когда речь идет о риске, распределение исходов в группе случаев известно либо благодаря априорным расчетам, либо из статистических данных прошлого опыта, тогда как в условиях неопределенности это не так по той общей причине, что ситуация, с которой приходится иметь дело, весьма уникальна, и нет возможности сформировать какую-либо группу случаев [13, с. 225–226].

Многие отечественные авторы понимают риск как поведение (деятельность, деяние, действие, поступок) в условиях неопределенности (выбора). Согласно М. А. Котику, «риск – это действие (поступок), выполняемое в условиях выбора, когда существует опасность в случае неудачи оказаться в худшем положении, чем до выбора» [14, с. 257]. А. П. Альгин видит в нем «деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели» [15, с. 19–20]. С точки зрения В. И. Зубкова, «риск представляет собой целенаправленное поведение социального субъекта, осуществляемое в обстоятельствах неопределенности ожидаемых исходов» [16, с. 124].

Таким образом, существующие знания о риске подтверждают тезис об отсутствии общепринятого определения данного феномена и вызывают необходимость его дальнейшего научного исследования.

Основная часть. По нашему мнению, риск предполагает несущего его субъекта – физическое лицо, организацию, государство либо их целостную совокупность. Субъект риска всегда находится в том или ином состоянии, а точнее – в состояниях, так как многообразие его свойств предопределяет множество состояний, в которых он может пребывать в конкретный момент. Человек, например, существует в физическом, психическом, социальном, имущественном, юридическом и других состояниях. Они субъекту не безразличны и являют собой объект риска. Свойства субъекта и значимых для него элементов внешней среды мы относим к предмету риска: именно они характеризуют состояние субъекта и обнаруживают его (состояния) изменение.

Очевидно, что риск немыслим без будущего. Как отметил Г. Г. Бунеску, «риск и время представляют собой две стороны одной медали, потому что если бы не было завтрашнего дня, то и риска бы не существовало» [17, с. 88]. Связь риска и будущего основана на неопределенности последнего: мы достоверно не знаем, что будет с нами в известный момент или период будущего. Следовательно, в будущем, помимо прочего, может произойти нежелаемое изменение нашего состояния. Однако «ни одно явление, – писал Г. В. Лейбниц, – не может оказаться истинным или действительным … без достаточного основания…» [18, с. 418]. Стало быть, нежелаемое изменение тоже имеет достаточное основание. Оно включает причину такого изменения и совокупность условий, при которых причина возникает и действует. Поскольку нежелаемое изменение субъект не целеполагает, оно происходит от внешней среды. Но если причина по отношению к субъекту всегда экзогенна, то условия ее возникновения и действия зависят как от внешней среды, так и от самого субъекта. Возможность наступления всех условий, необходимых и достаточных для возникновения и действия упомянутой причины, мы называем опасностью. А основанную на опасности возможность нежелаемого изменения состояния субъекта обозначаем термином «риск».

Заметим, что риск мы видим в возможности нежелаемого (отрицательного), тогда как в литературе его часто дополняют возможностью желаемого (положительного), выделяя спекулятивный (динамический) риск [19, с. 848; 20, с. 192; 21, с. 356]. Мы не можем согласиться с подобным расширением понятия. По верному суждению В. Е. Кирюшкина и И. В. Ларионова, «возможный позитивный исход случайного события говорит о наличии шанса, а не риска» [22, с. 91]. «Ибо риск, – утверждал Я. М. Магазинер, – … есть не что иное, как возможность зла» [23, с. 112]. Возможность желаемого изменения состояния субъекта являет собой не риск, а его противоположность – шанс.

Риск (шанс) – возможность нежелаемого (желаемого) изменения состояния субъекта. Но с обратной вероятностью существует и возможность желаемого (нежелаемого) сохранения состояния. Риску (шансу) всегда сопутствует возможность его неосуществления, т. е. сохранения состояния носителя риска (обладателя шанса). В связи с этим понятие риска (шанса) можно было бы расширить за счет возможности нежелаемого (желаемого) сохранения состояния субъекта. Однако мы хотим иметь терминологическое различие между риском (шансом) изменения и риском (шансом) сохранения. Ведь к возможностям «потерять» и «не получить», равно как к возможностям «получить» и «не потерять» нельзя относиться одинаково. Риск «не получить» не ведет к ухудшению состояния субъекта, а шанс «не потерять» – к его улучшению. Стало быть, риск (шанс) сохранения – лишь некоторое подобие традиционного риска (шанса). Поэтому возможность нежелаемого (желаемого) сохранения состояния субъекта мы будем именовать квазириском (квазишансом) (табл. 2).

Таблица 2. **Риск. Квазириск. Шанс. Квазишанс**

Table 2. **Risk. Quasi-risk. Chance. Quasi-chance**

Возможность	нежелаемого	изменения	Риск
		сохранения	Квазириск
	желаемого	изменения	Шанс
		сохранения	Квазишанс

Сущность финансов заключается в изменении монетарного состояния [24, с. 104]. Значит, финансовый риск – это основанная на опасности возможность нежелаемого изменения такого состояния. Последнее есть объект финансового риска, а финансовое имущество – его предмет.

Мы исходим из того, что нежелаемое изменение монетарного состояния никогда не бывает целью субъекта: иначе оно становится желаемым. К тому же постулируем разумность субъекта в оценке изменения его состояния.

Изменение монетарного состояния сводится к изменению номинального и (или) реального количества денег, кредитных и долевых инструментов, финансовых требований и долгов. Разумеется, их количество должно иметь денежное выражение.

Количество денег определяется числом денежных величин (валюты) в настоящее время, т. е. всегда реально.

Количество кредитных и долевых инструментов в денежном выражении – это их стоимость. Она может быть номинальной и реальной.

Номинальная стоимость кредитного инструмента (сумма денег; сумма вклада (депозита); размер требований по обязательству, обеспеченному ипотекой) содержится в его реквизитах. Реальная же стоимость кредитного инструмента – результат оценки. Для ее определения применимы Международные стандарты финансовой отчетности (IAS) 39 «Финансовые инструменты: признание и оценка» и (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости» (приложения 26 и 40 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 19 августа 2016 г. № 657/20 [25]).

По общему правилу номинал доли в уставном фонде соответствует стоимости вклада участника в уставный фонд и указывается в уставе в виде размера вклада (ч. 2 ст. 91, ч. 2 ст. 92, ч. 1 ст. 94 Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах» [26], далее – Закон об обществах). Номинальная стоимость акции устанавливается акционерами и фиксируется в уставе акционерного общества (ч. 2 ст. 69 Закона об обществах). Данные сведения вносятся в Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Реальная стоимость долевых инструментов определяется в результате оценки, произведенной в соответствии с разделом 12 технического кодекса установившейся практики ТКП 52.1.01-2015 (33520) «Оценка стоимости объектов гражданских прав. Оценка стоимости предприятий (бизнеса)», утвержденного приказом Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 25 августа 2015 г. № 184 [27]. В Законе об обществах упоминается и действительная стоимость доли

в уставном фонде (ч. 2 ст. 94), но она применяется при расчетах общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью с его участниками, в том числе вышедшими (исключенными) из общества, а также наследниками и кредиторами участников.

Облигации и акции могут иметь рыночную цену, которая рассчитывается в порядке, установленном постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 17 марта 2016 г. № 3 [28].

Финансовые требования и долги исчисляются как номинально (в будущих деньгах), так и в реальном (приведенном к текущим деньгам) количестве.

Принимая во внимание изложенное, представляем следующую картину финансовых рисков (табл. 3).

Таблица 3. **Финансовые риски**

Table 3. **Financial Risks**

Монетарное состояние				
Финансовые активы				*Финансовые пассивы*
Деньги	Кредитные инструменты	Долевые инструменты	Финансовые требования	Финансовые долги
Валютный риск	Инвестиционный риск		Кредитный риск	Долговой риск
Производный риск				

Деньги – объект всеобщего менового интереса: все участники экономического оборота хотят получить или сохранить господство над ними с целью обмена. Никто, конечно, не желает уменьшения их количества (действительного убытка) помимо своей воли. Возможность такого убытка мы именуем валютным риском.

Господство над деньгами обеспечивается оказанием банковских услуг и обладанием валютными инструментами. Следовательно, валютный риск осуществляется в виде: (1) дебетования банковского счета субъекта в отсутствие его платежной инструкции (акцепта); 2) невольного выбытия валютных инструментов из владения субъекта; 3) утраты ими юридической силы. Реализация валютного риска часто не имеет внешнего выражения, что связано с возможностью скрытого убытка вследствие инфляции и ревальвации базовой валюты.

Кредитные и долевые инструменты выступают объектами инвестиций. Многие приобретают их не ради удостоверяемых прав, а в расчете на инвестиционный доход. Очевидно, что инвесторы не желают потери инструментов и уменьшения их стоимости. Поскольку это возможно, они несут финансовый риск, который мы называем инвестиционным. Он осуществляется в виде: 1) невольного выбытия документарных кредитных инструментов из владения субъекта; 2) списания бездокументарных инструментов со счета «депо» в отсутствие поручения депонента; 3) уменьшения размера (прекращения) доли в уставном фонде помимо воли ее обладателя; 4) утраты ими юридической силы; 5) падения их стоимости. Инвестиционный риск нередко обнаруживает себя в уменьшении реальной стоимости кредитных и долевых инструментов вследствие инфляции и ревальвации базовой валюты.

Финансовое требование предусматривает положенное увеличение количества денег, кредитных инструментов и акций у кредитора и тем самым являет собой объект интереса. Естественно, что ни один кредитор не желает невольного уменьшения количества (прекращения) его требования без исполнения. Возможность подобного уменьшения мы считаем кредитным риском. К примеру, по ч. 7 ст. 147 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [29] требования кредиторов, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества должника, признаются погашенными. Чаще всего кредитный риск реализуется при уменьшении реального количества финансового требования вследствие инфляции и ревальвации базовой валюты, падения реальной стоимости кредитных инструментов и акций.

Финансовый долг предписывает уменьшение количества денег, кредитных инструментов и акций у одного субъекта (должника) в пользу другого (кредитора). Как только долг возникает,

уменьшение количества становится необходимым, поэтому участники экономического оборота не хотят обременять себя долгом без предоставления им блага или финансового актива. Следовательно, никто не желает возникновения у него долга помимо своей воли. Возможность нежелаемого возникновения финансового долга (увеличения его количества) есть долговой риск. Обычно он осуществляется в виде наступления имущественной ответственности, но может быть реализован и без внешнего выражения, когда увеличивается реальное количество финансового долга по причине дефляции и девальвации базовой валюты, повышения реальной стоимости кредитных инструментов и акций.

Монетарное состояние социального субъекта характеризуется не только числовыми значениями финансового имущества, но и отношениями между ними (числовыми выражениями). Например, разность между финансовыми активами и пассивами показывает величину чистых активов (англ. net worth), относящихся к монетарному состоянию. Если же мы разделим количество денег субъекта на количество его краткосрочных долгов, то получим коэффициент абсолютной ликвидности (англ. cash ratio). Существует множество других подобных (производных) показателей. Не вызывает сомнения наличие у них допустимых значений, за пределами которых монетарное состояние становится неприемлемым. Значит, мы можем говорить еще об одном финансовом риске – возможности нежелаемого изменения производных показателей монетарного состояния (приобретения ими недопустимых значений) помимо воли субъекта. Поскольку эти показатели целиком определяются числовыми значениями финансового имущества, данный риск – комплексный образ валютного, инвестиционного, кредитного и долгового рисков, в виду чего мы именуем его производным финансовым риском.

В литературе выделяется гораздо больше финансовых рисков. К примеру, И. А. Бланк относит к ним риск неплатежеспособности, а также инвестиционный, инфляционный, процентный, валютный, депозитный, кредитный, налоговый и другие [30, с. 205], однако в его понимании финансовый риск (предприятия) есть «вероятность возникновения неблагоприятных финансовых последствий в форме потери дохода или капитала в ситуации неопределенности условий осуществления его финансовой деятельности» [30, с. 203].

Любой риск основан на опасности. Поскольку финансовый риск подразумевает изменение количества финансового имущества в денежном выражении, перманентной опасностью здесь выступает возможность изменения валютного стандарта, равняющего всеобщую меновую ценность денежной единицы с ценностью определенного количества блага или набора благ. Валютный стандарт отражает покупательную способность (англ. purchasing power) денег в данной валюте. При денежном сбережении и кредитовании их субъект не желает уменьшения покупательной способности денег, поскольку тогда он лишается возможности купить столько благ, сколько мог бы купить в момент сбережения и кредитования. Денежный должник, наоборот, не желает увеличения их покупательной способности, так как ему придется расстаться с бóльшим количеством благ, чем он мог купить в момент возникновения долга. Изменение покупательной способности денег проявляется в инфляции (дефляции) и девальвации (ревальвации) национальной валюты. В случае гиперинфляции происходит «бегство» от денег в теряющей ценность валюте, их покупательная способность стремится к нулю, и соответствующая валюта перестает быть таковой.

Если финансовый риск – возможность нежелаемого изменения монетарного состояния, то его противоположность – финансовый шанс – это возможность желаемого изменения такого состояния. Осуществление финансовых шансов с приемлемыми финансовыми рисками, по нашему мнению, образует цель управления финансами.

Распространенный случай неосуществления финансового (кредитного) шанса (осуществления кредитного квазириска) – ненадлежащее исполнение денежного обязательства должником. Когда кредитор не получает удовлетворения в установленный срок, желаемого увеличения количества денег (желаемого прекращения денежного требования) не происходит. Однако кредитный шанс у него остается, но в отношении просроченного денежного требования. Если последнее будет признано погашенным вследствие банкротства должника, то произойдет уже осуществление кредитного риска (нежелаемое прекращение денежного требования).

Выводы. Таким образом, исследование понятия и видов финансового риска приводит нас к следующим выводам.

Финансовый риск есть основанная на опасности возможность нежелаемого изменения монетарного состояния социального субъекта. По своему предмету он делится на четыре вида: валютный, инвестиционный, кредитный и долговой риски:

валютный риск – возможность уменьшения количества денег помимо воли их обладателя;

инвестиционный риск – возможность уменьшения стоимости кредитных и долевых инструментов помимо воли их обладателя;

кредитный риск – возможность уменьшения количества (прекращения) финансового требования без исполнения помимо воли кредитора;

долговой риск – возможность возникновения финансового долга (увеличения его количества) помимо воли должника.

Дополнительно мы выделяем *производный финансовый риск* – возможность нежелаемого изменения производных показателей монетарного состояния социального субъекта (приобретения ими недопустимых значений) помимо воли последнего.

Противоположностью финансового риска выступает *финансовый шанс* – возможность желаемого изменения монетарного состояния социального субъекта.

Список использованных источников

1. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс; пер. С. П. Баньковской // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 107–134.

2. Танаев, В. М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе Российской Федерации / В. М. Танаев // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. С. С. Алексеева; Исслед. центр частного права. Урал. филиал; Рос. школа частного права. Урал. отд-ние. – М.: Статут, 2000. – С. 8–34.

3. Диев, В. С. Философская парадигма риска / В. С. Диев // ЭКО. Всерос. экон. журн. – 2008. – № 12. – С. 27–38.

4. Дуглас, М. Риск как судебный механизм / М. Дуглас; пер. А. Д. Ковалева // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 242–253.

5. Степанов, И. И. Опыт теории страхового договора / И. И. Степанов. – Казань: Университетская тип., 1875. – 203 с.

6. Рогов, М. А. Риск-менеджмент / М. А. Рогов. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 120 с.

7. Красавчиков, О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О. А. Красавчиков. – М.: Юрид. лит., 1966. – 200 с.

8. Собчак, А. А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности / А. А. Собчак // Правоведение. – 1968. – № 1. – С. 49–57.

9. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман; пер. А. Ф. Филиппова // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 135–160.

10. Horcher, K. A. Essentials of Financial Risk Management / K. A. Horcher. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2005. – 257 p.

11. Ойгензихт, В. А. Категория «риска» в советском гражданском праве / В. А. Ойгензихт // Правоведение. – 1971. – № 5. – С. 64–70.

12. Willett, A. H. The Economic Theory of Risk and Insurance / A. H. Willett. – London: P. S. King & Son, 1901. – 142 pp.

13. Найт, Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Х. Найт; пер. М. Я. Каждана. – М.: Дело, 2003. – 360 с.

14. Котик, М. А. Психология и безопасность / М. А. Котик. – 2-е изд., испр. и доп. – Таллин: Валгус, 1987. – 440 с.

15. Альгин, А. П. Риск и его роль в общественной жизни / А. П. Альгин. – М.: Мысль, 1989. – 187 с.

16. Зубков, В. И. Проблемное поле социологической теории риска / В. И. Зубков // Социол. исслед. – 2001. – № 6. – С. 123–127.

17. Бунеску, Г. Г. Генезис риска / Г. Г. Бунеску // Управление финансовыми рисками. – 2007. – № 2. – С. 86–95.

18. Лейбниц, Г. В. Монадология / Г. В. Лейбниц; пер. Б. П. Боброва // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1. – С. 413–429.

19. Бригхэм, Ю. Финансовый менеджмент / Ю. Бригхэм, М. Эрхардт; пер. Е. А. Дорофеева. – 10-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 960 с.

20. Теория финансов: учеб. пособие / Н. Е. Заяц [и др.]; под ред. Н. Е. Заяц, М. К. Фисенко. – Минск: БГЭУ, 2005. – 351 с.

21. Лукасевич, И. Я. Финансовый менеджмент: учеб. / И. Я. Лукасевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – 768 с.

22. Кирюшкин, В. Е. Основы риск-менеджмента / В. Е. Кирюшкин, И. В. Ларионов. – М.: Анкил, 2009. – 132 с.

23. Магазинер, Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства / Я. М. Магазинер // Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права / под ред. А. К. Кравцова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – С. 15–314.

24. Протасовицкий, С. П. Понятие финансов: новая парадигма / С. П. Протасовицкий // Государство и право. – 2014. – № 12. – С. 99–105.

25. О введении в действие на территории Республики Беларусь Международных стандартов финансовой отчетности и их разъяснений, принимаемых Фондом Международных стандартов финансовой отчетности [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Нац. банка Респ. Беларусь, 19 авг. 2016 г., № 657/20 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

26. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь, 10 янв. 2006 г., № 100-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

27. Оценка стоимости объектов гражданских прав. Оценка стоимости предприятий (бизнеса) = Ацэнка вартасці аб'ектаў грамадзянскіх правоў. Ацэнка вартасці прадпрыемстваў (бізнесу): ТКП 52.1.01-2015 (33520). – Введ. 01.09.15. – Минск: Госстандарт, 2015. – 68 с.

28. О некоторых вопросах расчета рыночной цены эмиссионных ценных бумаг [Электронный ресурс]: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 17 марта 2016 г., № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

29. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

30. Бланк, И. А. Основы финансового менеджмента: в 2 т. / И. А. Бланк. – Киев: Ника-Центр, 1999. – Т. 2. – 512 с.

References

1. Giddens E.,"Fate, Risk and Security", *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 107–134.

2. Tanaev V. M.,"Concept of Risk in the Civil Code of Russian Federation", *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* [Actual problems of civil law], Statut, Moscow, RU, 2000, pp. 8–34.

3. Diev V. S.,"Philosophical Paradigm of Risk", *EKO. Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [EKO. All-Russian Economic Journal], 2008, no. 12,pp. 27–38.

4. Duglas M.,"Risk as a Forensic Resource", THESIS, 1994, no. 5, pp. 242–253.

5. Stepanov I. I.,*Opyt teorii strakhovogo dogovora* [Essay on Insurance Contract Theory], Universitetskaia tipografiia, Kazan', RU, 1875.

6. Rogov M. A.,*Risk-menedzhment* [Risk Management], Finansy i statistika, Moscow, RU, 2001.

7. Krasavchikov O. A.,*Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoi opasnosti* [Compensation of Damage Caused by Source of Increased Danger], Iuridicheskaia literatura, Moscow, RU, 1966.

8. Sobchak A. A.,"On Some Controversial Issues of General Theory of Legal Liability", *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1968, no. 1, pp. 49–57.

9. Luman N.,"Notion of Risk", *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 135–160.

10. Horcher K. A.,*Essentials of Financial Risk Management*, John Wiley & Sons, Hoboken, US, 2005.

11. Oigenzikht V. A.,"Concept of Risk in the Soviet Civil Law", *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1971, no. 5,pp. 64–70.

12. Willett A. H.,*The Economic Theory of Risk and Insurance*, P. S. King & Son, London, GB, 1901.

13. Nait F. Kh.,*Risk, neopredelennost' i pribyl'* [Risk, Uncertainty and Profit], Delo, Mowcow, RU, 2003.

14. Kotik M. A.,*Psikhologiia i bezopasnost'* [Psychology and Safety], Valgus, Tallin, EE, 1987.

15. Al'gin A. P.,*Risk i ego rol' v obshchestvennoi zhizni* [Risk and its Role in Social Life], Mysl', Moscow, RU, 1989.

16. Zubkov V. I.,"Problem Field of Sociological Theory of Risk", *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], 2001, no. 6, pp. 123–127.

17. Bunesku G. G.,"Genesis of Risk", *Upravlenie finansovymi riskami* [Financial Risk Management], 2007, no. 2, pp. 86–95.

18. Leibnits G. V.,"Monadology", in Gotfrid Vil'gel'm Leibnits,*Sochineniia: v 4 t.* [Works: in 4 volumes], Mysl', Moscow, RU, 1982, vol. 1, pp. 413–429.

19. Brigkhem Iu.,*Finansovyi menedzhment* [Fundamentals of Financial Management], 10nd ed., Piter,St. Petersburg, RU, 2009.

20. Teoriia finansov [Finance Theory], BGEU, Minsk, BY, 2005.

21. Lukashevich I. Ia.,*Finansovyi menedzhment* [Financial Management], 2nd ed., Eksmo, Moscow, RU, 2010.

22. Kiriushkin V. E.,*Osnovy risk-menedzhmenta* [Fundamentals of Risk Management], Ankil, Moscow, RU, 2009.

23. Magaziner Ia. M.,"The General Theory of Law on the Basis of Soviet Legislation", in Magaziner Ia. M., Izbrannye trudy po obshchei teorii prava [Selected Works on General Theory of Law], Iuridicheskii tsentr Press, St. Petersburg, RU, 2006, pp. 15–314.

24. Protasovitskii S. P.,"Concept of Finance: New Paradigm", *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2014, no. 12, pp. 99–105.

25. *O vvedenii v deistvie na territorii Respubliki Belarus' Mezhdunarodnykh standartov finansovoi otchetnosti i ikh Raz"iasnenii, prinimaemykh Fondom Mezhdunarodnykh standartov finansovoi otchetnosti* [On the Implementation in the Republic of Belarus of the International Financial Reporting Standards and their Explanations Enacted by the Foundation of the International Financial Reporting Standards] : postanovlenie Soveta Ministrov Resp. Belarus' i Natsional'nogo banka Resp. Belarus', 19 avg. 2016 g., no. 657/20. ETALON. Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus'. Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'.Minsk, BY, 2017.

26. *O khoziaistvennykh obshchestvakh* [On Companies]: Zakon Resp. Belarus', 9 dek. 1992 g., no. 2020-XII: v red. Zakona Resp. Belarus', 10 ianv. 2006 g., no. 100-Z. ETALON. Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus'. Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'. Minsk, BY, 2017.

27. *Otsenka stoimosti ob"ektov grazhdanskikh prav. Otsenka stoimosti predpriiatii (biznesa)* [Valuation of Civil Rights Objects. Valuation of Companies (Business)], TKP 52.1.01-2015 (33520). Vved. 01.09.15. Gosstandart, Minsk, BY, 2015.

28. *O nekotorykh voprosakh rascheta rynochnoi tseny emissionnykh tsennykh bumag* [On Some Matters of Calculation of Market Prices of Publicly Traded Securities]: postanovlenie Ministerstva finansov Resp. Belarus', 17 marta 2016 g., no. 3. ETALON. Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus'. Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'. Minsk, BY, 2017.

29. *Ob ekonomicheskoi nesostoiatel'nosti (bankrotstve)* [On Economic Insolvency (Bankruptcy)]: Zakon Resp. Belarus', 13 iiulia 2012 g., no. 415-Z, ETALON, Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus', Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus', Minsk, BY, 2017.

30. Blank I. A.,*Osnovy finansovogo menedzhmenta* [Fundamentals of Financial Management],v 2 t., Nika-Tsentr, Kiev, UA, 1999, vol. 2.

Информация об авторе

Протасовицкий *Сергей Петрович* – канд. юрид. наук, доцент. УО "Белорусский государственный университет" (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: sp@pershae.by.

Information about the author

Protasovitsky *Sergey Petrovich,* Ph. D. (Law), Assistant Professor, Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: sp@pershae.by.

Для цитирования

Протасовицкий, С. П. Понятие и виды финансового риска / С. П. Протасовицкий // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 114–122.

For citation

Protasovitsky, S. P. The Concept and Types of Financial Risk / S. P. Protasovitsky // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 114–122.

ISSN 1024-5928 (print)
УДК 339.564 (476)

Поступила в редакцию 03.01.2017
Received 03.01.2017

Ю. А. Журавлёв

Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь

РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТА КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Цель статьи – показать, как стратегия развития экспорта способствует развитию страны, а также в каких аспектах Республике Беларусь следует сконцентрировать усилия для увеличения экспорта. Отражены наиболее важные производные политики экспорта, цели и задачи экспортной стратегии Республики Беларусь, принципы развития экспорта в нашей стране.

Указаны основные направления целей государства в области экономической политики, которые должны определяться стратегией развития экспортного потенциала для Беларуси. Приведен ряд причин, по которым экспорт как часть экономической системы имеет особое место в Республике Беларусь. Для роста экспорта необходимы системные экономические и финансовые преобразования, в том числе совместные усилия предприятий и государства в этой области. В статье приведены такие перспективные направления деятельности.

Проведена оценка позитивных и критических вопросов в развитии нынешнего экспортного потенциала, выделены специфические элементы экспортного потенциала. Для роста экспорта приведены необходимые системные экономические и финансовые преобразования потенциала страны. Отмечены принципы, подразумевающие мобилизацию внутренних и внешних факторов с учетом их максимального использования для обеспечения стабильного экономического роста.

Ключевые слова: экспорт, стратегия развития, ВВП, совершенствование государственного регулирования экспорта.

Yu. A. Zhuravlev

Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

DEVELOPMENT OF EXPORTS AS AN IMPORTANT FACTOR FOR ECONOMIC GROWTH

The objective of this article is to describe and demonstrate how an export development strategy promotes a country's development. It lists the aspects where the Republic of Belarus should focus efforts to strengthen and increase exports. The most significant derived indicators of the export policy, purposes and tasks of the export strategy of the Republic of Belarus and principles for the development of exports in Belarus are described.

The article includes basic guidelines regarding the state's economic policy objectives to be determined by Belarus' export capacity development strategy. A number of reasons are given to substantiate a crucial role of exports in the economic system of the Republic of Belarus. Building up exports needs systemic economic and financial transformations, including mutual efforts by manufacturers and government authorities in this field; therefore the article specifies prospective areas of activity.

Positive and critical issues in the development of the existing export potential have been assessed, and specific export potential elements have been highlighted. Some necessary systemic economic and financial transformations needed for the country's potential have been identified. Principles are listed that imply the mobilization of internal and external factors and their most efficient use to ensure steady economic growth.

Keywords: export, development strategy, GDP, improvement of state export regulation.

Экспорт является основой экономической и социальной политики для небольшой и открытой экономики. С конца 1990-х гг. в Беларуси в ВВП доля экспорта составляла 55–65%. По данному показателю Беларусь опережает многие страны Евросоюза, но открытость эта неполная и рыночно непоследовательная. Показатель экспортной доли в ВВП Беларуси в последние годы достигает более 70% [1].

Рост экспорта в нормальных экономических условиях означает увеличение валютных поступлений. При маленьких значениях бартерных сделок, а они за последние годы снизились на 2–3% от общего объема экспорта и импорта, валютные поступления позитивно сказываются на приросте финансовых потоков, включая заработную плату и прибыль. Наращивание экспортного потенциала является самым эффективным средством увеличения доходов страны.

© Журавлёв Ю. А., 2017

Экспорт как часть экономической системы Беларуси имеет особое место в стратегии развития страны. Ниже приведен ряд причин, по которым это происходит:

– белорусская экономика является малой открытой экономикой, что делает ее и продвинутой, и уязвимой одновременно;

– созданные в советские времена предприятия по своему потенциалу значительно превышают внутренний рынок Беларуси;

– экспорт является основным инструментом для получения сырьевых и энергетических ресурсов;

– главный вектор развития страны – это внешний рынок, поскольку экспорт является основным инструментом количественной динамики и качественного развития;

– страна является транзитным государством, что повлияло на высокую значимость экспорта услуг;

– государство нуждается в развитии высокоэффективной инфраструктуры и механизмов аллокации товаров и денег;

– любой прогресс страны связан с увеличением экспорта и диверсификации продаваемых товаров и услуг.

Экспорт управляет Беларусью – этот тезис неопровержим: не получая внешних доходов, страна не будет развиваться.

В целях совершенствования государственного регулирования экспорта отдельных видов товаров, производимых в Республике Беларусь, Советом Министров принято постановление № 1091, которым определен примерный перечень видов производимых в стране товаров, экспортируемых субъектами хозяйствования.

Среди них – экспорт военно-промышленного комплекса. Здесь основные усилия были направлены с простого увеличения объемов выпуска продукции на решение комплексной задачи производства и реализации современных образцов вооружения. Сделана ставка на увеличение экспортной составляющей путем выхода на новые рынки, расширения номенклатуры экспорта и перехода к новым формам производственной кооперации.

Палатой БелТПП также подписано свыше 700 соглашений с национальными и региональными палатами дальнего и ближнего зарубежья, с которыми постоянно осуществляется внешнеэкономическая деятельность.

В области экспорта сельского хозяйства и продовольственной продукции в Республике Беларусь задействовано 320 организаций. Для реализации сельскохозяйственных и продовольственных товаров на экспорт отечественные предприятия развивают собственную товаропроводящую сеть. В настоящее время таких структур 130 и через них за рубеж поставляется более 20% объема экспорта [1].

Президентом и правительством Республики Беларусь в области экспорта строительства были поставлены задачи довести объемы строительства за рубежом до 1 млн кв. м.

В области электроэнергии темпы были увеличены, но здесь наблюдается ежегодная текучесть кадров (до 25%) в Россию, что негативно сказывается на качестве рабочей силы в данной отрасли [1].

Предприятия Министерства промышленности занимают ведущее место в объемах внешней торговли Республики Беларусь. В прошлом году на их долю пришлось 11,6% внешнеторгового оборота, в том числе 16,7% экспорта. Поставки Министерства промышленности осуществляются в 105 стран.

Белорусскими учеными предпринимаются попытки классификации экспортных отраслей страны, выделения специфики предприятий и определенных сегментов экономики. Выделяют 25 самых крупных предприятий, которые дают 50% экспорта, либо 70 предприятий, которые дают 75% экспорта товаров из страны. Эти цифры впечатляют, но они же являются показателями экономической небезопасности. Когда происходит концентрация товарных и денежных потоков за счет экспортного потенциала ограниченного количества хозяйственных субъектов, то если эти предприятия попадают в сложное финансовое положение, начинает «лихорадить» весь экспорт. Проблемы начинают расти и во всей национальной экономике.

Что следует оценить позитивно, а что критически в развитии нынешнего экспортного потенциала? Можно выделить специфические элементы экспортного потенциала, которые представлены:

– ресурсным потенциалом (нефть, газ, полезные ископаемые, особые природные условия);

– технологическим потенциалом, дающим возможность производить конкурентную продукцию high-tech и иную востребованную внешними рынками продукцию, включая простые товары, информацию и технологии;

– потенциалом аграрного сектора экономики (значительные государственные финансовые вливания позволили многократно увеличить экспорт мясо-молочной продукции на внешние рынки и прежде всего в Российскую Федерацию);

– человеческим потенциалом (квалифицированные научные кадры, средне- и малоквалифицированная рабочая сила, которая может быть использована в других странах, экспорт рабочей силы);

– финансовым капиталом и финансовыми активами, работающими в экономике;

– институциональными сбережениями населения, которые могут быть использованы для резкого увеличения производства тех или иных товаров и услуг, на которые на мировом рынке существует растущий спрос;

– географическими особенностями страны, благодаря чему можно увеличивать экспорт транспортных услуг, развивать международный туризм;

– способностью национального капитала с опережением осуществлять инновационную и интеллектуальную модернизацию страны.

Следует также отметить наиболее важные производные политики экспорта, которые отражены ниже (рис. 1).

Стратегия стабильного экономического роста Республики Беларусь и ее тактические приоритеты в определяющей степени связаны с развитием экспортного потенциала на базе повышения конкурентоспособности реального сектора и сферы услуг и всесторонней интеграцией белорусской экономики в мировую хозяйственную систему. Основные цели и задачи экспортной стратегии Республики Беларусь представлены в таблице.

Новые подходы в экспортной стратегии включают:

– пути наращивания экспортного потенциала, стимулирование и комплексную поддержку экспортных процессов, новых подходов втарифной политике;

– развитие инфраструктуры внешнеторговой деятельности (в том числе ярмарочно-выставочной);

– меры по выравниванию сальдо внешнеторгового и платежного балансов.

В этой связи предусматривается:

– прогнозирование реального роста экспорта в рамках основных тенденций развития реального сектора экономики и использование преимуществ Республики Беларусь по сравнению с другими странами;

– обоснование ключевых параметров платежного баланса и платежеспособности национальной экономики при сложившемся объеме внешнего долга;

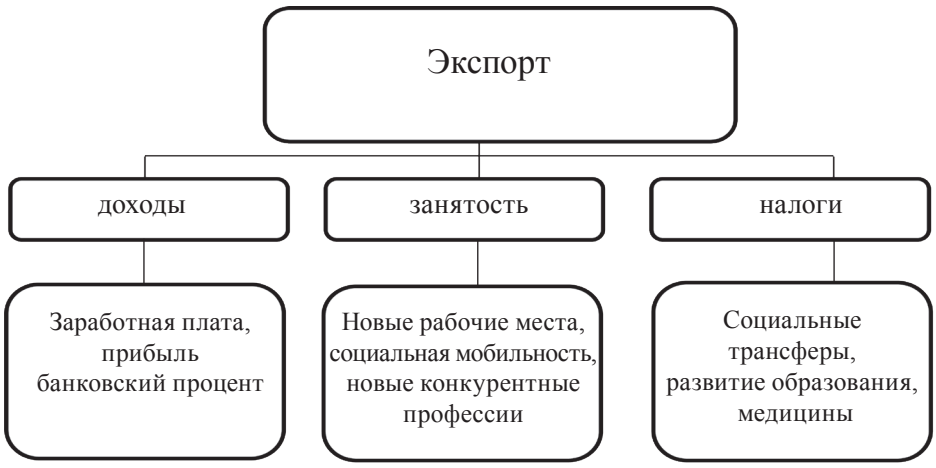


Рис. 1. Наиболее важные производные политики экспорта (источник: собственная разработка на основе [2])

Fig. 1. The most important export policy principles (Source: author, based on [2])

Цели и задачи экспортной стратегии Республики Беларусь
Objectives and tasks for the export strategy of the Republic of Belarus

Цель	Повышение экспорта товаров и услуг, увеличение их объемов в рамках создания благоприятных макроэкономических и финансово-кредитных условий и расширение позиций белорусских товаров на мировых рынках товаров и услуг.
Задачи	Формирование государственной стратегии в области повышения эффективности экспортных процессов на основе либерализации торговых режимов.
	Сокращение административных методов управления экспортно-импортными процессами и расширение стимулирующей роли финансово-экономических мер.
	Создание развитой и эффективной внешнеторговой инфраструктуры по продвижению товаров белорусскими юридическими лицами различной формы собственности, в том числе при активной финансовой и дипломатической поддержке государства.
	Обеспечение системы оперативного маркетинга и информационно-аналитического и прогностического обеспечения экспортно-импортных операций, в том числе за счет расширения рекламно-выставочной деятельности, ввода в действие международного экспортно-импортного центра.
	Создание системы правового обеспечения экспортно-импортных отношений с учетом фактора стимулирования экспорта товаров и услуг.
	Развитие системы страхования рисков, связанных с экспортно-импортной деятельностью.
	Финансово-кредитное обеспечение экспортно-импортных процессов.

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [3].
Note. Source: author, based on [3].

– разработка системы мер, направленных на стимулирование экспорта, выравнивание сальдо платежного баланса, повышение активности и эффективности деятельности юридических лиц в области внешней торговли.

Реализация целей и задач в области развития экспорта должна стать основным базисом стратегии стабильного экономического роста Республики Беларусь до 2020 г. [2].

Совокупность принципов, представленных на рис. 2, подразумевает мобилизацию внутренних и внешних факторов с учетом максимального их использования для обеспечения стабильного экономического роста.

Интеграция Республики Беларусь в мировую экономику в качестве равноправного партнера невозможна без улучшения структуры и соотношения внешнеэкономического обмена с повышением удельного веса готовой продукции, производственной и научно-технической кооперации, совместной реализации инновационных проектов и т. д. Таким образом, долгосрочной экспортной стратегией Республики Беларусь должен быть экспорт товаров высокой степени обработки.

Для роста экспорта необходимы системные экономические и финансовые преобразования, в том числе совместные усилия предприятий и государства в этой области.

Перспективным является создание при участии государства финансово-промышленных групп и консорциумов экспортной ориентации. Реализация конкретных экспортных проектов должна опираться на выверенную оценку конкурентных преимуществ Республики Беларусь, связанных как с дешевизной рабочей силы, так и наилучшей сырьевой базой.

В республике имеется несколько отраслей (химическая и нефтеперерабатывающая, легкая промышленность, производство строительных материалов, отдельные производства пищевой промышленности и т. д.), способных внести значительный вклад в наращивание объемов и совершенствование структуры экспорта [4].

Большие перспективы имеются по увеличению экспорта различных видов услуг, в том числе осуществлению транзитных перевозок, международного туризма и т. д.

Дополнительные возможности по увеличению экспорта существуют в рамках кооперации малых и крупных предприятий в производстве продукции, потенциально конкурентоспособной на внешнем рынке.

Важным элементом национальной экспортной стратегии является оптимальное использование различных форм международного экономического сотрудничества. Требуют своего развития международные объединения и организации, сотрудничество на компенсационной основе, кредитные

Рис. 2. Принципы развития экспорта в Республике Беларусь (источник: собственная разработка на основе [3])

Fig 2. Fundamentals for the export development in the Republic of Belarus (Source: author, based on [3])

соглашения, переработка давальческого сырья, лицензионная торговля, международный лизинг, инжиниринг, приграничная торговля, свободные экономические зоны, компенсационные перевозки с участием более чем двух стран и т. д. Таких форм международного сотрудничества мировая практика насчитывает более двадцати и в зависимости от тех или иных конкретных экономических условий их необходимо использовать в чистом или комбинированном сочетаниях [5].

Основные цели государства в области экономической политики должны определяться стратегией развития экспортного потенциала и быть направлены на:

– обеспечение конкурентоспособности белорусской экономики;

– повышение экспортной динамики в целях обеспечения выгодного положения Республики Беларусь в системе международной торговли, в том числе в рамках диверсификации структуры экспорта на традиционных рынках;

– создание условий для привлечения иностранного капитала и его эффективное использование для развития реального сектора экономики, в том числе производства экспортной продукции;

– создание предпосылок для полномасштабной интеграции белорусской экономики в мировую экономическую и европейскую финансовую системы и институциональное присутствие в системе международного торгово-экономического сотрудничества и разделения труда;

– обеспечение открытости экономики и либерализацию торговых режимов;

Достижение поставленных целей возможно в рамках системного подхода и реализации широкого комплекса мер (средств), основными из которых являются:

– формирование «бюджета развития» в целях увеличения экспортного потенциала регионов республики;

– адаптация экономики Республики Беларусь (макроэкономические показатели) к эффективному использованию внешнего финансирования;

– внедрение международных стандартов и норм в области торговли в рамках открытости белорусской экономики, внутреннего финансового и страхового рынков;

– развитие торгово-экономического и финансового сотрудничества со странами ЕС, Центральной и Восточной Европы;

– интенсификация законодательной деятельности и институциональных преобразований в области страхования экспорта и экспортных кредитов, обеспечение гарантий по экспортным контрактам (от политических рисков) и гарантий по финансированию экспортных сделок.

Препятствиями на пути к достижению обозначенных целей являются:

– недостаточная реструктуризация экономики;

– торговые ограничения для белорусских товаров;

– неплатежи;

– низкая обеспеченность оборотными (финансовыми) ресурсами экспортоориентированных предприятий;

– отсутствие системы страхования торговых потоков;

– отсутствие либерального валютного регулирования;

– финансово-кредитная нестабильность;

– ограниченный приток прямых инвестиций в экономику.

Список использованных источников

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Макроэкономика и окружающая среда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 23.11.2016.

2. Wild, J. J. InternationalBusiness: TheChallengesofGlobalization / J. J. Wild, K. L. Wild. – NewJersey, USA, 2013.

3. Министерство иностранных дел, Национальная программа поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.by. – Дата доступа: 25.11.2016.

4. Порошин, Ю. Б. Промышленный экспорт в условиях глобализации / Ю. Б. Порошин, В. С. Круглов. – Саратов: ИЦ «Наука», 2008.

5. Тхен, Си. Роль экспорта в развитии экономики / Си Тхен. – Пекин: Изд-во ун-та междунар. бизнеса и экономики, 2016. – 230 с.

6. Зацаринин, С. А. Основные направления поддержки экспортоориен-тированных предприятий / С. А. Зацаринин // Модернизация экономики и общества: сб. науч. тр. по результатам работы СГСЭУ в 2010 г. – Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2011.

References

1. “National Statistics Committee of the Republic of Belarus, Macro-economy and Environment”, available at: http://www.belstat.gov.by, (Accessed 23.11.2016).

2. Wild J. J., International Business: The Challenges of Globalization, New Jersey, USA, 2013.

3. “Ministry of Foreign Affairs, National Exports Support and Development Programme of the Republic of Belarus for 2016–2020”, available at: http://www.mfa.gov.by, (Accessed 25.11.2016).

4. Poroshin Iu. B., Kruglov V. S., *Promyshlennyi eksport v usloviiakh globalizatsii* [Industrial Exports in the Conditions of Globalization], ITs “Nauka”, Saratov, RU, 2008.

5. Tkhen Si, *Rol' eksporta v razvitii ekonomiki* [The Role of Exports in the Development of Economy], Izdatel'stvo universiteta mezhdunarodnogo biznesa i ekonomiki, Beijing, CN, 2016.

6. Zatsarinin S. A., “The main areas of support for foreign trade activities of export-oriented enterprises”, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik Saratov State socio-economic university], 2011, no. 2 (36), pp. 85–88.

Информация об авторе

Журавлёв *Юрий Александрович* – магистр экон. наук. ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : yuri.zhuravlev29@gmail.com.

Information about the author

Zhuravlev *Yuri Aleksandrovich,* MA (Econ.), Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: yuri.zhuravlev29@gmail.com.

Для цитирования

Журавлёв, Ю. А. Развитие экспорта как важный фактор экономического роста / Ю. А. Журавлёв // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 123–128.

For citation

Zhuravlev Yu. A. Development of Exports as an Important Factor for Economic Growth. Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 123–128.